

Висенте Бласко-Ибаньес

Майский цветок

Висенте Бласко-Ибаньес

Майский цветок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3167345

Аннотация

«Дѣло было постомъ, во вторникъ. Утро выдалось прекраснѣйшее. Море спокойное, гладкое, точно зеркало, спало безъ малѣйшей ряби, а отблески солнца падали на неподвижную воду дрожащими зопотыми треугольниками. Лодки, тянувшія за собой сѣти мимо мыса св. Антонія, были чужды всякой тревоги; тишь на морѣ внушала довѣріе, и хозяева ихъ стремились поскорѣе наполнить свои корзины, чтобы вернуться въ Кабаньяль, гдѣ рыбачьи жены нетерпѣливо ждали на взморѣ. На базарѣ въ Валенсіи спросъ былъ великъ, и рыба, слава Богу, шла съ рукъ легко...»

Содержание

I	4
II	32
III	52
IV	69
V	82
VI	109
VII	134
VIII	156
IX	181
X	220

Висенте Бласко Ибаньесъ

Майскій цвѣтокъ

I

Дѣло было постомъ, во вторникъ. Утро выдалось прекраснѣйшее. Море спокойное, гладкое, точно зеркало, спало безъ малѣйшей ряби, а отблески солнца падали на неподвижную воду дрожащими зопотыми треугольниками. Лодки, тянувшія за собой сѣти мимо мыса св. Антонія, были чужды всякой тревоги; тишь на морѣ внушала довѣріе, и хозяева ихъ стремились поскорѣе наполнить свои корзины, чтобы вернуться въ Кабаньяль¹, гдѣ рыбацьи жены нетерпѣливо ждали на взморѣ. На базаръ въ Валенсіи спросъ былъ великъ, и рыба, слава Богу, шла съ рукъ легко.

Въ полдень погода измѣнилась. Началь дуть низовой вѣтеръ, очень опасный въ заливѣ; море покрылось легкой рябью; приближеніе бури всколебало гладкую воду, принявшую свинцовый оттѣнокъ; съ горизонта налетѣли тучи и закрыли солнце.

Подиялась тревога. Ураганъ предвѣщаль бѣднякамъ, привыкшимъ къ бѣдамъ на морѣ, одну изъ тѣхъ бурь, которыя

¹ Одинъ изъ кварталовъ предмѣстья Валенсіи, называемаго Грао. Кабаньяль расположенъ вдоль песчаного взморья.

не обходятся безъ челоѣческихъ жертвъ.

Женщины, подгоняемыя вѣтромъ, раздувавшимъ ихъ юбки, волновались и растерянно бѣгали по песку, сами не зная куда, причемъ испускали ужасные вопли, призывая всѣхъ святыхъ; тогда какъ мужчины, блѣдные, сосредоточенные, покусывая сигаретки и прячась за лодками, оставшимися на берегу, наблюдали темнѣвшій горизонтъ спокойными и пронизательными взорами моряковъ, не спуская глазъ со входа въ гавань, съ выдававшагося впередъ Левантинскаго мола, гдѣ начинали биться о красныя скалы первыя высокія водны, разлетавшіяся кипучей пѣной.

Мысль обо всѣхъ этихъ отцахъ, которыхъ буря застигла за добываніемъ хлѣба для своихъ семействъ, кидала въ дрожь; и при каждомъ порывѣ бури, налетавшемъ на береговыхъ зрителей, послѣдніе думали о крѣпкихъ мачтахъ и о треугольныхъ парусахъ, можетъ быть, въ эту минуту уже превращенныхъ въ щепки и тряпки.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ полудня, на все болѣе темнѣвшемъ горизонтѣ показался рядъ парусовъ, исчезающій и опять выплывавшій, словно подвижные клочья пѣны. Лодки приближались въ безпорядкѣ, какъ напуганное стадо, качаясь на свинцовыхъ волнахъ, убѣгая отъ неумоимаго и бѣшенаго урагана, который, каждый разъ, какъ настигалъ ихъ, будто радовался, отрывая то клочъ холста, то кусокъ мачты, то доску отъ руля и, наконецъ, приподнявъ цѣлую гору зеленоватой воды, обрушивалъ ее на измученную лодку.

Растрепанные женщины, обезумѣвши отъ горя, охрипши отъ криковъ, возсылаемыхъ къ небу, бѣжали по Левантинскому молу, рискуя сдѣлаться жертвою волнъ, хлеставшихъ скалы; всѣ мокрыя отъ пѣны, брызгавшей на нихъ съ бурнаго моря, онѣ трепетно всматривались въ горизонтъ, какъ будто надѣясь, несмотря на разстояніе, увидѣть медленную и страшную агонію своихъ близкихъ.

Многимъ лодкамъ удалось пристать къ берегу, но когда наступилъ вечеръ, на лицо оказались не всѣ. Боже мой! Что могло ихъ постигнуть? Ахъ! Счастливы были тѣ женщины, которыя въ этотъ часъ обнимали на пристани вернувшихся мужей и сыновей, тогда какъ другія менѣе счастливыя, знали, что ихъ милые плывутъ въ гробу среди мрака, прыгая съ волны на волну, проваливаясь въ прожорливыя бездны, слыша скрипъ разѣзжающихся подъ ногами досокъ и ожидая себѣ на голову грозную гору воды.

Дождь шелъ всю ночь, что не помѣшало многимъ женщинамъ просидѣть до зари на молѣ, въ черной каменноугольной грязи; завернутыя въ свои промокшіе плащи, онѣ молились громкими воплями, чтобы слышнѣе было глухимъ на небесахъ, а порою прекращали молитвы, начиная рвать себя за волосы и, въ порывѣ гнѣва и ненависти, кидать въ небо ужасныя богохульства рыбнаго рынка.

Лучезарная заря! Солнце показало свой лицемѣрный ликъ за крайними предѣлами стихшаго моря, еще испещренаго пѣною минувшей ночи; оно кинуло на воды длинный

поясь золотистыхъ и подвижныхъ рефлексовъ, оно разукрасило всю природу. Можно было подумать, что здѣсь ничего не случилось. А между тѣмъ, первымъ предметомъ, который освѣтили его лучи на Назаретскимъ взморѣ, казался разбитый остовъ норвежской бригадины, раздробленной, засыпанной пескомъ, съ развороченными и превращенными въ щепки бортами, со сломанными мачтами, мочившими въ водѣ обрывки парусовъ.

Судно это везло съ сѣвера грузъ строевого лѣса. Тихо колеблясь, море гнало его къ берегу. Громадныя бревна, толстыя доски подхватывались толпой, кишѣвшей на берегу, и исчезали, точно поглощенные пескомъ.

Эти муравьи работали проворно. Буря была имъ выгодна. По дорогамъ Рузафы торопливо развозились прекрасныя балки, долженствовавшія превратиться въ крыши для новыхъ избъ. Береговые пираты весело подгоняли своихъ воловъ и лошадей, чувствуя себя законными владѣльцами добычи и не затрудняясь мыслями о томъ, что эти бревна могли быть забрызганы кровью несчастныхъ иностранцевъ, которыхъ они видѣли мертвыми на пескѣ.

Таможенные сторожа и праздная толпа, скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ испугомъ, стояли группами вокругъ нѣсколькихъ труповъ, лежавшихъ у воды: то были видныя, рослыя, бѣлокурыя, мускулистые парни, крѣпкое тѣло которыхъ, бѣлое, точно у женщинъ, просвѣчивало сквозь рваную одежду, между тѣмъ какъ голубые глаза, мутныя и неподвиж-

ные, устремлены были на небо съ выраженіемъ недоумѣнія.

Гибель норвежской бригаантины была наибольшею изъ бѣдъ, причиненныхъ бурей. Объ этой катастрофѣ написали въ газетахъ. Горожане изъ Валенсіи собрались, точно на богомолье, чтобы издали поглядѣть на судно, увязшее до снастей въ зыбучемъ пескѣ; и всѣ, забывъ о рыбацкихъ лодкахъ, съ удивленіемъ оборачивались на стоны женщинъ, къ которымъ еще не вернулись ихъ мужья.

Впрочемъ, несчастье оказалось менѣе значительнымъ, чѣмъ думали сначала. По спокойному морю подплыло нѣсколько лодокъ, которыя считались погибшими. Убѣгая отъ бури, онѣ попали въ Денію, Гандію или Кульеру; при появленіи каждой изъ нихъ раздавались крики радости, возгласы благодарности всѣмъ святымъ, приставленнымъ въ хранители къ людямъ, которые зарабатываютъ себѣ хлѣбъ на морѣ.

Только одна лодка такъ и не вернулась, — лодка дяди Паскуало, одного изъ самыхъ усердныхъ работниковъ въ Кабаньялѣ, вѣчно въ погонѣ за копейкой, рыбака зимой, а лѣтомъ контрабандиста, храбраго на морѣ и постояннаго посѣтителя береговъ Алжира и Орана, которые онъ попросту называлъ «берегъ, что напротивъ», точно говоря о тротуарѣ черезъ улицу.

Его жена, Тона, провела на молѣ болѣе недѣли, вмѣстѣ съ двоими ребятами, изъ которыхъ одинъ былъ на рукахъ, а другой, уже большенькій, держался за ея юбку. Она ждала своего Паскуало и при каждомъ новомъ извѣстіи начинала

вопить, рвать себѣ волосы и шумно призывать Пресвятую Дѣву.

Рыбаки не высказывались опредѣленно, но, говоря съ нею, принимали мрачный видъ. Они видѣли, какъ лодку несло бурю мимо мыса св. Антонія уже безъ парусовъ: слѣдовательно, она не могла пристать къ берегу; а одному даже показалось, будто ее подхватила сбоку громадная, быстрая волна; но онъ не могъ сказать съ увѣренностью, ускользнула ли лодка или же была потоплена.

И несчастная женщина продолжала ждать вмѣстѣ со своими ребятами, столь же быстро приходя въ отчаяніе, какъ и утѣшаясь надеждами; но, наконецъ, по прошествіи двѣнадцати дней, таможенная лодочка, крейсировавшая вдоль берега ради надзора за контрабандою, притащила за собою лодку дяди Паскуало, килемъ вверхъ, черную, блестящую отъ морской слизи, подобную громадному гробу и окруженную стаями странныхъ рыбокъ, маленькихъ чудовищъ, очевидно привлеченныхъ добычею, которую они почуяли сквозь доски.

Лодку вытянули на берегъ. Мачта была сломлена у самой палубы, трюмъ – полонъ воды. А когда рыбаки ухитрились залѣзть туда, чтобы вычерпать эту воду ведрами, то ноги ихъ, проникши между снастями и кучами корзинокъ, уперлись во что-то мягкое и липкое, вызвавшее инстинктивные крики ужаса. Тамъ былъ покойникъ. Погрузивши руки въ воду, они вытащили раздутый, зеленоватый трупъ съ громаднымъ жи-

вотомъ, готовымъ лопнуть, съ размноженною головою, представлявшею собою безформенный студень; и все это мертвое тѣло грызли прожорливыя рыбки, которыя, не отрываясь, щетиною стояли на немъ и, дергая, заставляли его вздрагивать, отчего на головахъ зрителей волосы поднимались дыбомъ.

Это былъ дядя Паскуало, но въ столь ужасномъ видѣ, что вдова, хотя завыла отъ отчаянія, однако не рискнула прикоснуться къ отвратительному трупу. Прежде чѣмъ потопить лодку, волна сбросила рыбака въ трюмъ, гдѣ онъ такъ и остался, убитый сразу, найдя себѣ могилу въ томъ досчатомъ кузовѣ, который составлялъ мечту всей его жизни и являлся результатомъ тридцатилѣтней бережливости, копившей грошъ за грошемъ.

Кабаньяльскія кумушки принялись бѣшено вопить, видя, какъ море награждаетъ людей, имѣющихъ храбрость работать на немъ; ихъ погребальные вопли проводили до кладбища гробъ, въ который положены были истерзанные и разложившіеся останки.

Впродолженіе недѣли о дядѣ Паскуало говорилось много. Но затѣмъ люди перестали вспоминать о немъ, кромѣ какъ при встрѣчахъ со вдовою, которая все вздыхала, ведя за руку одного малыша, а другого неся на рукахъ.

Бѣдная Тона плакала не только о гибели мужа. Она предвидѣла нищету и притомъ не такую, какую еще можно вынести, а такую, которая ужасаетъ даже бѣдняковъ: ту, что

лишаетъ крова и принуждаетъ несчастныхъ протягивать руки на улицахъ, чтобы вымолить копейку или заплѣсневѣлую корку.

Пока ея несчастье было новостью, она не оставалась безъ помощи; подаянія и сумма, собранная въ окрестности по подпискѣ, обезпечили ее на три или четыре мѣсяца. Но люди забываютъ быстро. Вскорѣ въ Тонѣ перестали видѣть вдову утонувшаго: она явилась просто нищенкой, надоѣдающей всему свѣту хныкаиьемъ и клянченьемъ. Въ концѣ концовъ, многія двери закрылись передъ нею, многія задушевные пріятельницы, когда-то встрѣчавшія ее лишь съ привѣтливыми улыбками, стали отворачиваться съ пренебреженіемъ.

Но не такая женщина была Тона, чтобы растеряться отъ общественнаго презрѣнія. Вотъ еще! Она довольно наплакалась. Пришла пора добывать себѣ пропитаніе, какъ надлежитъ доброй матери съ парюю здоровыхъ рукъ и парюю открытыхъ ртовъ, постоянно просящихъ ѣсть.

Одна у нея была на свѣтѣ собственность: разбитая лодка, въ которой погибъ ея мужъ, гнила на песокѣ, заливаемая дождями или высыхаясь отъ солнца и давая пріютъ въ щеляхъ своихъ цѣлымъ тучамъ москитовъ. Смышленная Тона кое-что придумала. На томъ мѣстѣ, гдѣ валялось судно, она затѣяла цѣлое предпріятіе. Гробъ отца долженъ былъ прокормить вдову и сиротъ.

Родственникъ покойнаго Паскуало, дядя Маріано, старый холостякъ, слывшій богатымъ и выказывавшій нѣкоторую

благосклонность къ дѣтямъ Тоны, помогъ вдовѣ и, несмотря на свою скупость, далъ ей денегъ на обзаведеніе.

Одинъ бокъ лодки распилили сверху донизу, чтобы устроить входъ. На кормѣ появился небольшой прилавокъ, за нимъ помѣстились два-три боченка водки, простой и можжевеловой, а также и вина. Палуба уступила мѣсто крышѣ изъ толстыхъ просмоленныхъ досокъ, отъ чего эта темная лачуга стала нѣсколько повыше. На носу и на кормѣ изъ оставшихся досокъ вышло двѣ конурки, похожія на каюты, одна — для вдовы, другая — для дѣтей, а передъ дверью устроены были тростниковый навѣсъ, въ тѣни котораго не безъ гордости красовались два хромыя стола и полдюжины табуретокъ. Итакъ, разбитая лодка превратилась въ кабачокъ, близъ того зданія, гдѣ помѣщались быки, употребляемые для тяги бичевой, и рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ выгружается рыба и гдѣ всегда толпится много народа.

Кабаньяльскія кумушки были внѣ себя отъ изумленія. Сущимъ чортомъ оказалась эта Тона. «Смотрите, какъ сумѣла устроиться!» Боченки и бугылки чудеснымъ образомъ пустѣли: рыбаки предпочитали пить здѣсь, чѣмъ ходить черезъ все взморье въ кабаньяльскіе кабаки; а въ тѣни навѣса, на хроменькихъ столикахъ, они перекидывались въ картишки въ ожиданіи часа выхода въ море, оживляя игру нѣсколькими глотками рома, получаемаго Тоною прямехонько изъ Кубы, въ чемъ она клялась именемъ Бога!

Разбитая лодка плыла на всѣхъ парусахъ. Въ тѣ времена,

когда, перелетая съ волны на волну, она выкидывала въ море сѣти, ни разу не случилось ей дать столько барыша дядѣ Паскуало, сколько теперь давали вдовѣ ея обломки, старые и превращенные въ кабачекъ.

Это доказывалось постепеннымъ ея украшеніемъ.

Въ обѣихъ каютахъ появились превосходныя саржевыя занавѣски; а когда онѣ раздвигались, то можно было видѣть новые матрацы и подушки въ бѣлыхъ наволочкахъ. На прилавкѣ, точно слитокъ золота, блисталь ярко вычищенный кофейникъ. Лодка, выкрашенная въ бѣлый цвѣтъ, утратила мрачный видъ гроба, напоминавшій о катастрофѣ, и, по мѣрѣ процвѣтанія заведенія, расширялись постройки и разрослось хозяйство. По горячему песку, съ граціознымъ развальцемъ бѣгало болѣе двадцати куръ подъ командою задорнаго и крикливаго пѣтуха, готоваго къ бою со всѣми бродячими собаками взморья; изъ-за тростниковаго плетня слышалось хрюканье свиньи, страдавшей астмою отъ ожиренія, а подъ навѣсомъ противъ прилавка не погасали двѣ жаровни со сковородами, гдѣ разогрѣвался рисъ и шипѣла рыба, румянясь въ голубоватыхъ парахъ оливковаго масла.

Тутъ водворилось благосостояніе, изобиліе. Разбогатѣть было не изъ чего, но на безбѣдную жизнь хватало. Тона самодовольно улыбалась, думая, что у нея нѣтъ долговъ, и любуясь потолкомъ, съ котораго свѣшивались копченыя колбасы, блестящіе сосиски, копченая и нарѣзанная полосами скумбрія, окорока, посыпанные краснымъ перцемъ, а затѣмъ, пе-

реводя взоръ на полныя боченки, разнокалиберныя бутылки, въ которыхъ сверкали разноцвѣтныя напитки и всевозможныя сковородки, висѣвшія на стѣнкѣ въ готовности принять въ себя всякую вкусную снѣдь и зашипѣть на жаровнѣ.

Какъ вспомнишь, что въ первый мѣсяць вдовства ей приходилось голодать!.. Теперь, сытая и довольная, она повторяла по всякому поводу: «Нѣтъ, что тамъ ни говори, Богъ никогда не покидаетъ честныхъ людей».

Благосостояніе и обезпеченность вернули ей молодость; она растолстѣла у себя въ лодкѣ и стала лосниться точно упитанная мясничиха. Защищенное отъ солнца и сырости, лицо ея не имѣло того темнаго и сухого вида, какой бываетъ у женщинъ, работающихъ на взморьѣ; надъ прилавкомъ вздымалась ея объемистая грудь, на которой смѣнялись безчисленные шелковые платочки цвѣта «яйца съ томатомъ» т. е. затканные красными и желтыми узорами.

Она позволила себѣ даже роскошь художественныхъ украшеній. На задней стѣнѣ «магазина», выкрашеннаго въ бѣлую краску, въ промежуткахъ между бутылками, появилась коллекція дешевыхъ хромофотографій, своею яркостью затмевавшихъ даже великолѣпныя платочки, и рыбаки, угощающіяся подъ навѣсомъ, любовались красовавшимися надъ прилавкомъ: Охотою на льва, Смертью праведника и Смертью грѣшника, Лѣстницею жизни и полудюжиною святыхъ, въ числѣ которыхъ, безъ сомнѣнія, находился св. Антоній, а также Худымъ купцомъ и Жирнымъ купцомъ – символиче-

скими изображеніями того, кто торгуетъ въ кредитъ и того, кто продаетъ за наличныя.

Конечно, она имѣла основаніе быть довольной, видя, что дѣти ея растутъ сытыми. Торговля развивалась день ото дня, к старый чулокъ, хранившійся въ ея каютѣ подъ туго набитымъ матрацомъ ея кровати, мало-по-малу наполнялся серебряными монетами.

Порою она не могла преодолѣть желанія охватить однимъ взглядомъ всю совокупность своего богатства; тогда она сходила къ морю. Оттуда она внимательно созерцала куриный загонъ, кухню подъ открытымъ небомъ, свиной сарайчикъ, гдѣ хрюкала розовая свинья, лодку съ выпилленнымъ бокомъ, сверкавшую среди плетней и заборовъ ослѣпительной бѣлизной своей кормы и своего носа, точно волшебный корабль, который буря выкинула бы какъ разъ посреди хуторского двора.

Впрочемъ, она трудилась много. Спать приходилось мало, вставать — рано, и часто посреди ночи внезапные удары въ дверь заставляли ее вскакивать и угощать рыбаковъ, прибывшихъ съ моря и собиравшихся, выгрузивъ рыбу, опять отплыть еще до зари.

Эти ночные кутежи бывали всего выгоднѣе, но при томъ и всего хлопотливѣе для трактирщицы. Она хорошо знала этихъ людей, которые, проплававъ цѣлую недѣлю, хотятъ въ нѣсколько часовъ насладиться всеми земными радостями сразу. На вино они кидались, какъ москиты. Старики засы-

пали тутъ же на столъ, не выпуская угасшихъ трубокъ изъ сухихъ губъ; но молодежь, крупные и здоровенные парни, возбужденные трудовою и воздержною жизнью на моръ, такъ зарились на синю² Тону, что ей приходилось сердито поворачивать имъ спину и всегда быть готовою къ самозащитѣ отъ грубыхъ ласкъ этихъ тритоновъ въ полосатыхъ рубахахъ.

Никогда не была она очень красивою; но зарождавшаяся полнота, широко раскрытые черные глаза, цвѣтущее смуглое лицо, а болѣе всего – легкость одежды, въ которой лѣтними ночами она прислуживала гостямъ, дѣлали ее красавицею въ глазахъ этихъ безхитростныхъ молодцовъ, которые въ ту минуту, какъ поворачивали лодки къ Валенсіи, радостно мечтали о свиданіи съ синьей Тоной.

Но она была женщина храбрая и умѣла держать себя съ ними. Никогда она не сдавалась. На слишкомъ смѣлые подходы она отвѣчала дерзостями, на щипки – пощечинами, на насильственные поцѣлуи – здоровыми ударами ноги, отъ которыхъ не разъ катались по песку парни, столь же крѣпкіе, какъ мачты ихъ лодокъ. Она не хотѣла становиться въ двусмысленное положеніе, какъ дѣлаютъ многія другія; она не позволяла относиться къ ней легкомысленно! Сверхъ того, у нея были дѣти: оба малыша спали тутъ же, отгороженные отъ прилавка лишь досчатой переборкой, сквозь которую слышень былъ ихъ храпъ; и единственной ея заботой было – прокормить свое маленькое семейство.

² Синья – мѣстное сокращеніе слова сеньора.

Будущность ребятъ начинала ее тревожить. Они росли на взморѣ, какъ молодыя чайки, заползая въ часы зноя подъ брюхо лодокъ, вытщенныхъ на берегъ, а въ остальное время забавляясь у моря сборомъ раковинъ и камешковъ, причемъ ихъ ножки шоколаднаго цвѣта тонули въ густыхъ слояхъ водорослей.

Старшій Паскуало былъ живымъ портретомъ отца. Шаровидный, пузатенькій, круглолицый, онъ походилъ на здороваго семинариста, и моряки прозвали его «Ректоромъ», каковое прозвище и осталось за нимъ навѣкъ.

Онъ былъ на восемь лѣтъ старше маленькаго Антонио, ребенка худощаваго, нервнаго и капризнаго, съ глазами такими же, какъ у Тоны.

Паскуало окружалъ маленькаго брата искренней материнской заботливостью. Пока синья Тона бывала занята своимъ дѣломъ, добрый ребенокъ возился съ малюткой, какъ усердная нянька, и уходилъ играть съ мальчишками на берегу, никогда не оставляя дома бѣшенаго малыша, который брыкался, грызъ ему плечо и выдиралъ ему волосы на затылкѣ. Ночью, въ тѣсной каютѣ, превращенной въ спальню, лучшее мѣсто уступалось младшему, а старшій терпѣливо забивался въ уголь, чтобы просторнѣе спалось на матрацѣ этому чертенку, который, несмотря на свою слабость, былъ настоящимъ тираномъ.

Въ тѣ дни, когда волны бушевали и зимній вѣтеръ дулъ, врываясь въ щели между досками, подъ глухой ревъ моря,

доносившійся до ихъ лодки, дѣти засыпали одинъ въ объятіяхъ другого, подъ общимъ одѣяломъ. Бывали ночи, когда ихъ будилъ шумъ попоекъ, которыми рыбаки праздновали свое прибытіе. Они слышали сердитый голосъ матери, приведенной въ негодованіе, звонкій звукъ ловкой пощечины, и не разъ перегородка ихъ каюты вздрагивала и гудѣла отъ внезапнаго паденія свалившагося тѣла. Но въ своемъ невинномъ невѣдѣніи, чуждые страха и подозрѣній, они вскорѣ засыпали вновь.

По отношенію къ дѣтямъ синья Тона допускала несправедливую слабость. Въ первое время своего вдовства, глядя на нихъ по ночамъ, когда они спали въ своей тѣсной каютѣ, сдвинувъ головки и покоясь, можетъ быть, на той самой доскѣ, о которую разможилъ себѣ голову ихъ отецъ, она испытывала глубокое волненіе и плакала, какъ будто опасаясь лишиться и ихъ. Но въ послѣдствіи, когда годы нѣсколько изгладили воспоминаніе о катастрофѣ, живя въ достаткѣ, она невольно высказывала больше любви своему Антонію, этому граціозному существу, повелительному и грубому со всякимъ, за исключеніемъ только матери, къ которой онъ ласкался съ прелестью рѣзваго котвнка.

Вдова приходила въ восторгъ отъ этого шалуна, который вѣчно шатался по берегу и въ семь лѣтъ пропадалъ цѣлыми днями, возвращаясь лишь къ ночи съ платьемъ въ лохмотьяхъ и съ пескомъ въ карманахъ. Старшій, напротивъ, свободный теперь отъ ухода за младшимъ, съ утра до вечера мы-

ль стаканы въ кухнѣ, прислуживаль гостямъ, кормилъ куръ и свинью и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ наблюдалъ за сковородками, шипѣвшими на жаровняхъ.

Когда мать, полудремля за прилавкомъ въ часы зноя, оставливала взоръ свой за Паскуало, она всегда испытывала живѣйшее изумленіе: ей воображалось, будто она видитъ своего мужа въ ту пору, какъ съ нимъ познакомилась, когда онъ служилъ юнгою на рыбацъей лодкѣ. Передъ нею было то же лицо, круглое и улыбающеся, то же коротковатое и широкое туловище, тѣ же толстыя и короткія ноги. Въ сферѣ духовной сходство было не менѣе велико. Подобно отцу, сынъ отличался честною простотою, усердіемъ къ работѣ, спокойною настойчивостію, за что всѣ почитали его «человѣкомъ серьезнымъ». Очень добрый и очень робкій, онъ доходилъ до озвѣрѣнія, когда являлась возможность зашибить копейку; и онъ безумно любилъ море, этого щедраго кормильца безтрепетныхъ людей, умѣющихъ добывать изъ него пищу. Въ тринадцать лѣтъ онъ ужъ не мирился съ жизнью въ кухнѣ и неловко выражалъ свое къ ней отвращеніе безсвязными слоѣами, отрывочными и нѣсколько неясными фразами, такъ какъ ничего другого не складывалось въ его туго изображавшей головѣ. Онъ не рожденъ для службы въ трактирѣ: это дѣло черезчуръ легкое, годное для его брата, который не очень то любитъ работать. А онъ силенъ и крѣпокъ, любитъ море и хочетъ стать рыбакомъ.

Синья Тона пугалась, когда слышала это и отвѣчала на-

поминаніями о страшной катастрофѣ, приключившейся по-
стомъ во вторникъ. Упрямый подростокъ настаивалъ: та-
кія несчастія бываютъ не каждый день, и разъ, у него есть
призваніе, онъ долженъ дѣлать дѣло своихъ отца и дѣда,
что много разъ повторялъ дядя Борраска, владѣлецъ лодки,
большой пріятель покойнаго Паскуало.

Наконецъ, въ ту пору, когда начиналась «ловля быками»³,
мать уступила, и Паскуало нанялся къ старику Борраскѣ въ
юнга или «лодочныя кошки» безъ жалованья, эа харчи и
«рыбій бракъ», въ составъ котораго входятъ мелкая рыбеш-
ка, крабы, морскіе коньки и т. п.

Начало ученичества было для него пріятнымъ. До тѣхъ
поръ онъ одѣвался въ старое платье отца; но синья Тона по-
желала, чтобы вступленіе въ новую профессію сопровожда-
лось нѣкоторой торжественностью; разъ вечеромъ, она за-
перла трактиръ и вмѣстѣ съ сыномъ отправилась въ Грао,
на приморскій рынокъ, гдѣ продавалась готовая одежда для
моряковъ. Паскуало долго помнилъ этотъ рынокъ, показав-
шійся ему храмомъ роскоши. У него разбѣгались глаза сре-
ди синихъ куртокъ, желтыхъ клеенчатыхъ плащей, громад-
ныхъ морскихъ сапогъ, — предметовъ, употребляемыхъ лишь
хозяевами лодокъ; онъ ушелъ оттуда полный гордости, неся
съ собою свое скромное приданое: двѣ рубашки майоркскаго
полотна, жесткія и колючія, точно изъ упаковочной бумаги;

³ «Ловля быками» въ Средиземномъ морѣ производится при помощи двухъ
соединенныхъ лодокъ, тянущихъ за собою одну длинную сѣть.

черный шерстяной пояс; полный костюмъ изъ грубаго сукна, желтый до ужаса; красную шапочку, которую приходится надвигать на уши въ дурную погоду, и черную шелковую фуражку для прогулокъ по берегу. Наконецъ-то у него явилось платье по росту и пришелъ конецъ его борьбѣ съ отцовскими куртками, которыя вздувались вѣтромъ на его спинѣ, точно паруса, и заставляли его бѣжать скорѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ. Что же касается башмаковъ, то о нихъ не стоило и говорить: никогда въ жизни юнга изъ Кабаньяля не пряталъ своихъ рѣзвыхъ ногъ въ эти орудія пытки!

Ребенокъ не ошибся, говоря, что рожденъ для жизни на морѣ. Лодка дяди Борраска понравилась ему гораздо больше, нежели материнская, рядомъ съ которою хрюкала свинья и кудахтали куры. Работалъ онъ усердно и, сверхъ харчей, щедро бывалъ вознаграждаемъ тычками отъ руки стараго хозяина, который на сушѣ бывалъ съ нимъ ласковъ, но на лодкѣ не спустилъ бы даже и отцу его. Мальчикъ съ кошачьей ловкостью влѣзалъ на мачту и прикрѣплялъ фонарь или поправлялъ снасти; онъ помогалъ тащить сѣти, когда начинали ихъ вытягивать; мылъ палубу, убиралъ въ трюмъ большія корзины съ рыбою, раздувалъ жаровню и наблюдалъ, какъ бы не пережарился обѣдъ, чтобы не дать повода къ ропоту рыбакамъ.

Но за весь этотъ трудъ сколько радостей выпадало на его долю! Тотчасъ по окончаніи обѣда хозяина съ рыбаками, за которымъ Паскуало и другой юнга присутствовали почти-

тельно и неподвижно, объѣдки предоставлялись юнга́мъ, которые усаживались вдвоемъ на кормѣ съ чернымъ котломъ между колѣнъ и съ хлѣбомъ подъ мышкой. Сначала поѣдалось лучшее; потомъ, когда ложки начинали скрести дно котла, происходило вытираніе его корками, такъ, что, въ концѣ-концовъ, чугунъ оказывался чистымъ и гладкимъ, точно его вымыли. Затѣмъ, шли поиски вина, недопитаго экипажемъ изъ жестяного жбана; наконецъ, если не оказывалось работы, «кошки» по-царски растягивались на палубѣ, выпроставъ рубахи изъ штановъ, животы наружу, и лежали, убаюкиваемые качкой и продуваемые вѣтеркомъ. Въ табакѣ недостатка не было, и дядя Борраска призывалъ всѣхъ чертей, видя, съ какою непостижимою быстротою исчезаетъ изъ кармановъ его куртки то листовой алжирскій, то крошеный гаванскій табакъ, смотря по сорту послѣдняго груза, контрабандою привезеннаго въ Кабаньяль. Эта жизнь была раемъ для Паскуало; и каждый разъ, какъ онъ сходилъ на берегъ, мать его замѣчала, что онъ все болѣе крѣпнеть, все болѣе загораетъ отъ солнца, но по старому остается добродушнымъ, несмотря на постоянное товарищество съ лодочными «кошками», скороспѣлыми негодьями, способными на сквернѣйшія выходки и имѣвшими обыкновеніе при разговорѣ пускать собесѣднику въ носъ дымъ изъ трубокъ почти такого же роста, какъ они сами.

Трактирщицѣ не всегда бывало весело; цѣлые дни проводила она въ старой лодкѣ совершенно одна, какъ будто у нея

вовсе не было дѣтей. Ректоръ былъ на морѣ, добывая свою долю «рыбьяго брака», чтобы въ праздничный день съ гордостью вручить материтри – четыре песеты⁴, составлявшія его недѣльный заработокъ. Что же касалось младшаго, этого бѣса во плоти, онъ сталъ неисправимымъ бродягою и возвращался домой лишь тогда, когда его донималъ голодъ.

Антоніо связался со скверными береговыми мальчишками, шайкою шалопаевъ, которые точно такъ же не знали своихъ отцовъ и матерей, какъ и бродячія собаки, бѣгавшія съ ними по песку. Плавать онъ умѣлъ не хуже рыбы; лѣтомъ онъ нырялъ въ гавани, со спокойной беззащитностью обнажая свое худое и смуглое тѣло ради мелкихъ мѣдныхъ монетъ, которыя гуляющіе бросали въ воду, а онъ вылавливалъ ртомъ. Ночью онъ возвращался въ трактирчикъ въ разорванныхъ штанахъ и съ расцарапаннымъ лицомъ. Сколько разъ мать заставляла его еѣ наслажденіемъ пьющимъ водку изъ боченка; а разъ вечеромъ ей пришлось надѣть плащъ и пойти въ портовую полицію, чтобы слезно молить объ освобожденіи сына, обѣщая, что она исправитъ его отъ скверной привычки таскать сахаръ изъ ящичковъ, стоящихъ иа пристани.

Какимъ бездѣльникомъ вышелъ этотъ Антоніо. Боже! въ кого это онъ удался?! Честнымъ родителямъ стыдно было имѣть сыномъ такого сорванца, мошенника, который, имѣя дома чѣмъ наѣсться, бродилъ цѣлыми днями вокругъ кораблей изъ Шотландіи и, едва только отвернутся грузчики, уже

⁴ Монета, равная франку.

бѣжалъ прочь съ трескою подь мышкою. Такой ребенокъ могъ привести въ отчаяніе свою семью. Въ двѣнадцать лѣтъ — ни малѣйшей склонности къ труду, ни малѣйшаго почтенія къ матери, не взирая на палки отъ метель, которыя она ломала на его спинѣ.

Синья Тона изливала свои печали передь Мартинесомъ, молодымъ таможеннымъ стражникомъ, который дежурилъ на этомъ мѣстѣ взморья и проводилъ часы зноя подь навѣсомъ кабачка, держа ружье между колѣнъ, неопредѣленно глядя въ пространство и выслушивая безконечныя жалобы трактирщицы.

Этотъ Мартинесъ былъ андалузецъ родомъ изъ Хуэльвы, красивый статный парень, молодецки носившій свой старый солдатскій мундиръ и изящно крутившій свои бѣлокурые усы. Синья Тона восхищалась имъ: «Когда человекъ получилъ воспитаніе, то напрасно будетъ это скрывать: оно видно за цѣлую версту». И какое изящество въ рѣчи! Какія деликатныя выраженія! Сразу можно было узнать ученаго! Да, вѣдь, онъ и пробылъ нѣсколько лѣтъ въ семинаріи своей провинціи! А если теперь очутился на такой службѣ, то единственно потому, что, раздумавъ идти въ священники и захотѣвъ повидать свѣтъ, онъ поссорился со своими, поступилъ въ солдаты, а потомъ перешелъ въ таможню.

Трактирщица слушала его, выпучивъ глаза, когда онъ рассказывалъ свою исторію съ грубымъ пришепетываніемъ андалузскаго простолюдина, и, платя ему тою же монетою, от-

вѣчала на кастильскомъ нарѣчїи, столь каррикатурномъ и мало вразумительномъ, что надъ нимъ посмѣялись бы даже и жители Кабаньяля.

— Видите ли, г. Мартинесь, мой мальчишка сводить меня съ ума своими глупостями. Я твержу ему: «Чего тебѣ не хватаетъ, разбойникъ? Что ты липнешь къ этимъ паршивцамъ?» Ахъ, г. Мартинесь, вы такъ хорошо умѣете говорить, такъ хоть бы вы его поугали. Скажите, что его уведутъ въ Валенсію и тамъ посадятъ въ острогъ, если онъ не исправится.

Синьоръ Мартинесь давалъ обѣщаніе поугать повѣсу, отчитывалъ его со строгимъ видомъ и добивался того, что хоть на нѣсколько часовъ Антоніо оставался пораженнымъ, испытывая почти ужасъ передъ этимъ военнымъ и передъ страшнымъ ружьемъ, съ которымъ тотъ никогда не расставался.

Такія маленькія услуги постепенно превращали Мартинеса въ члена семьи, создавая все большую близость между нимъ и синьею Тоною. Обѣдъ ему готовили въ трактирчикѣ; здѣсь же онъ просиживалъ цѣлыми днями, и любезная хозяйка многократно, не безъ удовольствія, чинила ему бѣлье и пришивала пуговицы къ нижнему платью. «Бѣдный синьоръ Мартинесь! какъ обойтись такому благовоспитанному молодому человѣку безъ ея помощи? Онъ ходилъ бы въ лохмотьяхъ, заброшенный, точно бѣднякъ; а на это, говоря откровенно, женщина съ сердцемъ никогда не можетъ согласиться».

Лѣтомъ, въ послѣполоуденные часы, когда солнце палило пустынное взморье и клало на раскаленный песокъ отблески пожара, неизмѣнно повторялась нижеслѣдующая сцена:

Мартинесь, на тростниковомъ табуретѣ у прилавка, читаль своего любимаго писателя, Переса Эскрича, толстые, засѣленные и помятые томы котораго передавались таможенными солдатами другъ другу и такимъ образомъ обошли весь берегъ. Эти толстые томы, внушавшіе синѣ Тонѣ суевѣрное почтеніе безграмотнаго къ книгѣ, были тѣмъ источникомъ, откуда Мартинесь почерпаль свой звучный и напыщенный слогъ и свою философію, которыми поражаль вдову.

По другую сторону прилавка, втыкая какъ попало свою иголку и сама хорошенько не зная, что шьетъ, кабатчица подолгу любовалась стражникомъ, по цѣлымъ получасамъ забываясь въ созерцаніи его тонкихъ бѣлокурыхъ усовъ, въ разглядываніи, каковъ у него носъ и съ какимъ тонкимъ вкусомъ раздѣлены проборомъ и приглажены на вискахъ его золотые волосы.

Порою, перевертывая страницу, Мартинесь поднималь голову, встрѣчалъ устремленные на него большіе черные глаза Тоны, краснѣль и опять принимался за чтеніе.

Трактирщица упрекала себя за эти долгія созерцанія. Что могли они значить? Разумѣется, когда живъ былъ ея Паскуало, ей случалось глядѣть на него внимательно, чтобы рассмотреть его лицо. Но теперъ какая ей надобность тарашить

глаза на Мартинеса цѣлыми часами, словно дура, не отрываясь отъ этого неприличнаго глазѣнія? Что скажутъ люди, когда узнають?.. Очевидно, что-то привязываетъ ее къ этому человѣку. А почему же бы и нѣтъ? Онъ такъ красивъ, такъ воспитанъ! Такъ хорошо говорить!.. Однако, все же это – одни пустяки. Ей уже подѣ сорокъ; точно лѣтъ своихъ она не помнитъ, но, пожалуй, идетъ тридцать седьмой; а Мартинесу не болѣе двадцати шести... А впрочемъ, чертъ возьми! Несмотря на свои лѣта, она еще недурна; она думаетъ, что хорошо сохранилась, да и разбойники-матросы, такъ надоѣвшіе ей своими приставаніями, оказываются того же мнѣнія. И мысли эти, пожалуй, не такъ уже нелѣпы: добрые люди успѣли придумать кое-что въ такомъ родѣ, и товарищи Мартинеса, равно какъ и береговья рыбныя торговки, выражали свои коварныя предположенія черезъ-чуръ удобопонятными намеками.

Наконецъ, случилось то, чего всѣ ждали. Синья Тона, чтобы заглушить свои сомнѣнія, приводила себѣ въ видѣ довода, что ея дѣтямъ необходимъ отецъ и что ей не найти лучшаго, чѣмъ Мартинесь. И стойкая женщина, кормившая рыбаковъ пощечинами при малѣйшей попыткѣ, сдалась добровольно, или, вѣрнѣе, ей пришлось побороть трусость этого робкаго парня. Она взяла на себя инициативу, а Мартинесь уступилъ съ покорностью человѣка высшаго порядка, который, сосредоточиваясь мыслями въ высшихъ сферахъ, позволяетъ въ земныхъ дѣлахъ вертѣть собой, какъ автоматомъ.

Событіе пріобрѣло публичность; и сама синья Тона не до-
садовала на это: напротивъ, пусть всѣ знаютъ, что въ ея домѣ
есть хозяинъ; оно даже было ей пріятно. Отлучаясь въ Каба-
ньяль по дѣламъ, она оставляла трактиръ на Мартинеса, ко-
торый, какъ и прежде, усаживался подъ навѣсомъ и, съ ру-
жьемъ между колѣнъ, смотрѣлъ на море.

Сами дѣти казались увѣдомленными о новомъ порядкѣ
вещей. Когда Ректоръ бывалъ на берегу, онъ искоса глядѣлъ
на мать съ тревожнымъ удивленіемъ, а передъ бѣлокуримъ
стражникомъ, котораго всегда заставлялъ въ кабачкѣ, конфу-
зился и робѣлъ. Антоній же лукавою улыбкою давалъ по-
нять, что происшествіе служило темой для насмѣшливыхъ
комментаріевъ на сборищахъ береговыхъ озорниковъ; вмѣ-
сто того, чтобы попрежнему пугаться нравоученій стражни-
ка, онъ отвѣчалъ ему гримасами и убѣгалъ въ припрыжку,
всячески кривляясь для выраженія своего презрѣнія.

Въ это время, Тона пережила медовый мѣсяцъ въ пору
своей полной жизненной зрѣлости. Теперь супружество ея
съ Паскуало вспоминалось ей, какъ однообразное рабство.
Она любила стражника съ восторгомъ, съ тою кипучею стра-
стью, какую испытываютъ женщины уже на склонѣ лѣтъ.
Ослѣпленная своею любовью, она выставляла ее на показъ,
не огорчаясь ропотомъ сосѣдей. «Въ чемъ дѣло? Пусть гово-
рятъ, что хотятъ. Другія дѣлаютъ еще хуже; а если болтаютъ,
то только изъ зависти, потому что ей посчастливилось запо-
лучить красиваго молодца».

Мартинесь, не покидая своего мечтательнаго вида, даваль себя ласкать и баловать, какъ челоѡѡкъ, которому воздается должное. Онъ пользовался большимъ почетомъ среди своихъ товарищей и начальства: въ его распоряженіи была касса кабачка и даже тотъ чулокъ съ монетами, который часто наминаль ему бока, когда онъ растягивался на кровати въ каютѡ.

Можеть быть, чтобы избавиться отъ этой непріятности, онъ поспѡшилъ опустошить его, въ чемъ, впрочемъ, не встрѡтилъ ни малѡйшаго нротиворѡчія со стороны синьи Тоны. Развѡ ему не предстояло стать ея мужемъ? Только-бы хорошо шла торговля, она не имѡла права жаловаться!

Но по прошествіи четырехъ или пяти мѡсяцевъ на нее начало нападать раздумье. Становилось необходимымъ оформить положеніе, а продолжать по-прежнему оказывалось невозможнымъ. Когда честная женщина, мать двоихъ дѡтей, имѡеть въ виду произвести на свѡтъ третьяго, нужно, чтобы налицо былъ мужчина, который могъ бы заявить: «это мое дѡло!»

Она сообщила объ этомъ Мартинесу, и Мартинесь отвѡтилъ: «очень хорошо!» на всѡ ея рѡчи. Тѡмъ не менѡе, онъ поморщился и приняль плачевный видъ, точно его грубо столкнули съ тѡхъ идеальныхъ высотъ, гдѡ онъ любиль искать убѡжища отъ жизненной прозы. Онъ прибавиль, что, вѡроятно, придется долго ждать бумагъ, необходимыхъ для вѡнчанія такъ какъ Хуэльва далеко.

Тона стала жить надеждой, сосредоточивши все мысли на этой далекой Хуэльвѣ, которая, по ея представлѣніямъ, должна была находиться гдѣ-нибудь по близости Кубы или Филиппинскихъ островъ.

Однако, недѣля шла за недѣлею и необходимость вѣнчанія становилась все очевиднѣе. «Мартинесь, синьоръ Мартинесь, осталось всего два мѣсяца. Уже невозможно скрыть, чего мы ждемъ, и люди начинаютъ примѣчать. Что скажутъ мальчишки, когда застанутъ въ домѣ новаго брата?»

Мартинесь возражалъ: «Это не моя вина. Ты видишь, сколько писемъ я пишу, чтобы ускорить высылку бумагъ...»

Въ одинъ прекрасный день стражникъ объявилъ, что самъ ѣдетъ въ Хуэльву за проклятыми документами и уже получилъ отпускъ отъ своего начальства.

Превосходно! Такое рѣшеніе было весьма пріятно синьѣ Тонѣ. Чтобы облегчить ему путешествіе, она отдала все деньги, какія были въ выручкѣ, затѣмъ въ послѣдній разъ погладила его по головѣ и пролила нѣсколько слезъ, говоря:

– До свиданія, добрый путь!..

Бѣдной Тонѣ никогда уже не суждено было свидѣться съ синьоромъ Мартинесомъ. Среди стражниковъ, обслуживавшихъ берегъ, нашлась добрая душа, доставившая себѣ удовольствіе открыть ей истину. Никогда не было рѣчи о поѣздкѣ въ Хуэльву. Письма Мартинесь отправлялъ въ Мадридъ: въ нихъ заключались просьбы о переводѣ на другой постъ, подальше отъ Валенсіи, климатъ которой ему якобы вре-

день. И въ самомъ дѣлѣ, его перевели въ Коронью.

Синья Тона подумала, что сойдетъ съ ума. Воръ, и хуже вора! Смотрите, какой недотрога! Вотъ вѣрь послѣ этого людямъ, которые такъ хорошо говорятъ. Такъ отплатить ей, которая рада была отдать ему послѣдній грошъ и ублажала его подъ навѣсомъ въ часы сіесты ни дать, ни взять, какъ родная мать.

Но все отчаяніе бѣдной женщины не помѣшало появленію на свѣтъ того, что было причиною необходимости брака; и нѣсколько мѣсяцевъ спустя синья Тона подавала стаканы, прижимая къ свой пышной груди блѣдную, слабенькую, голубоглазую дѣвочку, съ объемистой бѣлокурой головкой, походившей на золотой шаръ.

II

Прошли года безъ малѣйшей перемѣны въ однообразномъ существованіи семейста, которое жило въ лодкѣ, превращенной въ харчевню.

Ректоръ былъ настоящій морякъ, коренастый, флегматичный, безстрашный передъ опасностью. Изъ «кошки» онъ превратился въ матроса; на него дядя Борраска надѣялся больше, чѣмъ на весь остальной экипажъ; и ежемѣсячно онъ отдавалъ матери четыре или пять сбереженныхъ дуго, которые она клала для него на храненіе подъ матраць.

Антоніо не имѣлъ ремесла. Между матерью и имъ шла борьба. Тона находила ему мѣста, а онъ ихъ бросалъ черезъ нѣсколько дней. Съ недѣлю онъ прожилъ въ ученикахъ у башмачника; побольше двухъ мѣсяцевъ проплавалъ съ дядей Борраска въ качествѣ юнги, но хозяину надоѣло кричать на него, не будучи въ силахъ добиться повинovenія. Потому онъ попробовалъ сдѣлаться бочаромъ: это ремесло считалось наилучшимъ; но хозяинъ выставилъ его вонъ очень скоро. Наконецъ, въ семнадцать лѣтъ, онъ поступилъ въ артель разгрузчиковъ и работалъ не чаще двухъ разъ въ недѣлю, да и то съ большой неохотой.

Тѣмъ не менѣе, его праздношатайство и порочныя привычки почти прощались синьей Тоною, когда она любовалась имъ по праздникамъ — а для этого бродяги почти каж-

дый день бывалъ праздникъ, – въ шелковой фуражкѣ съ пышнымъ дномъ надъ темно-бронзовымъ лицомъ съ пробивавшимися усиками, въ синей холщевой курткѣ, прилегавшей къ стройному тѣлу, въ черномъ шелковомъ поясѣ, замотанномъ вокругъ фланелевой рубашки въ черныхъ и зеленыхъ клѣткахъ. Какъ бы тамъ ни было, она гордилась тѣмъ, что была матерью этого красиваго мальчишки, который явно намѣревался стать такимъ же негодяемъ, какъ недоброй памяти Мартинесъ; но ея Антоніо обѣщаль быть живѣе, смѣлѣе, предприимчивѣе; это доказывалось тѣмъ, что кабаньяльскія дѣвицы уже соперничали передъ нимъ въ качествахъ влюбленныхъ.

Тона радовалась, узнавая, какъ онѣ цѣнятъ ея сына, и бывала извѣщена обо всѣхъ его похожденияхъ. Какая жалость, что онѣ такъ любятъ эту проклятую водку! Вотъ кого можно назвать настоящимъ мужчиной; онѣ – совсѣмъ не то, что его сонный братецъ, котораго не расшевелишь, хоть проѣзжай по немъ въ телѣгѣ.

Въ одинъ воскресный вечеръ, въ кабацкѣ «Добрыхъ Нравовъ», – ужасно ироническое названіе! – Антоніо поссорился съ артелью разгрузчиковъ, работавшихъ дешевле: полетѣли стаканы и, когда для водворенія мира явилась полиція, то захватила его съ ножемъ въ рукѣ, среди преслѣдованія враговъ между столами. Болѣе недѣли его продержали въ кутузкѣ при общинномъ домѣ. Слезы синьи Тоны и хлопоты дяди Марьяно, который былъ вліятельнымъ выборщикомъ, выз-

волили его на этотъ разъ; но исправился онъ такъ мало, что въ самый вечеръ своего освобожденія вновь замахнулся тѣмъ же ножемъ на двухъ англійскихъ моряковъ, которые, напившись вмѣстѣ съ нимъ, захотѣли его вздуть.

Онъ былъ у всѣхъ на виду въ Кабаньялѣ. Неважный работникъ, но крѣпче кого угодно въ тѣ ночи, когда на всѣхъ парусахъ плавалось изъ кабака въ кабакъ вплоть до утра.

Мать не видала его иногда по цѣлымъ недѣлямъ. У него была любовная связь, почти серьезная и походившая, по словамъ многихъ, на рановременное обрученіе. Но синья Тона не одобряла этой связи. Разумѣется, она не надѣялась женить Антонио на принцессѣ, но дочка тартанеро, дяди Паэля, казалась ей уже слишкомъ ничтожною. Эта Долоресъ была безстыдна, какъ обезьяна, очень красива, – этого нельзя было отрицать, – но способна съѣсть живьемъ ту несчастную свекровь, которой достанется въ невѣстки.

Да и какъ можно было ждать иного? Эта дѣвченка выросла безъ матери, не разлучаясь съ дядей Паэльей, пьяницею, который бывалъ навеселѣ съ восхода солнца, когда садился на свою тартану⁵, и впалъ въ чахотку отъ пьянства, полезнаго единственно его носу, который краснѣлъ и толстѣлъ все болѣе и болѣе.

⁵ Тартанюо называется двухколесная телѣга, съ верхомъ въ видѣ свода; на двухъ боковыхъ лавочкахъ могутъ усѣсться по 4–5 человекъ на каждой; влѣзаютъ они сзади. Кучеръ сидитъ на дощечкѣ, прикрѣпленной снаружи къ правой оглоблѣ. Существуетъ много общественныхъ тартанъ, замѣняющихъ нашихъ извозчиковъ и омнибусы. Тартанеро – кучеръ тартаны.

Человѣкъ онъ былъ безчестный и пользовался сквернѣйшей репутаціей. Заработокъ онъ находилъ лишь въ Валенсіи, въ рыбацкомъ кварталѣ. Когда приставалъ англійскій пароходъ, онъ безъ стыда предлагалъ матросамъ свезти ихъ въ публичные дома, а въ лѣтнія ночи бралъ къ себѣ на тартану цѣлый грузъ дѣвокъ въ свѣтлыхъ свободныхъ платьяхъ, съ наштукатуренными щеками и съ цвѣтами въ волосахъ, и развозилъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ пріятелями по береговымъ харчевнямъ, гдѣ кутили до утра, тогда какъ самъ онъ, сидя въ сторонкѣ и ни на минуту не разставаясь со своимъ кнутомъ и съ виннымъ кувшиномъ, напивался, отечески созерцая тѣхъ, кого называлъ «своими овечками».

Хуже всего было то, что онъ не стѣснялся и передъ собственною дочерью. Онъ говорилъ съ нею въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и со своими кліентками. Во хмѣлю онъ бывалъ болтливъ, неудержимо высказывалъ все вслухъ; и напуганная малютка Долоресъ, убѣгая отъ толчковъ его ногъ, широко раскрывала глаза съ выраженіемъ нездороваго любопытства, прислушиваясь къ непристойнымъ рѣчамъ стараго Пээли, который самъ себѣ рассказывалъ обо всѣхъ гадостяхъ, видѣнныхъ имъ въ теченіе ночи.

Таково было воспитаніе Долоресъ. Какъ же хотѣтъ, чтобы она чего-либо не знала? Главнымъ образомъ, по этой причинѣ Тона отказывалась принять ее въ свою семью. Если дѣвушка не погибла еще совершенно теперь, когда начала превращаться въ хорошенькую женщину, то единствен-

но благодаря добрымъ совѣтамъ двухъ-трехъ сосѣдокъ. Тѣмъ не менѣе, отношенія ея къ Антонію уже породили множество сплетенъ. Послѣдній приходилъ въ домъ своей возлюбленной, точно хозяинъ, и почти всегда обѣдалъ съ нею, пользуясь тѣмъ, что тартанеро возвращался поздною ночью. Молодая дѣвушка чинила ему бѣлье, а порою даже шарила въ карманахъ отца и брала оттуда мелочь, которую дарила своему поклоннику; это давало пьяницѣ поводъ произносить пространныя ругательства по адресу лицемѣрныхъ друзей: онъ предполагалъ, что въ тѣ минуты, когда винные пары застилаютъ ему зрѣніе, собутыльники таскаютъ у него песеты.

Итакъ, синья Тона жила совсѣмъ одиноко. Ректоръ постоянно бывалъ на морѣ, охотясь за песетами, какъ онъ говорилъ, то ловя рыбу, то нанимаясь матросомъ на одну изъ габарь⁶, ходящихъ за солью въ Торревьеху; Антонію бѣгаль по харчевнямъ или просиживалъ у дяди Паэлы, у котораго только что не поселился. Такъ она близилась къ старости за прилавкомъ своего кабачка, имѣя около себя лишь одну свою дочь, къ которой питала странную, какую-то непостоянную любовь: эта дѣвочка была живымъ портретомъ Мартинеса... «Даль бы Богъ, чтобы чортъ побралъ этого мошенника!»

Рѣшительно оказывалось, что Богъ печется о честныхъ людяхъ далеко не всегда. Дѣла шли значительно хуже, чѣмъ въ первое время ея вдовства. Другія старыя лодки, выбро-

⁶ Габара – грузовое судно.

шенныя на песокъ, были обращены въ харчевни, и теперь рыбакамъ предоставлялся выборъ. Кромѣ того, она дурнѣла, и морякамъ уже не такъ хотѣлось пить, ухаживая за нею.

Результатъ: хотя трактирчикъ удержалъ за собою своихъ старыхъ завсегдатаевъ, онъ приносилъ не болѣе того, что было необходимо для жизни. Нерѣдко, глядя издали на свою бѣлую лачужку, Тона съ печалью убѣждалась, что огонь погасъ, изгородь почти обвалилась, что за плетнемъ нѣтъ свињи, которая бы хрюкала въ ожиданіи ежегодной казни, и что по пустынному взморью грустно бродить не болѣе полудюжины куръ.

Время шло для нея однообразно и медленно; изъ мрачной полудремоты ее выводили только выходки Антоніо или созерцаніе портрета синьора Мартинеса въ мундирѣ, который она оставила на стѣнѣ своей каюты изъ какой-то утонченной жестокости, какъ бы въ напоминаніе себѣ самой о своей минувшей слабости.

Маленькая Росета, эта дѣвочка, попавшая въ лодку по милости и благодаря стараніямъ плутоватаго стражника, не могла похвалиться большимъ вниманіемъ со стороны матери. Она росла на свободѣ, точно дикій звѣрокъ. Днемъ ее можно было видѣть лишь въ тѣ часы, когда голодь приводилъ ее домой; а съ наступленіемъ ночи Тонѣ часто приходилось отправляться ее разыскивать и потомъ, хорошенько выпоровши, запираетъ въ лодкѣ. «Должно покоряться волѣ Божьей; но въ этой сопливкѣ посланъ новый крестъ ея бѣдной

матери!» Росета была дика и любила одиночество; она валялась на мокромъ пескѣ, а то собирала раковины и улитокъ или сгребала водоросли въ кучи. Порою она цѣлыми часами не двигалась, устремивши въ пространство пристальный и расплывчатый взглядъ, какой бываетъ у находящихся въ гипнозѣ, между тѣмъ, какъ соленый морской вѣтеръ трепаль ея бѣлокурую гриву и раздувалъ старую юбку, обнажая худенькія ножки ослѣпительной бѣлизны, лишь на ступняхъ темно-красныя отъ солнечнаго зноя. Она лежала такъ часъ за часомъ, утопая животомъ во влажномъ пескѣ, который уступалъ ея вѣсу, между тѣмъ какъ лицо ей лизалъ тонкій слой воды, то приближавшійся, то отступавшій по блестящему взморью.

Въ ней была неисправима страсть къ бродяжничеству, и Тона справедливо отзывалась о ней такъ: «Яблоко отъ яблоньки недалеко падаетъ». Ея мошенникъ-отецъ тоже просиживалъ цѣлыми часами, по-дурацки таращась на горизонтъ и видя сны съ открытыми глазами; ни на что другое онъ не годился. Если бы матери понадобилось жить трудами дочери, то ей скоро пришлось бы протянуть ноги. Бездѣльница, праздношатайка! Въ кабачкѣ она била стаканы и тарелки, какъ скоро принималась ихъ мыть; рыба сгорала на сковородкѣ, когда дѣвочку оставляли смотрѣть за жаровней. Словомъ, съ ней ничего не оставалось дѣлать, какъ предоставлять ей бѣгать по берегу или посылать ее въ Кабаньяльскую школу. Временами на дѣвочку нападало безумное желаніе учить-

ся и, рискуя быть побитой, она вырывалась изъ дому, чтобы бѣжать къ учительницѣ; но нѣсколько дней спустя, какъ скоро мать оказывалась расположенной разрѣшить ей это, она убѣгала изъ школы.

Только лѣтомъ бѣдная Тона видѣла отъ нея кое-какую помощь. Тогда желаніе заработать соединялось съ любовью къ бродяжничеству и, захвативъ кувшинъ такого же роста, какъ она сама, Росета ходила со стаканомъ въ рукѣ по взморью купальщиковъ, смѣло пробиралась между роскошными экипажами, ѣхавшими на моль, смотрѣла во всѣ стороны своими мечтательными глазами, потряхивала бѣлокурою гривой и кричала пронзительнымъ голосомъ: «Воды, воды холодной!» Въ другіе дни она такъ ходила съ корзиною пирожковъ: «Соленые и сладкіе!» При помощи этой маленькой торговли, Росетѣ удавалось по вечерамъ вручать матери по два и по три реала, что нѣсколько проясняло хмурую фізіономію Тоны, которая отъ дурного положенія дѣлъ стала эгоистичной.

Такъ выросла Росета въ суровомъ уединеніи, съ пугающимъ равнодушіемъ принимая колотушки матери, ненавидя Антонію, который никогда не дарилъ ее вниманіемъ, улыбаясь по временамъ Ректору, который, когда попадалъ на берегъ, имѣлъ обыкновеніе дружески дергать ее за спутанные космы, и презирая береговыхъ озорниковъ, отъ которыхъ она сторонилась съ гордымъ видомъ маленькой царицы.

Въ концѣ концовъ, Тона совсѣмъ перестала заниматься дѣвочкой, хотя та одна просиживапа съ нею зимніе вечера въ ея пустомъ жилищѣ. Напротивъ того, Антонію и дочка тартанеро были ея постоянною заботою. Эта мерзавка, видно, задумала отнять у нея всю ея семью; она уже не довольствовалась Аніонію, а приманила къ себѣ и Ректора. Послѣдній, по выходѣ на берегъ, пролеталь по материнскому кабачку, точно облачко, послѣ чего, уведенный братомъ, отправлялся отдыхать къ тартанеро, гдѣ его присутствіе ничуть не стѣсняло влюбленныхъ.

Въ сущности, Тону раздражало не столько вліяніе, какое Долоресъ приобрѣла на ея сыновей, сколько крушеніе одного проекта, съ которымъ она носилась уже давно. Она мечтала женить Антонію на Росаріи, дочери своей старинной пріятельницы. По красотѣ эту дѣвушку нельзя было сравнивать съ дочерью тартанеро, но синья Тона была неистощима въ похвалахъ ея добротѣ, – свойству существъ незначительныхъ. Одного она вслухъ не говорила, хотя въ этомъ заключалось главное: именно, что Росарія, дочь ея выбора, была сирота; родители же ея держали въ Кабаньялѣ лавочку, гдѣ Тона дѣлала закупки, и теперъ, послѣ ихъ смерти, ихъ единственной наслѣдницѣ досталось почти богатство, – не менѣе трехъ или четырехъ тысячъ дуру.

А какъ бѣдная малютка любила Антонію! При встрѣчахъ съ нимъ на улицахъ Кабаньяля она всегда кланялась ему съ видомъ покорной овечки и просиживала подолгу на взморѣ,

представляя себѣ удовольствіе бесѣдовать съ синьєю Тоною только потому, что та приходилась матерью смѣлому парню, будоражившему весь берегъ.

Но отъ этого мальчишки нечего было ждать добра. Сама Долоресь, при всемъ вліяніи, какое на него имѣла, не въ состояніи была удержать его, когда на него нападала дурь. Тогда онъ пропадалъ по цѣлымъ недѣлямъ, а впослѣдствіи доходили слухи, что онъ пробылъ все время въ Валенсіи и тамъ днемъ спалъ гдѣ-нибудь въ скверномъ вертепѣ на Рыбацкой улицѣ, а ночью напивался, колотилъ робкихъ участницъ своихъ кутежей и, точно изголодавшійся пиратъ, растрчивалъ на оргіи то, что выигралъ въ какомъ-нибудь подозрительно-мъ притонѣ.

Во время одной изъ этихъ отлучекъ онъ совершилъ проступокъ, стоившій матери мѣсяца слезъ и безконечныхъ сѣтованій; вмѣстѣ съ нѣсколькими пріятелями онъ поступилъ въ военный флотъ. Этимъ повѣсамъ надоѣло жить въ Кабаньялѣ, и вино мѣстныхъ кабаковъ стало казаться прѣсны-мъ.

Итакъ, насталь день, когда этотъ чертовскій парень, весь въ синемъ, въ бѣлой шапочкѣ набекрень и съ мѣшкомъ за спиною, разстался съ матерью и съ Долоресь, чтобы отправиться въ гавань Картагену, гдѣ стоялъ корабль, на который онъ былъ назначень.

«Съ Богомъ!» Синья Тона очень любила его, но по крайней мѣрѣ теперь могла быть спокойной. Всего грустнѣе ей

было смотрѣть на бѣдную Росарію, которая, всегда молчаливая и кроткая, приходила на взморье шить вмѣстѣ съ Росетой и съ робкимъ волненіемъ спрашивала у синьи Тоны, не получила ли та письма отъ моряка.

Всѣ три женщины мысленно слѣдили за своимъ Антоніо, этимъ несравненнымъ матросомъ, на всѣхъ путяхъ и рейсахъ «Города Мадрида», фрегата, на которомъ онъ отплылъ. Какъ онѣ волновались, когда на влажныя доски прилавка падалъ узенькій конвертъ, запечатанный то красной облаткой, то хлѣбнымъ мякишемъ и украшенный слѣдующимъ сложнымъ адресомъ, выведеннымъ крупными буквами: «Госпожѣ Тонѣ, въ трактирѣ, рядомъ съ Бычьимъ Дворомъ». Отъ этихъ грубыхъ конвертовъ, казалось, шель какой-то особый заморскій запахъ, говорившій о тропической растительности, о бурныхъ моряхъ, о берегахъ, повитыхъ розоватымъ туманомъ и о сверкающихъ небесахъ; читая и перечитывая четыре страницы, женщины мечтали о невѣдомыхъ странахъ, воображая себѣ негровъ въ Гаваннѣ, китайцевъ на Филиппинскихъ островахъ и новые города южной Америки.

«Что за парень! Сколько у него будетъ поразсказать, когда онъ вернется! Можетъ быть, оно вышло и къ лучшему, что онъ вздумалъ уѣхать: пожалуй, мозги у него станутъ на мѣсто». И синья Тона, вновь охваченная тою слабостью, благодаря которой безмѣрно любила своего младшаго сына, помышляла съ нѣкоторымъ негодованіемъ, что ея бравый молодчикъ Антоніо терпитъ гнеть суровой корабельной дисципли-

плины, тогда какъ старшій, Ректоръ, котораго она считала недоумкомъ, плыветь на всѣхъ парусахъ и сталь чуть не важной особой въ кругу рыбаковъ.

Ректоръ безпрестанно совѣщался съ хозяиномъ своей лодки и велъ какіе-то тайные переговоры съ дядею Марьяно, тѣмъ самымъ, къ которому Тона прибѣгала во всѣхъ затрудненіяхъ. Безъ сомнѣнія, онъ добывалъ не мало денегъ; и синья Тона призывала всѣхъ чертей, видя, что онъ не приносить домой ни гроша и лишь изъ вѣжливости проживаетъ по нѣскольку минутъ подъ навѣсомъ кабачка. «Значить, его сбереженія у кого-нибудь хранятся? А у кого бы это могло быть? Ужъ вѣрно, что у Долоресь, у той вѣдьмы, которая непремѣнно подсыпала обоимъ парнямъ приворотнаго зелья, потому что они бѣгають за ней, какъ собака за хозяиномъ!»...

Простофиля Ректоръ расположился въ домѣ тартанеро, точно тамъ хранилось его собственное добро!.. Точно онъ не зналъ, что Долоресь обѣщана другому! Не видѣлъ онъ что-ли писемъ отъ Антоніо и отвѣтовъ, которые отъ ея имени писалъ сосѣдъ?.. Но этотъ тройной дурень, не обращая вниманіе на материнскія насмѣшки, живмя жилъ въ лачугѣ Паэлы, гдѣ мало-по-малу занялъ мѣсто брата; причемъ онъ дѣлалъ видъ, какъ будто совсѣмъ не понимаетъ положенія вещей. Теперь Долоресь оказывала ему тѣ же услуги, какія прежде выпадали на долю Антоніо: чинила ему бѣлье и, дѣйствительно, хранила его деньги, чего, впрочемъ, ей никогда

не приходилось дѣлать для его расточительнаго брата.

Въ одинъ прекрасный день дядя Паэлья скончался: его привезли домой, раздавленнаго колесами его тартаны. Въ пьяномъ видѣ онъ упалъ съ козель и умеръ, вѣрный своимъ принципамъ: сжимая въ рукѣ кнутъ, съ которымъ не разставался даже во снѣ, потѣя водкою изо всѣхъ поръ своего тѣла, онъ испустилъ духъ подъ повозкою, набитою размалеванными дѣвицами, которыхъ называлъ «своими овечками».

У Долоресъ не осталось другой опоры, кромѣ ея тетки Пикоресъ, мало цѣнимой въ качествѣ покровительницы, такъ какъ она дѣлала добро при помощи колотушекъ. Эта тетка была старая рыбная торговка, которую молодья называли «матушкой Пикоресъ»; громадная, пузатая, усатая, точно кить, она втеченіе сорока лѣтъ была грозою всѣхъ базарныхъ городскихъ, устрашая ихъ своими маленькими дерзкими глазами, такъ и впивавшимися въ лицо, и грубыми ругательствами, вылетающими изъ беззубаго рта, отъ котораго лучами расходились всѣ морщины ея лица.

...Два года уже плавалъ Антоніо съ эскадрою, когда распространилось интереснѣйшее извѣстіе: Долоресъ выходила замужъ за Ректора. Боже! какой шумъ поднялся въ Кабаньяль! Говорили, что дѣвушка сама сдѣлала первые шаги, и прибавлялись подробности, еще болѣе эффектныя, подававшія поводъ къ смѣху.

Кого стоило послушать, такъ это – Тону: «Эта госпожа съ тартаны вбила себѣ въ голову, что войдетъ въ хорошую се-

мью, и вотъ — ей это удается. Да! А мошенница хорошо знаетъ, что дѣлаетъ: ей именно удобно имѣть мужемъ дурака, который радъ убиваться на работѣ. Разбойница! Какъ она сумѣла забрать въ лапы изо всей семьи какъ разъ того, кто добывается деньги!».

Впрочемъ, нѣкоторое время спустя эгоистическое разсужденіе заставило синью Тону умолкнуть. Взвѣсивши всѣ обстоятельства, она примирилась съ проектируемымъ бракомъ. Такъ выходило проще и удобнѣе для лелѣемыхъ ею плановъ: Антонио, избавленный отъ безприданницы Долоресъ, можетъ жениться на богатой Росаріи. Поэтому, хотя не безъ воркотни, она удостоила присутствовать на свадьбѣ и назвать «дочь моя» эту красивую змѣю, которая такъ легко смѣнила одного на другого.

Всѣхъ тревожилъ вопросъ о томъ, что скажетъ Антонио, узнавши новость. У этого матроса былъ такой любящій характеръ!.. Поэтому удивленіе было всеобщимъ, когда узнали, что онъ выразилъ одобреніе всему происшедшему. Должно быть, разлука и путешествіе произвели въ немъ большую перемѣну, такъ какъ ему казалось естественнымъ, что Долоресъ, теперь нуждавшаяся въ покровителѣ, вышла замужъ. Сверхъ того, — онъ такъ и высказался, — если ужъ ей суждено было достаться другому, то лучше пусть это будетъ его братъ, хорошій и честный парень.

Когда же морякъ, съ отставкою въ карманѣ и мѣшкомъ на спинѣ, вернулся въ Кабаньяль, изумляя всѣхъ своимъ моло-

децкимъ видомъ и щедростью, съ которою тратилъ пригоршню песеть, полученную при окончаніи службы, его поведеніе оказалось такимъ же благоразумнымъ, какъ и его письма. Онъ поздоровался съ Долоресъ, какъ съ сестрою. «Чортъ возьми! Нечего поминать о прошломъ. Онъ тоже не монахомъ жилъ на чужой сторонѣ». И затѣмъ онъ пересталъ обращать вниманіе на нее и на Ректора, весь уйдя въ наслажденіе популярностью, которую создало ему его возвращеніе.

Сосѣди по цѣлымъ ночамъ просиживали подъ открытымъ небомъ на низкихъ стульчикахъ и даже на землѣ передъ домомъ, бывшимъ Паэлы, въ которомъ теперь жилъ Ректоръ, и въ восторгѣ слушали рассказы моряка о чужихъ земляхъ, описанія которыхъ онъ перемѣшивалъ съ выдумками, чтобы сильнѣе поразить простофиль, развѣшивавшихъ уши.

По сравненію съ грубыми и отупѣвшими отъ работы рыбаками или съ его прежними товарищами разгрузчиками, кабаньяльскія дѣвицы считали Антоніо аристократомъ за его смуглую блѣдность, кошачьи усы, чистыя и аккуратно содеранные руки, намавленную и тщательно расчесанную голову съ проборомъ посередкѣ и съ двумя завитками, которые, выходя изъ подъ фуражки, остріемъ прилегали къ вискамъ. Синья Тона была довольна сыномъ; она понимала, что онъ остался такимъ же бездѣльникомъ, какимъ и былъ, но онъ научился лучше держать себя, и видно было, что суровая корабельная служба пошла ему впрокъ. Въ сущности, онъ остался прежнимъ, только военная дисциплина сгладила

въ немъ внѣшнія угловатости: угощаясь виномъ, онъ не напивался до безчувствія; продолжая щеголять молодечествомъ, онъ не вызывалъ людей на ссору; и вмѣсто того, чтобы безразсудно осуществлять свои сумасбродныя фантазіи, онъ старался эгоистически доставить себѣ какъ можно больше наслажденій. Поэтому онъ охотно согласился на предложеніе Тоны. «Жениться на Росаріи? Очень хорошо! Она – дѣвушка честная; сверхъ того, у нея есть капиталецъ, который можетъ увеличиться въ рукахъ сообразительнаго мужа. Чего ему больше желать? Человѣкъ, служившій въ королевскомъ флотѣ, не можетъ, не унижая своего достоинства, быть грузчикомъ на взморьѣ. Что угодно, только не это!»

Итакъ, Антоніо женился на Росаріи къ великой радости синьи Тоны. Значить, все вышло къ лучшему. Что за красивая парочка! Она – маленькая, робкая, покорная, – вѣрила ему безусловно; онъ – гордый отъ новой удачи, прямой, точно подъ фланелевой рубашкой у него была кольчуга изъ тѣхъ тысячъ дуру, какія онъ взялъ за женою, – удостоивалъ своимъ покровительствомъ всякаго встрѣчнаго, велъ себя, какъ богатый владѣлецъ лодки, проводя въ кофейняхъ вечера и ночи, куря трубку и щеголяя въ громаднхъ непромокаемыхъ сапогахъ, когда шелъ дождь.

Долоресь видѣла все это, не выражая ни малѣйшаго волненія. Только въ ея царственныхъ глазахъ вспыхивали золотыя точки, искорки, выдававшія жаръ тайныхъ желаній.

Новобрачные прожили счастливо годъ. Но деньги, по гро-

шу накопленные въ лавчонкѣ, гдѣ родилась Росаріо, быстро таяли въ рукахъ Антоніо, и настала часъ, когда уже видно стало дно мѣшка, какъ говорила кабатчица, осуждая расточительность сына.

Тогда начались нехватки, а съ нехватками – несогласія, слезы и потасовки. Росаріи довелось взяться за рыбную корзину по примѣру всѣхъ ея сосѣдокъ. Этой молодой женщиной, которую прославили богачихой, пришлось вести изнуряющее и притупляющее существованіе самыхъ бѣдныхъ рыбныхъ торговыхъ. Она вставала вскорѣ послѣ полуночи; ждала на взморьѣ, стоя въ лужѣ воды, плохо защищенная отъ холода старымъ плащомъ; шла пѣшкомъ въ Валенсію, сгибаясь подъ ношею, возвращалась домой только вечеромъ, истомленная голодомъ и усталостью; но считала себя счастливою, если только ей удавалось дать своему господину и повелителю средства для продолженія прежняго образа жизни и избавить его отъ униженій, которыя непременно бы отразились на ней ругательствами и придирками.

Чтобы Антоніо могъ провести ночь въ кофейной, въ обществѣ машинистовъ и судохозяевъ Росаріи нерѣдко приходилось утромъ, на рыбномъ рынкѣ, обуздывать свой волчій голодь, обостряемый дымящимся шоколадомъ и отбивными котлетами, которыя она видѣла на столахъ своихъ товарокъ. Она стремилась единственно къ тому, чтобы ни въ чемъ не чувствовала недостатка ея обожаемый мужъ, всегда готовый распалиться гнѣвомъ и осыпать проклятіями собачью

судьбу, наказавшую его этимъ бракомъ; и бѣдная невольница, все болѣе худая и изможденная, считала пустяками свои собственныя страданія, если у Антоніо была песета на кофе и домино, да еще обильный столъ и красивая фланелевая рубашка для поддержанія его старинной репутаціи. Это обошлось ей немножко дорого: она стала стариться, не достигши еще тридцати лѣтъ; зато гордилась, что имѣеть мужемъ красивѣйшаго парня въ Кабаньяль.

Денежныя затрудненія сблизили ихъ съ Ректоромъ, который быстрыми шагами шель къ богатству, тогда какъ сами они катились подъ гору, въ нищету. Въ тяжелыя минуты братья должны помогать другъ другу, это вполнѣ естественно; вотъ почему Росарія, хотя съ большой неохотой, посѣщала Долоресъ и согласилась, чтобы и мужъ возобновилъ съ нею родственныя сношенія. Въ сущности, ей это было весьма непріятно, но возражать не приходилосы невозможно было ссориться съ Ректоромъ, который часто давалъ имъ на жизнь, когда не было рыбы для продажи или когда красиво-му бездѣльнику не удавалось подхватить нѣсколькихъ дурувъ въ качествѣ посредника при мелкихъ портовыхъ сдѣлкахъ.

Однако, наступилъ день, когда обѣ женщины, ненавидѣвшія одна другую, утомились притворствомъ. Послѣ четырехъ лѣтъ замужества, Долоресъ оказалась беременною. Ректоръ блаженно улыбался, сообщая всѣмъ эту добрую вѣсть; сосѣдки тоже радовались, но не безъ лукавства. То было, правда, лишь подозрѣніе; но эту позднюю беременность со-

поставляли съ тѣмъ временемъ, когда Антоніо такъ сильно пристрастился къ дому брата, что просиживаль въ немъ долѣе, чѣмъ въ кофейныхъ. Обѣ невѣстки поругались со всею дикою откровенностью своихъ натуръ и разссорились окончательно. Съ тѣхъ поръ Антоніо сталъ одинъ ходить къ Ректору, хотя эти посѣщенія выводили изъ себя Росарію и вызывали супружескія ссоры, которыя неизмѣнно оканчивались для нея безжалостными побоями.

Время шло, но вражда Росаріи не утихала, и она безъ стѣсненія говорила, что ребенокъ Долоресъ похожъ на Антоніо. А послѣдній все шель на буксирѣ у старшаго брата, который продолжалъ снисходить къ нему по-прежнему и, несмотря на свою бережливость, позволялъ этому бездѣльнику обирать себя. Милая же дочка дядюшки Паэлы издѣвалась надъ Росаріей, которую называла «чахоточной» или «индюшкой», находила удовольствіе въ глумленіи надъ бѣдностью и трудами своей невѣстки и тщеславилась своею властью надъ Антоніо, который, какъ въ старину, былъ вѣчно пришить къ ея юбкамъ, точно покорный песъ.

Между старымъ домомъ покойника Паэлы, отремонтированнымъ и разукрашеннымъ, и жалкою лачугою, куда нишета загнала Росарію, не прекращалась непрерывная война, дерзости и насмѣшки. А добрыя сосѣдки съ самыми святыми намѣреніями брали на себя передачу упрековъ и ругательствъ подъ видомъ исполненія порученій.

Когда Росарія, красная отъ негодованія и со слезами на

глазахъ, чувствовала потребность излить свое горе и выслушать утѣшенія, она шла на взморье, въ кухню старой лодки, которая теперь потемнѣла и будто бы состарилась вмѣстѣ съ кабатчицей. Тамъ, опустивши голову съ унылымъ видомъ, она повѣствовала о своихъ печаляхъ синѣ Тонѣ и Росетѣ, которыя слушали въ молчаніи.

Несмотря на узы крови, мать и дочь жили въ глухой враждѣ и сходились только въ одномъ: въ ненависти и презрѣніи къ мужчинамъ. Лодка, дававшая имъ убѣжище, служила имъ какъ бы обсерваторіей, откуда онѣ, въ качествѣ строгихъ судей, наблюдали за всѣмъ, что происходило въ двухъ родственныхъ семьяхъ.

– Мужчины! вотъ ужъ настоящіе гады! – Синья Тона проносила это, искоса поглядывая на портретъ стражника, какъ бы царившій въ кухнѣ. – Да, всѣ мужчины – подлецы, которыхъ стоило бы повѣсить, да жалко веревки!

А Росета, съ яснымъ взоромъ своихъ прозрачныхъ и большихъ зеленыхъ глазъ, одноцвѣтныхъ съ моремъ, взглядомъ дѣвы, которая все знаетъ и уже ни передъ чѣмъ не ужасается, отвѣчала тихо и задумчиво:

– Кто изъ нихъ не подлець, тотъ дуракъ, какъ у насъ Ректоръ.

III

Хотя день былъ зимній, солнце жгло такъ сильно, что Ректоръ и Антоніо на взморьѣ забрались въ тѣнь старой лодки, лежавшей на песокѣ: «успѣютъ еще спалить себѣ кожу, когда выйдутъ въ море».

Они бесѣдовали медленно, точно усыпляемые блескомъ и зноемъ взморья. Какой роскошный день! Не вѣрилось, что приближалась Страстная недѣля, пора внезапныхъ дождей и вихрей. Небо, залитое свѣтомъ, казалось бѣловатымъ; серебряные обрывки облаковъ плыли по небу, какъ прихотливо брошенные ключья пѣны; а съ нагрѣтаго моря поднимался влажный туманъ, который обволакивалъ дальніе предметы и дѣлалъ ихъ очертанія дрожащими.

Взморье отдыхало. Бычій Дворъ, гдѣ, въ стойлахъ, пережевывали жвачку громадныя волю, употребляемые для выволакиванія лодокъ изъ воды, своею красною крышею и массивностью квадратной постройки съ синими рамками входовъ господствовалъ надъ длинными рядами вытасненныхъ лодокъ, изъ которыхъ на берегу составилъ цѣлый городъ съ улицами и переулками, нѣчто вродѣ лагеря грековъ героическаго періода, — тѣхъ временъ, когда биремы служили воинамъ вмѣсто окоповъ.

Латинскія мачты, граціозно склоненныя къ кормамъ, своими толстыми, тупыми концами напоминали копья, лишен-

ные наконечниковъ; просмоленные канаты, перекрещиваясь, казались ліанами въ этомъ лѣсу мачтъ; подъ защитой тяжелыхъ парусовъ, въ видѣ палатокъ расположенныхъ на палубахъ, возилось цѣлое населеніе людей-амфибій, съ красными, голыми ногами и въ шапкахъ, нахлобученныхъ до ушей: кто чинилъ сѣти, кто мѣшалъ въ жаровнѣ, на которой кипѣла вкусная уха; а въ жгучемъ пескѣ тонули пузатые ладьи, окрашенные въ бѣлую или синюю краску и похожія на брюха морскихъ чудовищъ, сладострастно растянувшихся на солнцѣ.

Въ этомъ импровизированномъ городѣ, которому, пожалуй, съ наступленіемъ сумерокъ предстояло исчезнуть и разсѣяться по безпредѣльности синяго горизонта, царили порядокъ и симметрія, достойные современнаго правильно-построеннаго города.

Первый рядъ, подступавшій къ самымъ волнамъ, которыя расплывались узорами по песку, состоялъ изъ легкихъ лодокъ для ловли болантиномъ⁷, маленькихъ и изящныхъ суденышекъ, казавшихся хорошенькими дѣтьми большихъ барокъ для «ловли быками», которыя составляли второй рядъ, расположенныя парами равной высоты и одинаковаго цвѣта. Третій и послѣдній рядъ занимали ветераны моря, старыя лодки съ развороченными боками, сквозь черныя щели которыхъ видны были ихъ полусгнившіе остовы; своимъ печальнымъ видомъ онѣ напоминали несчастныхъ

⁷ Болантинъ – родъ удочки, которую лодка тащитъ за собою.

клячь, предназначенныхъ для боя съ быками, и казались погруженными въ раздумье о неблагодарности людей, безжалостно покидающихъ старость.

Развѣшанныя на мачтахъ для просушки, красноватыя сѣти волнообразно двигались по вѣтру вмѣстѣ съ фланелевыми рубашками и панталонами изъ желтой байеты (толстая шерстяная матерія, которая въ старину фабриковалась больше всего въ Сеговіи); надъ этими великолѣпными украшеніями летали чайки, точно пьяныя отъ солнца, описывая круги до тѣхъ поръ, пока не опускались на минуту на спокойное, сѣро-зеленое море, которое лишь слегка зыбилось, какъ бы вспыхивая мѣстами подъ полуденнымъ солнцемъ.

Ректоръ говорилъ о состояніи неба, осматривая море и сушу своими желтоватыми глазами, напоминавшими смирнаго быка. Онъ слѣдилъ взглядомъ за островерхими парусами, которые выдѣлялись на зеленовато-сѣрой линіи горизонта, точно крылья голубокъ, слетѣвшихъ туда напиться; потомъ онъ глядѣлъ на берегъ, который загибался, чтобы образовать заливъ, окаймленный пятнами зелени и бѣлыхъ деревушекъ; смотрѣлъ на холмы Пунга, громадныя опухоли на этомъ низкомъ берегу, который море заливаешь въ минуты гнѣва, — на Сагунтскій замокъ, укрѣпленія котораго волнообразно охватываютъ длинную гору цвѣта жженаго сахара, а со стороны суши — на зубчатую цѣпь, замыкающую горизонтъ и застывшую волною краснаго гранита, языки которой какъ будто лижутъ небо.

Хорошая погода наступила; это утверждалъ Ректоръ, а въ Кабаньялѣ было извѣстно, что въ такихъ предсказаніяхъ онъ былъ столь же непогрѣшимъ, какъ его бывшій хозяинъ, дядя Борраска. На будущей недѣлѣ, пожалуй, подуетъ раза два, но дѣло кончится пустяками; и надо благодарить Бога, такъ скоро пославшаго конецъ бурной порѣ, чтобы дать честнымъ людямъ безопасно добыть себѣ хлѣба,

Паскуало говорилъ медленно, пожевывая свою черную жвачку изъ контрабанднаго табаку и подчиняясь величавому безмолвію взморья. Порою надъ тихимъ плескомъ спокойной воды поднимался далекій голосъ дѣвочки, и этотъ голосъ, какъ бы выходя изъ подъ земли, затягивалъ пѣсню съ однообразнымъ припѣвомъ; или протяжно раздавалась: «Эй – ну!.. Эй – ну!..» матросовъ, тянувшихъ мачту въ тактъ этому сонному восклицанію; или растрепанныя женщины съ лодокъ сорочьими криками созывали къ обѣду «кошекъ», забравшихся въ стойла смотрѣть воловъ. Тяжелые молотки конопатчиковъ били съ правильною непрерывностью. Но всѣ эти звуки тонули въ торжественномъ покоѣ воздуха, пронизаннаго солнцемъ, въ которомъ звуки и предметы заволакивались какимъ-то свѣтозарнымъ и фантастическимъ туманомъ.

Антоніо глядѣлъ на брата вопросительно, ожидая, чтобы тотъ, со свойственною ему невозмутимую флегмою, изложилъ свой планъ.

Наконецъ, Ректоръ объяснился, высказавъ дѣло въ двухъ

словахъ. Ему надобно добывать деньги такъ медленно и захотѣлось попытать счастья, какъ дѣлають другіе. На морѣ всѣмъ хватить хлѣба, только однимъ онъ достается черный, цѣною обильнаго пота, тогда какъ другіе умѣють захватить его побольше и повкуснѣе, если у нихъ хватаетъ духа на рискъ. Поняль-ли это Антоніо?

Не дожидаясь отвѣта, онъ всталъ и пошелъ къ носу старой барки, чтобы взглянуть, не подслушиваетъ ли кто съ той стороны.

Нѣтъ, тамъ никого не оказалось. Взморье было пустынно. Не замѣчалось ни души на всемъ обширномъ пространствѣ этого берега, гдѣ лѣтомъ ставятся будки для купальщиковъ изъ Валенсіи. Совсѣмъ вдали, близъ гавани, торчаль лѣсъ мачтъ, вѣяли флаги, виднѣлись красныя и черныя трубы, путаница рей и подъемные краны, похожіе на висѣлицы.

Левантинскій молъ вытягивался въ море, точно циклопическая стѣна изъ красноватыхъ плитъ, разбросанныхъ землетрясеніемъ и потомъ слѣпившихся, какъ попало. За нимъ кучею высились строенія Грао, большіе дома съ магазинами, экспортными конторами, пароходными агентствами, банками, мѣняльными лавками – всею аристократіею порта; затѣмъ глаза по прямой линіи встрѣчали длинный рядъ крышъ Каньямелара, Кабаньяля, Французскаго Мыса⁸, – длинный

⁸ Городъ Валенсія стоитъ на правомъ берегу рѣки Гвадалавьяра (Туріи), верстахъ въ четырехъ отъ моря. На лѣвомъ берегу рѣки, близъ устья и нѣсколько къ сѣверу, расположенъ Грао, пригородъ и портъ Валенсіи, соединенный съ городомъ дорогою, обсаженной платанами. Кабаньяль, Каньямеларъ и «кварталь ла-

рядъ разноцвѣтныхъ построекъ, становившихся все меньше по мѣрѣ удаленія отъ порта: съ одной стороны находились многоэтажныя дачи съ кокетливыми башенками, а съ другого края, примыкавшаго къ равнинѣ, – бѣлыя мазанки, соломённые кровли которыхъ сползли набокъ отъ низовыхъ вѣтровъ.

Убѣдившись, что нѣтъ свидѣтелей, Ректоръ вернулся и сѣлъ рядомъ съ братомъ.

Этотъ планъ вбила ему въ голову жена и, хорошенько обдумавъ, онъ нашель его осуществимымъ. Предполагалось сѣздить на «тотъ берегъ», въ Алжирь, какъ бы перейти на другой тротуаръ синей и подвижной улицы, столь знакомой рыбакамъ. Но ѣхать-то слѣдовало не за рыбой, которой не всегда ловишь, сколько хочешь, а за табачной контрабандой, чтобы набить лодку до бортовъ тѣмъ превосходнымъ табакомъ, который зовутъ «Цвѣтомъ мая». «Ахъ, Господи Боже! вотъ это – дѣло! Ихъ покойный отецъ не разъ такъ искушалъ судьбу. Что думаетъ объ этомъ Антоніо?»

Честный Ректоръ, неспособный нарушить распоряженіе полиціи или портового начальства, блаженно посмѣивался при мысли объ этомъ тайномъ предпріятіи, съ которою носился уже нѣсколько дней; въ воображеніи онъ уже видѣлъ на пескѣ тюки, зашитые въ клеенку. Какъ настоящій берего-

чугъ» – кварталы Грао, лежащіе вдоль моря и населенные рыбаками. Здѣсь много простыхъ, крытыхъ соломою хатъ, въ какихъ живутъ валенсійскіе крестьяне. Хурта – обширная плодородная равнина по обѣ стороны рѣки.

вой уроженецъ, не забывшій о подвигахъ предковъ, онъ считалъ контрабанду занятіемъ самымъ естественнымъ и почетнымъ для человѣка, желающаго отдохнуть отъ рыбной ловли.

Антоніо одобрилъ. Онъ уже участвовалъ въ двухъ такихъ поѣздкахъ въ качествѣ простого матроса; теперь, когда на молѣ работы не было, а дядя Марьяно слишкомъ долго не доставалъ ему той должности въ гавани, какую обѣщаль, онъ не видѣлъ причины отказать брату.

Ректоръ продолжалъ свои разъясненія: главное уже было на лицо: собственная лодка, «Красотка». Когда при этихъ словахъ Антоніо вскрикнулъ отъ удивленія и испуга, братъ счелъ нужнымъ высказаться подробнѣе. Разумѣется, онъ знаетъ, что лодка эта – почти развалина, что бока у нея разлѣзлись, а палуба опустилась до самаго киля: корыто, которое, очутившись на волнахъ, гудитъ, какъ старая гитара; но его не надули при покупкѣ: онъ далъ всего тридцать дуру, цѣну дерева, не болѣе. Ну, этого за глаза довольно для людей, знакомыхъ съ моремъ и могущихъ переплыть хоть въ лаптѣ! – Къ тому же, – прибавилъ онъ, прищуривъ глазъ, съ лукавымъ видомъ наивнаго взрослого ребенка, – съ такою лодкою и убытокъ невеликъ, если таможенная шлюпка насъ и подцѣпитъ!

Этимъ доводомъ божественной простоты Ректоръ убѣждалъ себя, что его смѣлое предпріятіе вполнѣ благоразумно, и ни на секунду не вспомнилъ о томъ, что ставить на карту

жизнь свою.

Антоніо и еще два вѣрныхъ челоуѣка должны были составлять экипажъ. Оставалось только потолковать съ дядей Марьяно, у котораго сохранились въ Алжирѣ знакомства еще съ той поры, какъ онъ самъ велъ подобный торгъ. Какъ челоуѣкъ, принявшій рѣшеніе, въ которомъ онъ нетвердъ, Ректоръ не захотѣлъ терять времени, чтобы не раздумать, и предложилъ тотчасъ идти къ этому могущественному лицу, съ которымъ они имѣли честь состоять въ родствѣ и котораго звали «дядюшкой».

Въ эту пору дядя Марьяно обыкновенно курилъ свою трубку въ кофейнѣ Карабины; туда и пошли оба брата.

Идя мимо Бычьяго Двора, они взглянули на старый материнскій трактиръ, все болѣе чернѣвшій и разрушавшійся, и привѣтствовали словами: «Здорово, мать!» лоснящееся лицо, съ толстыми обвислыми щеками, обрамленными бѣлыми шелковымъ платкомъ, похожимъ на монашескій, которое показалось въ окошечкѣ надъ конторкою, подобномъ слуховому. Нѣсколько грязныхъ и худошавыхъ овецъ пережевывали чахлую траву, взросшую близъ моря; лягушки кричали въ лужахъ, примѣшивая свое однообразное кваканье къ спокойному плеску прибрежныхъ струй; а по сѣтямъ цвѣта виннаго осадка, униженныхъ пробками и растянутыхъ на песокъ, ходили пѣтухи, кое-что поклевывая и топорща свои перья, отливавшія металломъ.

Около газоваго завода, на берегу канала, колѣнопрекло-

ненныя женщины, проворно шевеля задами, стирали бѣлье или мыли посуду въ грязной водѣ, загнившей надъ иломъ, полнымъ смертельныхъ міазмовъ. Конопатчики съ молотками въ рукахъ сутились возлѣ остова черной лодки, походившей издали на скелетъ допотопнаго чудовища; а канатчики, обмотавши тѣло пенькою, пятась, шли по берегу и крутили въ проворныхъ пальцахъ все удлиннявшуюся веревку.

Братья пришли въ Кабаньяль, въ тотъ кварталъ мазанокъ, гдѣ живутъ бѣдняки, отданные нищетою въ рабство морю.

Тутъ улицы были настолько же прямы и правильны, насколько постройки отличались разнообразіемъ: кирпичный тротуаръ шель то выше, то ниже, сообразно высотѣ пороговъ; и вдоль грязной улицы, исполосованной глубокими колеями и испещренной лужами отъ дождя, прошедшаго еще нѣсколько недѣль назадъ, два ряда карликовыхъ оливъ задѣвали прохожихъ своими запыленными вѣтвями, между которыми тянулись захлестнутыя за узловатыя стволы веревки съ развѣшаннымъ для просушки бѣльемъ.

Бѣлыя мазанки чередовались съ современными домами въ нѣсколько этажей, покрытыми лакомъ, какъ новыя лодки, и выкрашенными по фасаду въ два цвѣта, точно ихъ владѣльцы даже на сушѣ не могли отдѣлаться отъ мысли о грузовой ватерлиніи. Надъ нѣкоторыми дверями выступали украшенія, напоминавшія рѣзныя фигуры на кормахъ, и все вмѣстѣ вызывало въ памяти былую жизнь на морѣ смѣсю красокъ и линій, придававшюю зданіямъ видъ судовъ на су-

шѣ.

Передъ нѣкоторыми изъ домовъ торчаль до крыши толстый шесть съ блокомъ, эмблематически указывая, что хозяинъ дома владѣеть одною изъ «наръ» для ловли «быками». На шесть просушивались тонкія сѣти, развѣваясь величественно, точно консульскіе флаги. Ректоръ съ завистью смотрѣль на эти шести: «Когда же Христось, покровитель Грао, пошлетъ ему возможность воткнуть такой шесть передъ дверью его Долоресь»?

Въ это время года въ Кабаньялѣ еще не замѣчается того веселаго оживленія, какое свойственно ему лѣтомъ, когда изъ Валенсіи пріѣзжаютъ дачники провести здѣсь мѣсяцы самага палящаго зноя. Низкіе домики съ выступающими полукругомъ зелеными рѣшетками на окнахъ были заперты и безмолвны; на широкихъ тротуарахъ шаги раздавались со звонкостью, свойственною опустѣвшимъ городамъ; широко-вѣтвистые платаны изнывали въ одиночествѣ, точно жалѣя о веселыхъ каникулярныхъ ночахъ съ ихъ смѣхомъ, движеніемъ и непрерывною веселою игрою на фортепіано. Время отъ времени встрѣчался мѣстный житель въ остроконечной шапкѣ, съ руками въ карманахъ и съ трубкою во рту, лѣниво направлявшійся въ одну изъ кофеенъ, гдѣ только и можно было застать немного движенія и жизни.

У Карабины было полно. Передъ входомъ, подъ навѣсомъ, виднѣлось множество синихъ куртокъ, загорѣлыхъ лицъ и черныхъ шелковыхъ фуражекъ. Косточки домино глу-

хо постукивали по деревяннымъ столамъ, и атмосфера, хотя подь открытымъ небомъ, была пропитана запахомъ можжевеловой водки и крѣпкаго табаку.

Антоніо хорошо зналъ эту кофейню, гдѣ щеголялъ своею щедростью въ первое время послѣ женитьбы.

Дядя Марьяно былъ тутъ, одинъ за своимъ столомъ, безъ сомнѣнія, поджидая алькада или другихъ важныхъ гостей; онъ курилъ свою носогрѣйку, съ пренебрежительнымъ снисхожденіемъ слушая чтеніе дяди Рори, стараго корабельнаго плотника, который, вотъ уже двадцать лѣтъ, являлся каждый Божій день въ кофейню и читалъ тамъ газету, отъ заголовка до страницы объявленій, въ присутствіи нѣсколькихъ рыбаковъ, которые, въ дни отдыха, слушали его отъ полудня до вечера:

– «Засѣданіе открыто. Сагаста начинаетъ рѣчь...»

Тутъ, прерывая чтеніе, онъ говорилъ своему ближайшему сосѣду:

– Видишь? Этотъ Сагаста – негодяй...

И безъ дальнѣйшихъ объясненій поправлялъ очки и продолжалъ складывать буквы, гудя изъ-подъ полусѣдыхъ усовъ:

– «Милостивые государи! Отвѣчая на сказанное вчера...»

Но прежде чѣмъ прочість имя того, кѣмъ вчера было что-то сказано, дядя Гори клалъ газету, чтобы бросить взглядъ превосходства на своихъ слушателей, которые ждали, разинувъ рты, а потомъ энергически прибавлялъ:

– А этоъ – просто забавникъ!..

Паскуало, нерѣдко проводившій цѣлые дни въ благого-вѣннїи передъ ученостью этого человѣка, теперь на него и не взглянулъ, а перенесъ свое почтительное вниманіе на дя-дю, который соблаговолилъ вынуть изо рта трубку, привѣт-ствовать новоприбывшихъ восклицаніемъ: «Гей, ребятки!» и позволить имъ занять стулья, предназначенные для его вы-сокихъ друзей. Антоніо отвернулся отъ остальныхъ и сталъ смотрѣть на игру за сосѣднимъ столомъ, гдѣ со страстью перекидывались костяшки, испещренныя черными точка-ми; потомъ онъ нѣсколько разъ обвелъ глазами закоптѣлую залу, отыскивая за прилавкомъ, подъ хромолитографіями изъ морской жизни, дочь Карабины, главную приманку за-веденія.

Марьяно, по прозванію «Кальяо», хотя это прозвище ни-когда не говорилось ему въ глаза, доживалъ уже седьмой де-сятокъ, что не мѣшало ему быть еще крѣпкимъ, имѣть твер-дую походку, мѣдно-красное лицо, глаза табачнаго цвѣта, сѣ-дые усы дыбомъ, какъ у стараго кота, и во всей своей особѣ что-то задорное, напоминавшее о дуракѣ, который выигралъ четыре копейки.

Его прозвали «Кальяо»⁹ за то, что онъ не менѣе десяти разъ въ день толковалъ о битвѣ при Кальяо, знаменитомъ сраженіи, въ которомъ онъ участвовалъ юношей, какъ про-

⁹ Кальяо – крѣпость въ Перу, послѣдняя, остававшаяся за испанцами въ южной Америкѣ.

стой матросъ, на корабль «Нуманція». На каждомъ словѣ онъ поминалъ Мендеса Нуньеса, котораго постоянно изы- вавъ дономъ Касто, точно былъ закадычнымъ другомъ вели- каго адмирала; а слушатели восторгались, когда онъ удосто- ивалъ рассказать имъ, что происходило въ Великомъ Оке- анѣ, изображая пушечные залпы, данные знаменитымъ ко- раблемъ:

– Бумъ! Бумъ! Брумъ!

Вообще, онъ былъ человекъ замѣчательный. Онъ про- мышлялъ контрабандой въ ту пору, когда всѣ смотрѣли на нее сквозь пальцы, начиная съ начальника порта до послѣд- няго стражника. Еще и теперь, когда представлялся случай, онъ охотно принималъ участіе въ подобныхъ предпріятіяхъ; но главнымъ его дѣломъ была благотворительность, состояв- шая въ раздаваніи ссудъ рыбацкимъ женамъ, причемъ про- центовъ онъ бралъ не болѣе пятидесяти въ мѣсяць и, сверхъ того, имѣлъ въ распоряженіи цѣлое стадо несчастныхъ бѣд- няковъ, которые, будучи имъ ограблены, слѣпо ему повино- вались въ вопросахъ мѣстной политики. Племянники видѣ- ли съ почтеніемъ, что онъ бываетъ на «ты» съ алькадами, а иногда, одѣтый въ лучшее платье, отправляется въ Валенсію и, какъ депутатъ отъ судовладѣльцевъ, бесѣдуетъ съ губер- наторомъ.

Жестокій и жадный, онъ умѣлъ кстати дать песету, бы- лъ за панибрата съ рыбаками, а племянники, не обязанные ему ничѣмъ, кромѣ надежды получить послѣ него наслѣд-

ство, считали его за самага услужливаго и почтеннаго чело-
вѣка во всей окрестности, хотя имъ случалось, — правда, рѣд-
ко, — бывать на Королевской улицѣ, въ красивомъ домѣ, гдѣ
жилъ ихъ дядя въ обществѣ единственной дебелой и зрѣлой
служанки, говорившей съ нимъ на «ты» и находившейся съ
нимъ, по словамъ сосѣдей, въ близости, весьма опасной для
его родственниковъ, такъ какъ она знала, гдѣ у хозяина спря-
тана кубышка.

Марьяно выслушалъ Ректора, полузакрывъ глаза и нахму-
ривъ брови. «Чортъ! чортъ!.. Придуманото недурно... Ему
нравятся такіе люди, какъ Паскуало, работающіе и смѣлые...»

Тутъ, воспользовавшись случаемъ удовлетворить свое
тщеславіе разбогатѣвшаго невѣжды, онъ пустился въ расска-
зы о своей молодости, когда онъ вернулся со службы безъ
гроша и, не желая рыбачить подобно предкамъ, ппаваль въ
Гибралтаръ и въ Алжиръ, чтобы оживить торговлю и изба-
вить людей отъ непріятности курить поганый табакъ изъ ла-
вченокъ. Благодаря своей смѣлости и помощи Божьей, онъ
скопилъ себѣ на прожитокъ въ старости. Но времена теперь
не тѣ: въ старину можно было плыть прямо, а теперь бере-
говая стража подъ команду у офицериковъ, только что вы-
шедшихъ изъ школы, много о себѣ воображающихъ и развѣ-
шивающихъ уши на всякіе доносы; теперь ужъ не найдешь
такого, который протянулъ бы руку за фунтикомъ-другимъ
съ условіемъ ослѣпнуть на часокъ. Мѣсяць назадъ, около
мыса Ортезы, конфискованы три лодки изъ Марселя съ гру-

зомъ полотна. Значить, осторожность нужна большая. На свѣтъ стало хуже. Развелось много доносчиковъ, которые дуютъ въ уши полиціи... Однако, если Ректоръ твердо рѣшился... то слѣдуетъ браться за дѣло, и уже никакъ не дядя будетъ его отговаривать: напротивъ того, ему пріятно, что племянникамъ надоѣло быть оборванцами и хочется устроить свою жизнь. Бѣдному отцу Ректора, храброму Паскуало, тоже было бы лучше не возвращаться къ рыбной ловлѣ, а продолжать торговлю...

Чѣмъ онъ можетъ помочь племяннику? Пусть тотъ говорить смѣло, потому что въ дядѣ своемъ имѣетъ отца, который съ радостью его поддержитъ. Если бы дѣло шло о рыбѣ – ни копейки, такъ какъ Марьяно ненавидитъ это проклятое ремесло, гдѣ люди изводятъ себя ради жизни впроголодь! Но такъ какъ рѣчь совсѣмъ о другомъ, то все, что угодно! Тутъ онъ въ себѣ не воленъ; изъ любви къ контрабандѣ онъ готовъ на все! Когда Ректоръ сталъ робко излагать свои желанія, запинаясь и боясь запросить слишкомъ много, дядя остановилъ его рѣшительнымъ тономъ.

Разъ у племянника есть лодка, все остальное беретъ на себя дядя. Марьяно напишетъ въ алжирскій складъ своимъ пріятелямъ, чтобы дали хорошій грузъ и записали на его счетъ. Если же Паскуало ухитрится благополучно выгрузить товаръ, то дядя поможетъ распродать его.

– Спасибо, дядюшка, – бормоталъ Ректоръ, на глазахъ котораго выступили слезы. – Какъ вы добры!

– Довольно, лишнихъ словъ не нужно. Дядя исполняетъ свой родственный долгъ. Сверхъ того, онъ сохранилъ наилучшія воспоминанія о покойномъ Паскуало. Какая жалость! Такой прекрасный человѣкъ! Бравый морякъ!.. Ахъ, а кстати... изъ барыша отъ продажи племянникъ получить тридцать процентовъ, остальное же дядя беретъ себѣ. Какъ говорить пословица: «родство родствомъ, а деньги счетъ любить».

Ректоръ, тѣмъ неменѣе растроганный, одобрялъ это удивительное краснорѣчіе цѣлымъ рядомъ кивковъ; затѣмъ они замолчали. Антонію продолжалъ сидѣть къ нимъ спиною и смотрѣлъ на игроковъ, безучастный къ этому разговору, веденному тихо, съ пристальными взглядами и почти безъ движенія губъ.

Дядя Марьяно заговорилъ опять. Когда же состоится поѣздка? Скоро?.. Онъ спрашиваетъ потому, что надо, вѣдь, написать тамошнимъ пріятелямъ...

Ректору нельзя было ѣхать раньше страстной субботы. Хотѣлось бы пораньше, но обязанности – прежде всего. А въ страстную пятницу ему какъ разъ предстояло вмѣстѣ съ братомъ участвовать въ процессіи «Встрѣчи»¹⁰, во главѣ отряда іудеевъ. Нельзя же бросить обязанность, присвоенную семьѣ съ незапамятныхъ временъ къ великой зависти мно-

¹⁰ «Встрѣча» – процессія въ страстную пятницу, въ которой Христосъ и Святая Дѣва, выходя изъ близлежащихъ улицъ, торжественно встрѣчаются на перекресткахъ.

гихъ! Свой нарядъ палача онъ унаслѣдовалъ отъ отца.

А дядя, слывшій въ околоткѣ за невѣрующаго, потому что отъ него попы ни разу не поживились ни одной песетой, покачивалъ головою съ важнымъ видомъ. Онъ одобрялъ племянника: «На все – свое время!»

Когда Ректоръ и Антоніо увидѣли, что идутъ пріятели дяди, они встали. Тотъ повторилъ, что они могутъ разсчитывать на его помощь и что онъ еще повидается съ племянникомъ, чтобы покончить дѣло. Не хотятъ ли они чего-нибудь? Вѣдь они еще не ѣли?

– Нѣтъ? Ну, такъ на здоровье и до свиданія, ребятки.

Братья тихо пошли по пустому тротуару и вернулись въ кварталъ мазанокъ.

– Что сказалъ тебѣ дядя? – равнодушно освѣдомился Антоніо.

Однако, увидѣвъ, что братъ ему киваетъ въ знакъ удачи, онъ обрадовался. Значить, поѣздка рѣшена? Тѣмъ лучше. Посмотримъ, добудетъ ли Ректоръ богатство, а самъ онъ зашибетъ ли денегъ, чтобы пріятно прожить лѣто!

Наивный Ректоръ былъ тронуть благородными чувствами Антоніо и, счастливый его словами, радъ былъ его поцѣловать. Положительно, у этого бѣсноватаго парня сердце доброе. Приходилось признать, что онъ сильно привязанъ къ брату, а также къ Долоресъ и къ ихъ ребеночку, маленькому Паскуало. Право, было жалко, что жены ихъ въ ссорѣ.

IV

Хотя заря встала ясная, однако по улицамъ Кабаньяля слышались раскаты, подобные громовымъ. Люди вставали съ постелей, обезпокоенные глухимъ и протяжнымъ гуломъ, похожимъ на грохотъ далекой грозы. Женщины, растрепанныя, полуодѣтыя, не протеревъ глазъ, пріотворяли двери, чтобы взглянуть, при синеватомъ свѣтѣ утра, на странныхъ прохожихъ, которые, безъ устали колотя въ свои звонкіе и разноголосые бубны, производили этотъ ужасный шумъ.

На перекрестки выходили самыя каррикатурныя фигуры, словно перепутался весь календарь и Страстная Пятница пришлась на святкахъ. То мѣстная молодежь ходила по рыбацкому кварталу въ грубыхъ костюмахъ традиціоннаго маскарада; и это жалкое переодѣваніе имѣло цѣлью напомнить забывчивому и грѣшному человѣчеству, что менѣе, чѣмъ черезъ часъ, Иисусъ и Мать Его встрѣтятся на улицѣ св. Антонія, противъ кабачка дяди Чульи. Издали, подобно стаду черныхъ мокриць, виднѣлись кающіеся въ громадныхъ остроконечныхъ колпакахъ, какъ у астрологовъ или инквизиторовъ, съ поднятыми на лбы матерчатыми масками, съ длинными черными прутьями въ рукахъ и, перекинутыми черезъ руки, длинными шлейфами савановъ. Нѣкоторые изъ кокетства надѣли ослѣпительно бѣлыя юбки, складчатыя и нагофренныя, изъ-подъ которыхъ виднѣлись рубцы слиш-

комъ короткихъ панталонъ и ботинки съ резиною, служившіе орудіями неопикуемой пытки для громадныхъ ногъ, при-
выкшихъ безъ обуви ступать по песку. За ними шли «Іудеи», свирѣпыя маски, какъ бы сбѣжавшія изъ какого-ни-
будь скромнаго театрика, гдѣ даются средневѣковыя драмы
въ бѣдныхъ и условныхъ костюмахъ. Одежда ихъ была та,
которая въ публикѣ извѣстна подѣ неопредѣленнымъ и удоб-
нымъ названіемъ «костюма воина»: много тряпокъ, вышивокъ
и бахромы на туловишѣ; шлемъ съ ужаснымъ султаномъ
изъ пѣтушыхъ перьевъ на головѣ; на рукахъ и ногахъ – гру-
бая бумажная ткань, долженствующая изображать кольчугу.
И, ради полноты каррикатурности и нелогичности, вмѣстѣ
съ кающимися въ траурѣ и еврейскими воинами шли «гре-
надеры Дѣвы», здоровые молодцы, высокими шапками на-
поминавшіе солдатъ Фридриха II и одѣтые въ черныя мун-
диры, на которыхъ серебряныя галуны казались сорванными
съ гробоваго покрова.

Было чему посмѣяться при видѣ такихъ необычайныхъ
фигуръ! Но какой смѣльчакъ отважился бы на это при видѣ
усердія, запечатлѣннаго на всѣхъ этихъ смуглыхъ и серьез-
ныхъ лицахъ, вмѣстѣ съ сознаниемъ отправленія обществен-
ной службы? Кромѣ того, нельзя безнаказанно смѣяться
надъ вооруженною силою, а какъ «Іудеи», такъ и гренадеры,
охранявшіе Іисуса и Мать Его, обнажили все холодное ору-
жіе, извѣстное съ первобытныхъ вѣковъ и до нашихъ дней,
и притомъ всѣхъ размѣровъ, начиная съ исполинской кав-

лерійской сабли до крошечной шпаженки капельмейстера.

Между ихъ ногами шныряли мальчишки, восхищенные блистательными мундирами. Матери же, сестры и пріятельницы любовались, каждая со своего порога: «Царица и Владычица! Что за красавцы!»

По мѣрѣ того, какъ разсвѣтало и сіяніе зари переходило въ яркій свѣтъ солнечнаго утра, барабанный бой, трубные звуки, воинственный грохотъ литавръ становились громче, точно цѣлое войско заполонило Кабаньяль.

Теперь всѣ отряды были въ сборѣ, и люди двигались рядами по четыре, вытянушіеся и торжественные, производя впечатлѣніе побѣдителей. Они шли къ своимъ предводителямъ за знаменами, развѣвавшимся на уровнѣ крышъ, траурными хоругвями изъ чернаго бархата, на которыхъ были вышиты ужасные атрибуты Страстей.

Ректоръ, по праву наслѣдства, былъ предводителемъ «Иудеевъ;» поэтому онъ еще до свѣта вскочилъ съ постели, чтобы облечься въ чудный нарядъ, весь остальной годъ сохраняемый въ сундукъ и считаемый семьею за наибольшую драгоценность дома.

Боже! какимъ страданіямъ пришлось подвергнуться бѣдному Ректору, съ каждымъ годомъ становившемуся пузатѣе и плотнѣе, чтобы втиснуться въ узкое бумажное трико!

Жена его, въ спустившейся на груди сорочкѣ, толкала его и дергала, стараясь запрятать въ трико его короткія ноги и толстый животъ; маленькій же сынишка, сидя на кровати, не

спускалъ съ отца удивленныхъ глазъ, какъ будто не узнавая его въ этомъ шлемѣ дикаго индѣйца со столькими перьями и съ этой страшной саблей, которая при малѣйшемъ движеніи стучалась о стулья и о стѣны, производя чертовскій громъ.

Наконецъ, это трудное одѣваніе пришло къ концу. Пожалуй, слѣдовало кое-что исправить; но было уже некогда. Нижнее бѣлье, поднятое кверху узкимъ трико, лежало комьями, такъ что ляжки «Іудея» оказались всѣ въ шишкахъ; проклятые штаны жали ему животъ до такой степени, что онъ блѣднѣлъ; каска, слишкомъ тѣсная для объемистой головы, съѣзжала ему на лобъ и задѣвала носъ; но достоинство прежде всего! Поэтому онъ обнажилъ свою большую саблю и, подражая своимъ звучнымъ голосомъ быстрому барабанному бою, сталъ величественно маршировать по комнатѣ, какъ будто бы сынъ его былъ принцемъ, при которомъ онъ состоялъ тѣлохранителемъ. И Долоресъ своими золотыми глазами, скрывавшими тайну, смотрѣла, какъ онъ ходитъ взадъ и впередъ, словно медвѣдь въ клѣткѣ; шишковатыя ноги мужа смѣшили ее. Однако, нѣтъ: такъ онъ всетаки лучше, чѣмъ когда приходитъ вечеромъ домой въ рабочей блузѣ съ видомъ скотины, изнуренной трудомъ.

«Іудеи» уже показались изъ-за угла улицы. Слышна была музыка отряда, шедшаго за своимъ знаменемъ. Долоресъ торопливо одѣлась, а Паскуало двинулся къ рубежу своихъ владѣній, чтобы встрѣтить ополченіе, которымъ онъ командовалъ.

Барабаны звучали похоронно, а блестящая фаланга, стоя на мѣстѣ, не переставала мѣрно двигать ногами, туловищемъ и головою, пока Антоніо съ двумя товарищами съ невозмутимой серьезностью влѣзали на балконъ за знаменемъ. Долоресъ увидѣла своего шурина на лѣстницѣ и невольно, съ быстротою молніи, сравнила его съ Паскуало. Антоніо такъ и смотрѣлъ солдатомъ, даже генераломъ: ничего общаго съ комичной неуклюжестью прочихъ! Ахъ, нѣтъ! Ноги у него были не кривы и не шишковаты, а стройны, соразмѣрны, изящны, и онъ напоминалъ тѣхъ симпатичныхъ кавалеровъ – дона Хуана Теноріо, дона Педро или Генриха де Лагардеръ, – которые такъ волновали ее со сцены флотскаго театра своею декламациею или ударами шпаги.

Всѣ отряды направились къ церкви, съ музыкантами во главѣ, подъ развѣвающимися черными знаменами; издали они имѣли видъ роя сверкающихъ жучковъ, медленно и неуклонно ползущихъ впередъ.

Наступила минута обряда «Встрѣчи*». Разными путями сошлись двѣ процессіи: съ одной стороны – скорбная Дѣва со своимъ конвоемъ траурныхъ гренадеровъ; съ другой стороны – Иисусъ въ темнолиловой туникѣ, украшенной золотомъ, растрепанный, удрученный тяжестью креста, какъ бы упавшій на пробочные камни, которыми покрытъ былъ его пьедесталь, и исходя кровавымъ потомъ; а вокругъ него, чтобы не дать ему вырваться, – жестокіе «Іудеи» съ угрожающими жестами, чтобы лучше выполнить свою роль; позади него

шли кающіеся, надвинувъ капюшоны, таща свои шлейфы по лужамъ, такіе страшные, что маленькія дѣти начинали плакать и прятались въ юбки матерей.

Хриплымъ литавры все гремѣли, трубы раздирали уши протяжнымъ гуломъ, похожимъ на ревъ телятъ, которыхъ рѣжутъ; среди жестокихъ и кровожадныхъ воиновъ толкались дѣвченки, нарумяненные, одѣтыя, какъ одалиски изъ оперетки, держа въ рукахъ маленькіе кувшины въ ознаменованіе того, что онѣ изображаютъ евангельскую самарянку, имѣя въ ушахъ и на груди блестящія украшенія, взятыя на прокатъ ихъ матерями, и показывая изъ-подъ короткихъ юбокъ ноги въ толстыхъ полусапожкахъ и здоровыя икры въ полосатыхъ чулкахъ. Но эти мелкія подробности ни въ комъ не вызывали нечестивой критики.

– Господи! Ахъ, Господи, Боже мой!. – бормотали съ видомъ отчаянія старыя рыбныя торговки, созерцающія Иисуса во власти невѣрныхъ злодѣевъ.

Въ толпѣ зрителей тамъ и сямъ попадались блѣдныя лица съ утомленными глазами и улыбками на устахъ; то были кутилы, которые, послѣ бурно проведенной ночи, явились изъ Валенсіи, чтобы поразвлечься; но когда они уже слишкомъ потѣшались надъ комичными участниками процессіи, который-нибудь изъ воиновъ Пилата непременно потрясалъ мечемъ съ угрозою и рычалъ въ священномъ негодованіи:

– Болваны! Что вы? Прилѣзли издѣваться?

Насмѣхаться надъ обрядомъ, столь же древнимъ, какъ и

самый Кабаньяль! Великій Боже! На это способны только прїѣзжіе изъ Валенсіи!

Толпа кинулась къ мѣсту «Встрѣчи» на улицу св. Антонія, туда, гдѣ доски изъ эмальированной глины въ странныхъ фигурахъ изображали шествіе на Голгофу. Тутъ тѣснились и толкались, продираясь въ первый рядъ, буйныя торговки рыбою, дерзкія, задорныя, закутанныя въ свои широкіе клѣтчатые плащи и въ платкахъ, надвинутыхъ на самые глаза.

Росарія съ матушкою Пикоресь стояла въ толпѣ старухъ, толкаясь руками и колѣнками, чтобъ удержаться на краю тротуара, откуда такъ хорошо было видно процессію. Бѣдная женщина съ воодушевленіемъ говорила сосѣдкамъ о своемъ Антоніо: «Видѣли они его? Во всемъ шествіи нѣтъ другого такого браваго «Іудея»! Отзываясь такъ о своемъ мужѣ, несчастная еще вся горѣла отъ пощечинъ, которыми это сокровище щедро наградило ее на зарѣ, пока она помогала ему одѣваться.

Вдругъ она почувствовала ударъ въ грудь, нанесенный плотнымъ и сильнымъ плечомъ женщины, ставшей передъ нею и столкнувшей ее съ мѣста. Она взглянула и узнала — ахъ! нахалка! — свою невѣстку Долоресь, которая, ведя за руку своего малютку Паскуало, пробралась сквозь толпу. Хорошенькая бабенка по обыкновенію глядѣла царицею; и останавливая на людяхъ свои зеленые глаза, въ которыхъ сверкали золотыя точки, она пренебрежительно выдвигала впередъ нижнюю губу.

Росарія, оглушенная толчкомъ ея сильнаго тѣла, сначала ограничилась презрительнымъ движеніемъ въ отвѣтъ на взгляды Долоресъ. Но встрѣтивъ съ той стороны полное равнодушіе, она стала высказывать вслухъ свои мысли: «Неотѣса! Съ такою грубостью отнимать у людей мѣста, на которыхъ стоять! Что за гордосты! Фу, какая царица! Но сразу видно, какая кому цѣна. Необразованность узнается съ перваго взгляда».

Тщедушная и блѣдная бабенка воодушевилась и покраснѣлась, какъ бы опьяненная собственными словами. Вокругъ хохотали пріятельницы, подстрекая ее одобрительными взглядами. Уже великолѣпная голова Долоресъ начинала поворачиваться на полной шеѣ съ выраженіемъ львицы, позади которой жужжить муха, когда обѣ процессіи вышли на главную улицу изъ боковыхъ. Тотчасъ вся толпа содрогнулась отъ любопытства.

Процессіи шли другъ другу навстрѣчу, замедляя ходъ, останавливаясь, рассчитывая разстояніе, чтобы одновременно подойти къ мѣсту встрѣчи.

Съ одной стороны, лиловая туника Іисуса горѣла въ первыхъ лучахъ солнца надъ лѣсомъ султановъ, шлемовъ и обнаженныхъ рапиръ, ослѣпительно сверкавшихъ отъ яркаго свѣта. Съ другой стороны, на плечахъ носильщиковъ качалась Пресвятая Дѣва, одѣтая въ черный бархатъ и прикрытая траурнымъ вуалемъ, сквозь который блестѣли слезы на ея восковомъ лицѣ; безъ сомнѣнія, чтобы утирать эти слезы,

въ ея неподвижныя руки былъ вложенъ кружевной платокъ.

Дѣва особенно возбуждала состраданіе женщинъ. Многія изъ нихъ плакали: «Ахъ, Царица и Владычица!» Эта «Встрѣча» надрывала сердца. Каково видѣть Мать и Сына въ подобномъ положеніи! Приходили на умъ сравненія, впрочемъ весьма неточныя: «точно бы онѣ сами встрѣтили своихъ дѣтей, такихъ добрыхъ и честныхъ, на пути къ эшафоту». И онѣ продолжали вздыхать передъ «Скорбною Богородицею», что ничуть не мѣшало имъ примѣчать, нѣтъ ли на статуѣ новыхъ украшеній сравнительно съ прошедшимъ годомъ.

Наконецъ, наступила минута «Встрѣчи*». Прекратилась оглушительная барабанная дробь, прервался жалобный ревъ гобоевъ, похоронная музыка смолкла. Оба изображенія были неподвижны, одно противъ другого, и раздался жалобный голосъ, распѣвая на однообразный мотивъ нѣсколько куплетовъ, выражавшихъ паѳосъ этой встрѣчи.

Присутствующіе, разинувъ рты, слушали дядю Гранча, стараго «бархатника»¹¹, каждый годъ приходившаго изъ Валенсіи, чтобы пѣть на этомъ торжествѣ, изъ благочестиваго усердія. Что за голосъ! Его жалобные звуки надрывали душу! Вотъ почему, когда выпивавшіе въ сосѣдней тавернѣ начинали хохотать слишкомъ громко, среди примолкнувшей толпы поднимался всеобщій протестъ и возмущенные вѣрующіе кричали:

– Да замолчите же, такъ-то васъ и такъ!

¹¹ Работникъ, занимающійся тканьемъ бархата.

Изображенія приподнялись и опустились, каковыя движенія въ глазахъ зрителей означали обмѣнъ скорбныхъ привѣтствій между матерью и сыномъ; а пока происходили всѣ эти церемоніи и раздавалось пискливое пѣніе дяди Гранчи, Долоресь ие отводила глазъ отъ стройнаго браваго «Иудея,» составлявшаго столь пріятную противоположность со своимъ неуклюжимъ начальникомъ.

Хотя Росарія и стояла у нея за спиною, однако угадывала, чувствовала, куда направляетъ взоры ея невѣстка. «Не угодно-ли? Точно съѣсть его собралась!.. Какова наглость! И при собственномъ мужѣ! Что же это должно быть, когда Антоніо къ ней приходитъ, будто бы поиграть съ племянникомъ, и остается съ ней наединѣ?»

Между тѣмъ, обѣ процессіи слились, чтобы вмѣстѣ войти въ церковь; но встревоженная и ревнивая жена продолжала бормотать угрозы и ругательства, глядя на эти широкія и полныя плечи, царственно поддерживающія великолѣпный затылокъ, на которомъ курчавились пряди волосъ. Долоресь, наконецъ, обернулась величавымъ движеніемъ бедеръ. Не ей ли Росарія говорить эти штуки? Когда же она рѣшится оставить ее въ покоѣ? Развѣ каждый не имѣетъ права смотрѣть, куда захочетъ? И маленькія золотыя точки, сердито сверкая, запрыгали въ глазахъ цвѣта морской воды.

Росарія отвѣтила: «Да, она говоритъ о Долоресь, обѣ этой бѣшеной сукѣ, которая пожираетъ мужчинъ глазами!»

Долоресь вызывающе хихикнула: «Очень благодарна...

Пусть Росарія лучше смотритъ за своимъ благовѣрнымъ. Скажите, пожалуйста! Когда имѣешь мужа, надо умѣть его удовлетворять. Умѣютъ же другія, совсѣмъ ужъ не такія хитрыя. Одни только мошенники думаютъ, что весь свѣтъ... А вотъ сама она любитъ бить по мордѣ ругательницъ».

– Мама, мама! – кричалъ маленькій Паскуало, хныкая и цѣпляясь за юбки пышиой красотки, которая, поблѣднѣвъ подъ загаромъ, уже наклонялась, чтобы кинуться, между тѣмъ какъ сосѣдки хватали Росарію за худыя и жилистыя руки.

– Это что еще? Все потасовки? – вдругъ взревѣлъ грубый и хриплый отъ водки голосъ, причемъ грозная туша матушки Пикоресъ раздѣлила собою желавшихъ подраться. Старуха брала на себя водвореніе порядка. Она умѣла обуздывать подобныхъ вѣдьмъ.

– Ты, Долоресъ, ступай домой! А ты, ругательница, смотри, чтобъ я тебя не слышала!

Большимъ количествомъ толчковъ и увѣщаній она привела ихъ въ повиновеніе, «Господи, что за отродье! Даже въ такой день, въ страстную пятницу, во время процессіи «Встрѣчи», эти чертовки устраиваютъ скандалъ! Пропади онѣ пропадомъ! Что за бабы теперь пошли!» И властная торговка, замѣтивъ, что обѣ соперницы еще грозятъ другъ другу издалека, показала имъ свои толстые кулаки и добилась того, что онѣ дали развести себя по домамъ.

Въ нѣсколько минутъ вѣсть о скандалѣ разнеслась по всему Кабаньялю.

Въ лачугѣ Антоніо произошла потасовка. Мужъ, даже еще не снявъ своего костюма Іудвя, усердно пробралъ жену свою палкою, чтобы вылѣчить ее отъ ревности.

Его начальникъ тоже имѣлъ разговоръ съ Долоресъ въ то время, какъ она изо всей силы стягивала съ него трико, чтобы избавить его отъ муки, и его стиснутое тѣло принимало свой естественный видъ. «Росарія – дура, онъ съ сожалѣніемъ сознается въ этомъ, и хотя Антоніо – вѣтрогонъ, да и не прочь отъ рюмочки, но нельзя не пожалѣть его за женитьбу на этой женщинѣ, колючей, словно дикобразъ. Но родные – всегда родные. Изъ-за того, что попалась такая невѣстка, Ректоръ не можетъ выгнать отъ себя родного брата. Нѣтъ, а теперь – менѣе, чѣмъ когда-либо: потому что, въ случаѣ удачи, Ректору скоро посчастливится сдѣлать Антоніо совсѣмъ другимъ человѣкомъ».

Долоресъ, еще блѣдная отъ пережитыхъ волненій, кивками одобряла каждое слово мужа.

«Чтобы все было тихо, достаточно порѣже видаться съ этой полоумной. А теперь слѣдовало подумать о главномъ»

Въ ту же ночь, около полуночи, при маленькомъ дождѣ, который очень кстати застилалъ Валенсійскій берегъ легкимъ туманомъ и не давалъ разуживать, куда поворачиваютъ вышедшія въ море лодки, «Красотка», этотъ морской хламъ, оснащенная, какъ для рыбной ловли, распустила свой косой парусъ и отплыла отъ берега, тяжеловѣсно качаясь на волнахъ, подобно постарѣвшей красавицѣ, которая, скрывая свои

изьяны, идетъ на поиски позднихъ побѣдъ.

V

На слѣдующее утро, часамъ къ пяти, когда первые лучи тусклой и холодной зари только еще начинали выдвигать изъ мрака колокольни, куполы и крыши Валенсіи, акцизные чиновники прибыли въ свою контору на Морскомъ Мосту, на Гвадалавьярѣ, и усѣлись подъ еще запертыми окошечками зданія вѣсовъ. Что же касается сторожей, продежурившихъ тутъ ночь, тѣ расхаживали по тротуару, сильно топая ногами и закрывая подбородки поднятыми воротниками куртокъ въ защиту отъ холодной сырости. Они поджидали подгородныхъ торговцевъ, людей буйныхъ, возросшихъ на базарѣ, ожесточенныхъ нищетою, изъ-за гроша открывавшихъ шлюзы неистощимаго потока ругательствъ и, прежде чѣмъ занять свои мѣста на рынкѣ, изводившихъ агентовъ фиска дерзкими требованіями.

Еще до свѣта прибыли телѣги съ овощами, и дойныя коровы меланхолически зазвякали колокольчиками.

Немножко позже, когда, при показавшемся свѣтѣ, уже рѣзко обозначились очертанія предметовъ на сѣромъ фонѣ горизонта, явились и рыбницы. Сначала, издали послышался глухой перезвонъ бубенчиковъ. Потомъ на мостъ вѣхали одна за другою четыре тартаны, влекомыя ужасными клячами, которыя какъ будто и на ногахъ держались лишь благодаря вожжамъ, находившимся въ рукахъ скорченныхъ на

своихъ сидѣньяхъ тартанеро, закутанныхъ въ шарфы, доходившіе имъ до глазъ.

Эти тартаны были тяжелые черные ящики, прыгавшіе по неровной мостовой, какъ старыя прогнившія лодки пляшуть по волѣ волнь. Сквозь щели кожанаго кузова, разлѣзшагося во многихъ мѣстахъ, виднѣлся тростниковый остовъ; куски коричневой грязи залѣпляли бока; желѣзныя части, поломанныя и скрипучія, были связаны веревками; отъ колесъ еще не отстала грязь, налипшая прошлою зимою; и сверху до низу экипажъ былъ весь въ дырахъ, точно отъ ружейнаго залпа.

На передкѣ, въ качествѣ пышнаго украшенія, развѣвалась пара полуслинявшихъ красныхъ занавѣсочекъ; черезъ заднюю дверь видны были, виеремежку со своими корзинами, дамы рыбнаго рынка въ клѣтчатыхъ плащахъ, въ платкахъ, натянутыхъ на грудь, сидѣвшія тѣсно одна около другой и распространявшія тошнотворную вонь загнившей соленой воды.

Тартаны ѣхали гусемъ, лѣниво подпрыгивая на толчкахъ, наклоняясь на одну сторону, точно потерявши равновѣсіе, потомъ вдругъ валясь на другую, смотря по колеѣ, съ быстротою измученнаго больного, мечущагося по постели.

Тартаны остановились передъ конторой, и на подножкахъ замелькали объемистыя калоши, дырявые чулки, изъ которыхъ выглядывали грязныя пятки, подоткнутыя юбки, изъ подъ которыхъ виднѣлись нижнія – желтыя, украшенныя

черными узорами.

Передъ вѣсами выстроились въ рядъ широкія тростниковыя корзины, прикрытыя мокрыми тряпками, изъ подъ которыхъ выглядывали гладкія серебристыя сардины, нѣжно-алыя краснобородки, креветы, дергавшіе тонкими лапками въ предсмертныхъ судорогахъ. По краямъ корзины разложенъ былъ самый крупный товаръ: толстохвостые губаны, сведенные послѣдними конвульсіями, съ безмѣрно открытою круглою пастью, въ глубинѣ которой виднѣлась ихъ темная глотка съ круглымъ и бѣловатымъ языкомъ, нѣсколько похожимъ на билліардный шаръ; широкіе и плоскіе скаты, разложенные на землѣ, напоминали тѣ липкія тряпки, которыми моютъ полы.

Вѣсы въ эту минуту были заняты пекарями подгородной булочной, молодыми красавцами, съ бровями въ мукѣ, въ большихъ рабочихъ фартукахъ и съ рукавами, засученными до локтей: они выгружали на платформу мѣшки съ горячими хлѣбами, вкусный запахъ которыхъ вносилъ ароматъ жизни въ воздухъ, зараженный тяжелыми испареніями рыбы.

Рыбницы, въ ожиданіи своей очереди, боптали съ зѣвками, созерцавшими крупную рыбу, или сцѣплялись между собою и осыпали другъ друга бранью.

Чиновниковъ злила дерзкая трескотня этихъ озорницъ, каждое утро туманившая имъ головы. Онѣ говорили не иначе, какъ криками, и къ каждому слову прибавляли междометіе изъ того неистощимаго репертуара, какой можно

усвоить только на Левантинскомъ молѣ. Едва очутившись вмѣстѣ, онѣ припоминали всѣ вчерашнія неудовольствія, или продолжали ссору, начатую нынче же на взморѣ; онѣ обмѣнивались оскорбленіями и непристойными жестами, сопровождая свои слова громкимъ и мѣрнымъ хлопаньемъ по собственнымъ ляжкамъ, или грозно замахивались кулаками; но въ самый горячій моментъ это бѣшенство переходило въ хохотъ, напоминавшій кудахтанье цѣлаго курятника, если которой-нибудь изъ нихъ случалось кинуть фразу, достаточно пряную, чтобы произвести впечатлѣніе даже на ихъ избалованный вкусъ.

Онѣ досадовали на медленность, съ какою булочники очищали вѣсы; ругательства сыпались градомъ, и среди звонкаго ливня грубыхъ словъ, прерываемыхъ любезнымъ хихиканьемъ, онѣ нападали то на одного, то на другого, вполне наивно перемѣшивая самыя чудовищныя богохульства съ самыми сальными прилагательными.

Со своей стороны, булочники въ карманъ за словами не лазили и отвѣчали непристойными шутками этимъ женщинамъ, которыя, благодаря сложеннымъ подъ передниками рукамъ, всѣ казались обладательницами до странности громадныхъ животовъ, являя собою комичное зрѣлище. Среди гула, шутокъ и ругательствъ, красотка Долоресь, стоя нѣсколько въ сторонѣ, казалась безучастною ко всему происходившему. Одѣтая лучше другихъ, она съ кокетливою небрежностью прислонилась къ одному изъ столбовъ пави-

ліона, держа руки за спиною, выставивъ полную грудь и улыбалась, точно удовлетворенный ѳиміамомъ идолъ, когда мужчины поглядывали на ея желтые кожаные башмаки и на ея полныя икры въ красныхъ чулкахъ. По временамъ она разражалась хохотомъ, какъ безумная, раздвигая свои могучія челюсти здоровой и молодой самки; тогда ея яркія, мясистыя губы обнажали правильные ряды крѣпкихъ зубовъ, такихъ блестящихъ, что все лицо какъ бы освѣщалось этимъ мягкимъ сверканіемъ бѣлой кости.

Къ ней питали уваженіе за силу кулаковъ и вызывающую дерзость. Почтеніе усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что она была женою Ректора, этого добряка, покорнаго ей во всемъ, но умѣвшаго на морѣ добыть больше, чѣмъ многіе другіе, и, по общему мнѣнію, безъ сомнѣнія, имѣвшему толстенькій кошелечекъ, запрятанный куда-нибудь въ кувшинъ. Это позволяло женѣ его держать себя царицей среди толпы распутныхъ и вшивыхъ рыбныхъ торговковъ.

– Царь Небесный! Когда же вы очистите вѣсы? – крикнула, наконецъ, она, подбоченясь, по адресу булочниковъ.

Эти какъ разъ убирали послѣдній мѣшокъ, и взвѣшиваніе рыбы началось. Какъ и каждое утро, возникли ссоры изъ-за очереди взвѣшивать корзины. Бабы ругались, но не вступали въ рукопашную: вмѣшивался сиплый бась матушки Пикоресь, и ея крики дѣйствовали, какъ выстрѣлы иаъ пушки.

Но – удивительное дѣло! – въ теченіе нѣсколькихъ минутъ Долоресь не смотрѣла на прочихъ и пропустила собственную

очередь: ея глаза были устремлены на мостъ, гдѣ надъ перилами двигались плечи запоздавшей женщины, которая сгибалась подъ тяжестью поддерживаемыхъ ея руками корзины: Долоресь узнала въ ней свою невѣстку и, припомнивъ сцену, происшедшую наканунѣ, во время процессіи, вскипѣла, точно паровой котель.

Когда жена Антоніо приблизилась къ зданію акциза, Долоресь коснулась локтя матушки Пикоресь со взрывомъ дерзкаго хохота: «видѣла ли тетя? Эта Росарія всегда запаздываетъ. Оно и понятно, потому что несчастная прѣтъ пѣшкомъ со выюкомъ, который подъ силу развѣ мулу»!

Розарія поблѣднѣла, но не отвѣтила ничего и съ видомъ крайней усталости поставила свои корзины на землю. Потомъ она посмотрѣла на Долоресь съ выраженіемъ ненависти. Долоресь утирала себѣ носъ, шумно дыша, будто бы нюхая табакъ, и бормотала достаточно громко, чтобы ее слышали: «пусть-ка Росарія присядеть: вѣдь, послѣ такого пути надо быть безъ ногъ и всей въ поту»!

Этотъ вызывающій шопоть вывелъ маленькую женщину изъ себя: «Присѣсѣ? Экое безстыдство! Когда нечѣмъ заплатить за тартану, честные люди идутъ пѣшкомъ, а не такъ, какъ инья прочія, которыя надуваютъ мужа и устраиваются, какъ можно удобнѣе».

Тутъ красивая рыбница съ золотыми точками загорѣвшихся гнѣвомъ въ большихъ зеленыхъ глазахъ на нѣсколько шаговъ подошла къ говорившей:

– Про кого это было сказано?

Къ счастью, матушка Пикоресь, только что взвѣсившая свои корзины, подошла и своими толстыми и жесткими руками остановила племянницу: она не хочетъ ни потасовокъ, ни скандаловъ. Скорѣе въ тартану! Передуть другъ дружку онѣ могутъ въ другой разъ: сегодня слишкомъ поздно, и на рынкѣ ждутъ покупатели... Какъ имъ идетъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ грызться: вѣдь онѣ – невѣстки! И схвативши Долоресь за талию, она потащила ее къ тартанѣ, въ которой уже размѣстились остальные рыбницы со своими корзинами.

Хорошенькая бабочка дала себя вести, какъ ребенка, но губы у нея дрожали и, когда расхлябанная повозка тронулась съ мѣста, она крикнула слѣдующую угрозу:

– Помни, Росарія, мы еще увидимся!

Теперь было совсѣмъ свѣтло. Сѣрый туманъ, заполнявшій пространство, распадался на густые клочья, а солнце, едва еще поднявшееся надъ линіей горизонта, превращало лужи въ жидкое золото и клало на фасады домовъ яркое зарево пожара.

Уже господствовало оживленіе. Пробѣгали вагоны, полные рано вставшихъ пассажировъ; смѣнные лошади трусили парами, управляемые мальчишками, сидѣвшими на нихъ безъ сѣделъ; а по обоимъ бокамъ аллеи, группы рабочихъ, еще сонныхъ, торопливо шли на добычу хлѣба по направленію къ фабрикамъ, имѣя на плечѣ мѣшечекъ съ завтракомъ, а во рту – сигаретку.

Въ городѣ, по тротуарамъ, легкимъ шагомъ шли служанки съ бѣлыми корзинами въ рукахъ; метельщики собирали соръ минувшей ночи; въ канавкахъ воды, текущей вдоль тротуаровъ, плескали ногами дойныя коровы, однообразно позвякивая колокольчиками; двери лавокъ отворяясь, выставки расцвѣчивались разноцвѣтными вещами; и отовсюду слышалось сухое шуршаніе щетокъ, выталкивавшихъ на улицу и выкидывавшихъ пыль, которая подъ лучами солнца разлеталась золотыми облаками.

Когда тартаны подъѣхали къ рыбному рынку, подбѣжали старыя посыльныя, чтобы снять корзины и не безъ подобострастія высадить изъ экипажа этихъ торговокъ считать которыхъ за барынь ихъ принуждала собственная нищета.

Торговки, все еще завернутыя въ свои широкіе плащи, проникли одна за другою въ зданіе сквозь узкіе входы, темные, точно въ тюремѣ, — зловонныя пасти, выдыхавшія прѣль и затхлость рыбнаго рынка. Вскорѣ весь маленькій рынокъ былъ въ движеніи. Подъ цинковыми навѣсами, съ которыхъ еще капалъ дождь минувшей ночи, торговки опоражнвали корзины на мраморные столы и раскладывали рыбу на слои зеленого шпажника.

Крупная рыба, продаваемая ломтями, краснѣла своимъ кровавымъ мясомъ; лохани наполняла «вчерашня», т. е. рыба, уже сутки лежащая во льду, съ мутными глазами и потускнѣвшей чешуей; а сардина въ демократическомъ безпорядкѣ лежала кучами рядомъ съ гордыми краснобородками

и креветками въ скромныхъ сѣренскихъ платищахъ.

Противоположная сторона рынка была занята продавщицами другого сорта, одѣтыми такъ же, какъ и кабаньяльскія, но бѣднѣе и грязнѣе. Это были рыбницы изъ Альбуферы, женщины того страннаго и выродившагося племени, которое живетъ въ лощинѣ на плоскихъ лодкахъ, черныхъ точно гробы, въ густомъ камышѣ, въ шалашахъ среди болотъ и находитъ пропитаніе въ грязной водѣ: жалкія существа съ изможденными и землистыми лицами, въ вѣчныхъ блескомъ трехдневной лихорадки въ глазахъ, въ юбкахъ, пропахшихъ не свѣжимъ вѣтромъ моря, а испареніями гнилыхъ каналовъ, зловонною тиною, которая, если пошевелишь ее, распространяетъ смерть. Эти женщины вытряхивали на свои столы громадныя мѣшки, которые дергались, точно одаренные жизнью: изъ нихъ вываливались кишация массы угрей, которые сжимали свои липкія черныя кольца, перевивались своими бѣловатыми брюхами и приподнимали острыя змѣиныя головки. Рядомъ съ угрями лежала мертвая и вялая прѣсноводная рыба: лини съ невыносимымъ запахомъ, своимъ страннымъ металлическимъ отблескомъ напоминавшіе о тѣхъ тропическихъ фруктахъ, которые подъ темной, блестящей корой содержатъ въ своей мякоти ядь...

Но и эти несчастныя женщины распались на нѣсколько категорій: были и такія, самыя обездоленныя, которыя, сидя на землѣ, сырой и скользкой, между рядами столовъ, предлагали нанизанныхъ на длинныя тростинки лягушекъ, рас-

топыренными во всѣ стороны лапками похожихъ на танцовщицъ.

Рыбный рынокъ становился весьма оживленнымъ; покупатели начинали прибывать, а торговки обмѣнивались таинственными знаками, отрывками фразъ на спеціальному жаргонѣ, чтобы предупредить о приближеніи полицейскихъ, — и тогда съ невѣроятною быстротою прятались подъ фартуки и юбки черезчуръ легкія гири.

Старыми, зазубренными и грязными ножами торговки вскрывали серебристое брюхо рыбы; сирадныя внутренности падали подъ столы, а бродячія собаки, понюхавъ ихъ, рычали отъ отвращенія и убѣгали въ сосѣднія галлерей, къ прилавкамъ мясниковъ.

Тѣ самыя рыбницы, которыя только что дружески тѣснились въ одной и той же тарганѣ, теперь враждебно переглядывались за своими столами, направляя вызывающіе взоры на каждую, которая отбивала у другой покупателя. Духъ борьбы, духъ грубаго соперничества наполнилъ маленькій темный рынокъ, каждый камень котораго былъ пропитанъ гнилью и заразой. Бабы кричали голосами, терзавшими уши; онѣ стучали по своимъ сквернымъ вѣсамъ, чтобы привлечь покупателей, звали ихъ ласковыми фразами, предложеніями, сдѣланными въ материнскомъ тонѣ. Но минуту спустя, если покупатель осмѣливался торговаться, медоточивыя уста сразу превращались въ отверстія канализационныхъ трубъ и изливали на дерзкаго потоки нечистотъ подъ

аккомпаниментъ наглаго хохота изъ-за сосѣднихъ столовъ: такъ какъ всѣ эти бабы инстинктивно сливались воедино, когда дѣло шло объ издѣвательствѣ надъ покупателями.

Матушка Пикоресъ величественно возсѣдала на большомъ креслѣ, своею пухлою величиною напоминая кита, гримасничая волосатою морщинистою рожею и каждую минуту мѣняя положеніе, чтобы полнѣе насладиться ласковымъ тепломъ грѣлки, находившейся у нея подъ ногами; она не разставалась до поздняго лѣта съ этою грѣлкою, составлявшею не роскошь, а необходимость для ея стараго тѣла, прохваченнаго сыростью до костей. Ея синеватая руки ни на секунду не оставались въ покоѣ. Вѣчная чесотка очевидно мучила ея грубую кожу: толстые пальцы скребли подъ мышками, проникали подъ платокъ, погружаясь въ сѣдую гриву; ожесточеннымъ почесываніемъ приводили въ дрожь громадный животъ, который ниспадалъ на ляжки, точно пышный передникъ; съ удивительной беззастѣнчивостью приподнимали непостижимый лабиринтъ юбокъ, чтобы царапать отекающія икры. У нея былъ давно свой кругъ покупателей, и она не особенно гналась за новыми, но испытывала дьявольскую радость, когда ей представлялся случай, нахмуривши брови, выстрѣлить какимъ-нибудь площаднымъ ругательствомъ въ скупыхъ барынь, ходившихъ со своими служанками по рынку. Ея низкому хриплому голосу почти всегда прикадлежала рѣшающая роль въ рыночныхъ стычкахъ, и всѣ хохотали надъ ея грозной воркотней и надъ изреченіями, произноси-

мыми тономъ оракула и заключавшими въ себѣ весьма откровенную философію.

Напротивъ помѣщалась ея племянница Долоресъ, засученные рукава которой обнажали прекрасныя руки, небрежно игравшія чашками вѣсовъ; она кокетливо улыбалась съ цѣлью показать свои ослѣпительные зубы всѣмъ добрымъ горожанамъ, которые, привлеченные прелестью этого милаго лица, приходили сами выбирать себѣ рыбу, чтобы унести ее въ хорошенькихъ тростниковыхъ сумочкахъ съ красными каймами.

Росарія помѣщалась съ той же стороны, какъ и матушка Пикоресъ, но немножко подалѣе, черезъ два стола отъ старой торговки; она аккуратно разложила свой товаръ, такъ что наиболѣе свѣжій сразу бросался въ глаза.

Итакъ, обѣ невѣстки все время находились лицомъ къ лицу и каждый разъ, какъ встрѣчались взглядами, отворачивались съ видомъ презрѣнія; но тотчасъ ихъ взоры опять начинали искать другъ друга и гнѣвно скрещивались, точно шпаги. Въ это утро у нихъ еще не было предлога начать свою ежедневную ссору. Но предлогъ явился, когда красивая Долоресъ, улыбками и позвякиваніемъ блестящихъ, точно золото, вѣсовъ, превлекла къ себѣ покупателя, который торговалъ что-то у Росаріи.

Послѣдняя, – сухая, нервная и болѣзненная, – взъерошилась, какъ худошавый пѣтухъ, блѣдная отъ бѣшенства и лихорадочно сверкая глазами. «Ахъ, есть ли силы терпѣть?»

Скверная тварь! Отбивать у честной женщины ея постоянныхъ покупателей! Воровка!.. Хуже воровки!»!

Та, величественная на видть, приняла позу царицы и своимъ изящнымъ носикомъ потянула въ себя воздухъ: «Кто это воровка? Она? Нечего такъ сердиться, душа моя! На рынкѣ всѣ другъ друга знаютъ, и людямъ хорошо извѣстно, съ кѣмъ они имѣють дѣло».

Этотъ отвѣтъ привелъ въ восторгъ весь рыбный рядъ. Обычная комедія начиналась. Торговки обмѣнивались лукавыми взглядами и забывали о своемъ дѣлѣ. Покупатели собирались въ кругъ и улыбались отъ удовольствія, радуясь случаю, дарившему имъ такое зрѣлище. Полицейскій, который было сунулся въ галлерею, благоразумно удалился, какъ человѣкъ опытный; а матушка Пикоресь подняла глаза къ небу, возмущенная этимъ раздоромъ, которому не видѣла конца.

– Да, воровка! – повторяла Росарія. «Это извѣстно: у той страсть отнимать все, что принадлежитъ другой! Доказательство на лицо; на рынкѣ Долоресь крадетъ у нея покупателей, а тамъ въ Кабаньялѣ – кое что другое... Другое: негодяйка хорошо знаетъ, что именно... Какъ будто этой злой скотинѣ мало своего Ректора, барана болѣе слѣпого, чѣмъ кротъ, неспособнаго даже видѣть, что у него на собственномъ лбу!»

Этотъ потокъ оскорбленій разбивался о высокомерное спокойствіе Долоресь. Красивая рыба видѣла, что всѣ

сосѣдки кусаютъ губы, подавляя сильнѣйшій хохоть при этихъ намекахъ на нее и на ея мужа; не желая забавлять собою весь рынокъ, она притворялась равнодушной.

– Молчи, дура! Молчи, завистница! – говорила она пренебрежительно.

Но Росарія возразила:

«Она завидуетъ? Кому? Потаскушкѣ, хуже которой нѣтъ во всемъ Кабаньялѣ? Спасибо! Сама она – честная и неспособна отбивать чужихъ мужей.»

Долоресь не осталась въ долгу:

– Отбивать чужихъ мужей? Да какъ же это сдѣлать съ твоею мордою, какъ у сардины! Дурнорыла ты слишкомъ, душа моя!

Такъ онѣ продолжали переругиваться. Росарія все больше блѣднѣла, судорожно взмахивая руками, пока говорила; Долоресь, подбоченившись, держала себя гордо и улыбалась, точно ея свѣжій ротикъ произносилъ любезности.

Воинственный пылъ охватилъ весь рынокъ. У входовъ образовались группы, и всѣ торговли, точно растрепанныя фурии, нагибались надъ столами, щелкали языками, точно натравливая собакъ, взрывами хохота одобряли циническія выходки Долоресь и стучали гириями по вѣсамъ, поддерживая этимъ металлическимъ звяканіемъ бѣшенный гамъ перепбранки.

Долоресь, чтобы выразить все свое презрѣніе, придумала, наконецъ, нѣчто рѣшительное:

– Слушай! Ты потолкуй-ка вотъ съ кѣмъ!

И сильнымъ движеніемъ повернувши къ соперницѣ спину, она звонко шлепнула себя пониже талии такъ, что подъ ситцемъ дрогнула роскошная масса упругаго и твердаго тѣла.

Это имѣло шумный успѣхъ. Рыбницы падали на стулья, задыхаясь отъ хохота; торговки скумбріей и продавцы трѣбухи изъ-за сосѣднихъ столовъ, собравшись кучками, вытаскивали руки изъ-подъ передниковъ, чтобы апплодировать; а добрые горожане, забывши о сумочкахъ съ покупками, любовались смѣлыми контурами могучаго и крѣпкаго тѣла.

Но торжество Долоресъ было кратковременно. Когда вновь обратилось къ зрителямъ ея улыбающееся лицо, Росарія, пьяная отъ бѣшенства, пустила въ нее двумя пригоршнями сардинъ, которыми залѣпила ей всѣ глаза и носъ.

Красавица привскочила. Такое оскорбленіе! Пусть эта злая жердь выходитъ: надо взглянуть на нее поближе! И она сошла съ мѣста, еще выше засучивая рукава, при чемъ глаза точно выскакивали у нея изъ головы, такъ сверкали въ нихъ золотыя точки!

Росарія вышла впередъ, нагнувъ голову, задыхаясь отъ злобы, бормоча сквозь зубы ужаснѣйшія ругательства, отталкивая тѣхъ, кто пытался загородить ей дорогу.

Онѣ сцѣпились посреди прохода, между двумя рядами столовъ! Тщедушная бабенка буйно кинулась на свою сильную соперницу, но не сумѣла повалить ее. Это была борьба

нервовъ съ мускулами, злобы – съ силою, которая осталась даже непоколебленной.

Долоресь, съ твердостью ожидавшая нападенія, встрѣтила врага градомъ пощечинъ, отъ которыхъ страшно покраснѣли худощавыя щеки Росаріи; но вдругъ сама она вскрикнула и схватилась руками за уши: «Ахъ, сукина дочь»!

Росарія вырвала у нея изъ уха одну изъ украшенныхъ крупнымъ жемчугомъ серегъ, восхищавшихъ весь рыбный рынокъ. Струйки крови потекли между пальцами раненой. «Честно ли такъ драться? Только дрянныя паскудницы прибѣгаютъ къ такимъ штукамъ! Люди попадали на каторгу за гораздо меньшее злодѣйство!»

Долоресь хныкала, держась за ухо, въ граціозной позѣ страдающей дѣвочки.

Сраженіе было быстро, какъ молнія. Двумя взмахами руки матушка Пикоресь разлучила подравшихся; между тѣмъ, какъ старуха ловила Росарію, блѣдную и напуганную совершеннымъ поступкомъ, кучка торговокъ утѣшала и удерживала Долоресь: ибо храбрая воительница, подстрекаемая рѣзкой болью въ окровавленномъ ухѣ, хотѣла вновь кинуться на врага.

Надъ сборищемъ замелькали фуражки городовыхъ, старавшихся проложить себѣ путь. Тогда старуха скомандовала:

– Всѣ по мѣстамъ и молчать! Не стоитъ доставлять этимъ бездѣльникамъ удовольствіе и позволять имъ изводить порядочную женщину протоколами да тасканіемъ по судамъ.

Сказать, что ровно ничего не было!

Голову Долоресь повязали шелковымъ платкомъ, чтобы скрыть окровавленное ухо. Рыбницы разошлись по своимъ мѣстамъ, гдѣ разсѣлись съ комической важностью, во все горло предлагая свой товаръ; полицейскіе пошли отъ стола къ столу среди этого адскаго гама, получая въ отвѣтъ лишь сердитыя фразы: «Зачѣмъ они припожаловали? Имъ тутъ совсѣмъ не мѣсто. Здѣсь не было ровно ничего. Они являются всегда, когда никому ие нужны». Имъ пришлось покинуть рынокъ въ полномъ конфузѣ, слыша за собою грубый басъ матушки Пикоресь, выразившей негодованіе на несвоевременное усердіе этихъ бездѣльниковъ, и насмѣшливый звонъ вѣсовъ, которые провожали ихъ адскамъ концертомъ.

Спокойствіе, наконецъ, возстановилось, и рыбницы занялись покупателями. Обѣ же непріятельницы молча предавались своей злобѣ. Росарія сидѣла прямо, скрестивши руки, устремивъ передъ собою пристальный и суровый взглядъ, похожая на разгнѣваннаго сфинкса, и совсѣмъ перестала продавать; а на щекахъ ея все явственнѣе выступали багровые слѣды пощечинъ. Спиною къ ней сидѣла Долоресь, дѣлая усилія, чтобы сдержать слезы, которыя, отъ боли, подступали ей къ горлу.

Матушка Пикоресь не могла уняться и продолжала говорить громко, точно бесѣдуя съ уснувшею рыбою, которая лежала передъ нею. «Чтожь, эти дуры будутъ ревновать другъ дружку всю жизнь? Все каждая будетъ стараться убить дру-

гую? И это – изъ-за мужиковъ! Безмозгляя! Точно на свѣтѣ не больше мужиковъ, чѣмъ требуется! Этому нужно положить конецъ. Да, да, чортъ возьми, она это сдѣлаетъ. Если дуры откажутся мириться, она приведетъ ихъ въ разумъ хорошими тумакми. Ужъ это она сумѣетъ!»

Въ одиннадцатъ часовъ она проглотила згвтракъ, который принесла ей разсыльная: краюху хлѣба съ двумя сочными котлетами, которыя исчезли въ четыре глотка; затѣмъ, вытирая грязнымъ фартукомъ звѣзду глубокихъ морщинъ, окружавшихъ ея блестящей отъ жира ротъ, она отправилась къ столу племянницы и принялась ее отчитывать.

«Необходимо съ этимъ покончить. Она не хочетъ, чтобы плели вздоръ объ ея семействѣ и чтобы ея родные стали посмѣшищемъ всего рынка. Да, надо положить конецъ. Она этого требуетъ; а когда она чего-либо требуетъ, то это исполняется вопреки всему на свѣтѣ, хотя бы ей пришлось надавать пощечинъ половинѣ всего крещенаго люда. Ужъ если разсердится она, то будетъ плохо, и то, что сейчасъ было – пустяки, сравнительно съ тѣмъ, что произойдетъ, если въ дѣло вступится она!..»

– Нѣтъ, нѣтъ! – стонала Долоресъ, сжимая кулаки, качая головой.

«Какъ, нѣтъ? Волей-неволей надо кончить эту войну! Онѣ – невѣстки, и происшедшее вполнѣ поправимо. Росарія поранила ухо Долоресъ? Но передъ этимъ Долоресъ надавала Росаріи чудесныхъ пощечинъ. Одно за другое; а тецерь оста-

ется заключить миръ. Такъ рѣшено? Значить, надо молчать и слушаться.»

Потомъ она подошла къ Росаріи, съ которой заговорила еще грубѣе:

«Да, да, Богъ Свидѣтель! Жена Антоніо – скверная скотина, бѣшенная сука. И нечего спорить и глядѣть на нее съ такой злостью, а то она запуститъ ей гирею въ голову. Это – ея манера заставлятъ себя слушать!.. Сверхъ того, Росарія имѣетъ очень мало почтенія къ старой пріятельницѣ своей матери!.. Словомъ, это нужно кончить. И что это за манера драться? Можно ли обрывать уши у людей? Только дикій звѣрь способенъ сдѣлать это. Кто хочетъ драться, дерется честно; дуетъ туда, откуда кровь не пойдетъ. Сама она, лично, не разъ таскала за волосы своихъ сверстницъ. Которая сильнѣе, заворотитъ другой юбочки и шлепъ да шлепъ, милое дѣло! – такъ что потомъ недѣлю цѣлую бокомъ садиться приходится. Но послѣ того – дружба по прежнему: пойдутъ да и помирятся въ шоколадной лавкѣ. Вотъ какъ ведутъ себя приличныя женщины; да и теперь такъ слѣдуетъ сдѣлать, разъ она это говорить... Нѣтъ? Потому что Долоресъ развращаетъ ея мужа?.. Чортъ подери мужа! Развѣ Долоресъ бѣгаетъ за нимъ сама? Вѣдь бѣгаютъ-то за бабами мужики, и если бы Росарія захотѣла покрѣпче попридержатъ своего, а не строить изъ себя дуру, такъ она бы понаряднѣе ходила дома. Чтобы удержать при себѣ мужчину, нужно быть бойкой, чортъ возьми! И особенно принимать мѣры, чтобы ему не припадала охота

еще бѣгать за другими, какъ только выйдетъ изъ дому. И что это теперь пошли за бабы! Ничего-то онѣ не знаютъ. Ахъ! Была бы матушка Пикоресъ въ шкурѣ Росаріи, – посмотрѣли бы, какъ посмѣлъ бы ея мужъ измѣнить ей!.. Тутъ толковать ужъ нечего! Все рѣшено. Дѣло будетъ сдѣлано. Росарія и Долоресъ должны послушаться, не то»...

Мѣшая угрозы съ грубыми ласками, матушка Пикоресъ вернулась къ своему столу, чтобы продолжать продажу.

Въ этотъ день кончили скоро. Покупатели требовали много рыбы, и къ двѣнадцати часамъ столы почти опустѣли. Остатки товара были убраны въ шайки, между льдомъ и мокрымъ холстомъ. Тартанеро пришли забрать корзины и сложили ихъ позади своихъ тряскихъ экипажей.

Посреди рынка матушка Пикоресъ облачалась въ свой клѣтччатый плащъ, окруженная своими старыми пріятельницами, вѣрными спутницами ежедневныхъ поѣздокъ, садившимися всегда въ одну тартану съ нею. Наступилъ моментъ заняться молодыми бабенками. Итакъ, она подошла къ столамъ обѣихъ соперницъ, которыхъ заставила выйти на середину при помощи пинковъ и щипковъ. Долоресъ и Росарія, побѣжденные неистовымъ упорствомъ старухи, стояли рядомъ, конфузясь такой близости, но не смѣя разжать губъ.

– Заѣдешь за нами въ шоколадную лавку, – приказала старуха кучеру тартаны.

И величественная группа клѣтччатыхъ плащей и вонючихъ юбокъ покинула рынокъ съ сухимъ постукиваніемъ калошъ

по плитамъ.

Одна за другою, гуськомъ, торговки прошли по базарной площади, гдѣ заканчивались послѣднія сдѣлки. Колоссальная Пикоресь шла первою, расчищая себѣ путь локтями; потомъ слѣдовали ея пріятельницы со сморщенными носами и желтоватыми глазами; шествіе замыкали: Росарія, которая, придя пѣшкомъ, должна была тащить на рукахъ и свои пустыя корзины, и Долоресь, которая, несмотря на раненое ухо, улыбалась любезностямъ, имѣвшимъ темою ея смуглое личико, обрамленное платочкомъ.

Онѣ расположились въ шоколадной лавкѣ, какъ обычныя посѣтительницы. Корзины Росаріи, заражавшія воздухъ, были сложены въ уголь; шумно двигая стульями, всѣ торговки усѣлись вокругъ мраморнаго стола, примѣшивая свой запахъ бѣднаго люда къ запаху плохого шоколада, шедшаго изъ кухни.

Матушка Пикоресь пыхтѣла отъ удовольствія, сидя въ этой прохладной залѣ, бывшей для нея чудомъ роскоши, и еще разъ созерцая всѣ подробности ея убранства, весьма хорошо ей извѣстныя: пеструю циновку на полу, облицовку изъ бѣлыхъ плитокъ на стѣнахъ, окно съ утратившими блескъ стеклами, украшенное красными занавѣсочками; оловянные мороженницы, стоявшія у входа, засунутыя въ пробковые ведра и прикрытыя остроконечными металлическими крышками; внутри же – прилавокъ и на немъ двѣ стеклянны-

хъ вазы: съ бисквитами и съ «азукарильями»¹², а за прилавкомъ – сонную хозяйку, лѣнливо пошевеливавшую длинную тросточкою ту бахрому изъ завитой бумаги, которою спугиваютъ мухъ.

Что имъ угодно? Что обыкновенно, тутъ нечего и спрашивать. По чашкѣ въ унцію на человѣка и по стакану холодной воаы.

Эта чашка шоколада съ утра долженствовала быть для матушки Пикоресъ четвертою; но желудокъ у нея, какъ и у ея пріятельницъ, былъ луженымъ по отношенію къ фальсифицированному продукту, который онѣ поглощали съ наслажденіемъ. Было ли на свѣтѣ что-нибудь вкуснее. Отъ тако-го угощенія расцвѣтала душа. Сморщенные ноздри старухъ трепетали отъ нетерпѣливой жадности, вдыхая голубоватый паръ, поднимавшійся изъ бѣлыхъ чашекъ, Кусочки хлѣба макались въ коричневый, стекавшій съ нихъ шоколадъ, поднимались къ беззубымъ ртамъ и въ нихъ исчезали. Но обѣ молодыя женщины почти не ѣли и сидѣли нагнувшись, чтобы не встрѣчаться взглядами.

Тѣмъ не менѣе, когда чашка матушки Пикоресъ уже почти опустѣла, грубый голосъ старухи нарушилъ тягостное молчаніе.

«Дурехи! Онѣ еще злятся? Какія дѣлають рожи! Какъ ду-

¹² «Азукарильи» – родъ очень легкаго безе, которое дѣлается изъ яичнаго бѣлка, сахара и лимоннаго сока. Положенная въ стаканъ воды, азукарилья таетъ совершенно и образуетъ напитокъ, подобный лимонаду.

ются! Жеманятся, словно барышни! Въ старину люди бывали добрѣе. Каждый можетъ погорячиться: оно естественно; но когда дѣло прошло, о немъ не поминають и цѣлуются. Ссоры остаются за порогомъ шоколадной лавки; а разъ въ нее вошли, то въ ней оказываются лишь добрыя пріятельницы, всегда готовыя услужить одна другой и помочь въ бѣдѣ. Вотъ какими надо быть, чортъ побери! Такъ учила ее еще мать, да и всегда такъ дѣлалось на рыбномъ рынкѣ. За чашками забываютъ все, къ ѣдѣ не примѣшиваютъ досаду!

Тутъ старухи, одобряя философію своей пріятельницы, начали попивать сладковатую воду съ азукарильями и выражать свое удовольствіе громкимъ рыганіемъ.

Но матушка Пикоресь пришла въ негодованіе отъ молчаливой сдержанности соперницъ.

«Какъ? Значить онѣ намѣрены дуться вѣчно? Развѣ ея софты не разумны? Ну, живѣй! Росарія сначала, потому что она болѣе виновата.

Маленькая бабенка, все еще не поднимая головы и дергая бахрому своей накидки, невнятно пробормотала что-то о своемъ мужѣ и, наконецъ, медленно произнесла:

– Ну, если она обѣщаетъ... быть съ нимъ посердитѣ...

Долоресь тотчасъ перебила, поднявъ свою гордую голову: «Быть посердитѣ? Да развѣ она – людоедъ, пугало, чтобы отпугивать людей? Къ тому же Антоніо, счастливый супругъ Росаріи, приходится ей муженьку братомъ: мужнина брата нельзя выставить за дверь или встрѣчать съ кислымъ

видомъ. Впрочемъ, вѣдь она добра и спорить не любитъ, хочетъ жить мирно да честно и не обращаетъ вниманія на то, что о ней врутъ. Потому что все это – сплетни, враки злыхъ людей, которые ужъ и не знаютъ, какъ и поссорить порядочное семейство. Антоніо ухаживаль за ней, когда она еще не была замужемъ за Паскуало? Что-жъ изъ того? Развѣ этого никогда не бываетъ? А какой же другой поводъ подала она ко всѣмъ выдумкамъ, которыя о ней распускають? Она повторяетъ, что хочетъ только мира и покоя. Дѣлать людямъ сердитыя рожи она не согласна. Но если съ этихъ поръ она и будетъ обходиться съ Антоніо безъ церемоній, – въ чемъ нѣтъ ничего дурного, такъ какъ онъ съ ней въ родствѣ, – то объщаетъ, что не позволить себѣ этого на глазахъ у людей, чтобы не дать злымъ языкамъ къ ней придраться.

Матушка Пикоресъ сіяла.

«Вотъ такіе люди ей милы! Доброе сердце дороже всего! Теперь пусть поцѣлуются и все будетъ кончено.

Почти силою принужденныя старухами, невѣстки неохотно поцѣловались, не вставая со стульевъ. Тетка, счастливая побѣдою, говорила безъ умолку.

«Глупо это, чтобы женщины ссорились изъ-за мужчины. Имъ, подлецамъ, оно бы и наруку, потому что придаетъ имъ важности и позволяетъ исполнять всѣ свои прихоти. Женщина должна быть бойкой, очень бойкой, сразу приводитъ мужа къ покорности и, если нужно, заставляетъ просить прощенія. Чѣмъ женщина гордѣе, тѣмъ больше ее любятъ! Такъ

она сама дѣлала со своимъ покойникомъ, когда подозрѣвала его въ чемъ-нибудь: «убирайся и зимуй тамъ же, гдѣ таскался лѣтомъ!..» Всегда, какъ цѣпная собака, никакихъ нѣжностей или сладкихъ гримасъ! Вотъ какъ женщина можетъ добиться уваженія!

Долоресь, выражая на лицѣ серьезность и достоинство, кусала губы, точно отъ старанія подавить смѣхъ, который просился наружу. Но Росарія возражала:

– Нѣтъ, она не согласна съ матушкой Пикоресь. Сама она ведетъ себя хорошо и имѣетъ право того же ждать отъ Антонио. Она терпѣть не можетъ ссориться и лгать.

Старуха перебила ее:

– Все это вздоръ, чепуха и бредни... Надо брать мужчинъ такими, каковы они есть: не правда ли, душечки?..

И всѣ пріятельницы согласились, кивая своими головами, напоминаящими краснокожихъ индѣйцевъ.

Тартанеро уже два или три раза соваль носъ въ дверь. Онъ выходилъ изъ терпѣнія и выражалъ свое желаніе пуститься въ путь безчисленными восклицаніями по адресу этихъ старухъ, распоряжающихся его тартанюю, какъ собственнымъ экипажемъ.

– Жди, соломенная рожка! – крикнулъ хриплый басъ Пикоресь. – Развѣ мы тебѣ не платимъ?

Наконецъ, онѣ рѣшились встать; матушка Пикоресь, видя, что пріятельницы роются въ своихъ кошелькахъ, чтобы уплатить каждая за свою чашку, величественно протянула

руку:

«Нынче никто не долженъ платить, чортъ побери! Угощеніе – на ея счетъ: она хочетъ отпраздновать примиреніе дѣвчонокъ.

Вставши на ноги, она подняла платье и нижнюю юбку, чтобы добраться до объемистаго кошелька, висѣвшаго у пояса, прямо на рубашкѣ. Изъ этого кошелька она извлекла ножницы для потрошенія рыбы, всѣ въ чешуѣ, потомъ ржавый ножикъ и, наконецъ, пригоршню мѣди, которую разсыпала по столу. Затѣмъ, въ теченіе пяти минутъ, она считала и пересчитывала липкіе мѣдяки, пропитанные морскимъ зловоніемъ, и въ концѣ концовъ, оставивъ на мраморѣ небольшую ихъ кучку, вышла изъ шоколадной лавки, когда всѣ пріятельницы уже сидѣли въ тартанѣ.

Росарія, навьюченная пустыми корзинами, стояла на тротуарѣ напротивъ Долоресъ; обѣ женщины смотрѣли другъ на друга, не зная, что сказать. Матушка Пикоресъ предложила Расаріи также сѣсть въ тартану:

«Можно потѣсниться и довести еѣ до дому. Нѣтъ? Ну, какъ хочетъ. Но пусть не забываетъ, что обѣщано. Должны быть миръ и тишина!

– Прощай, Росарія, – сказала Долоресъ, граціозно улыбаясь. – Ты знаешь: мы теперь – друзья.

Сдѣлавъ любезный жестъ прощанія, она взобралась на подножку, а за нею послѣдовала ея тетка, причемъ тартана со скрипомъ осѣла подъ тяжестью этихъ двухъ объемистыхъ

тѣль.

Съ трескомъ, скрипомъ и скрежетомъ стараго желѣза двинулся экипажъ. А худощавая женщина, все еще держа свои корзины, стояла на тротуарѣ неподвижно, точно пробудившись ото сна, недоумѣвая и отказываясь вѣрить въ реальность своего примиренія съ соперницей.

VI

Тѣмъ временемъ «Красотка» плыла въ Алжирь. Но вѣтеръ дулъ слабо, а порою совсѣмъ переставалъ; поэтому потребовался цѣлый день, чтобы переплыть Валенсійскій заливъ, и была уже ночь, когда показался мысъ Св. Антонія.

Вокругъ лодки, подобно огненнумъ рыбамъ, плескались свѣтлые отблески маяка, преломляясь и колеблясь отъ непрестаннаго движенія волнъ. На мысу ясно виднѣлся гигантскій отвѣсный утесъ, изрытый и черный отъ бурь; а далѣе, со стороны суши, мрачный Монго нагромождалъ свои безконечные склоны, образуя большое пятно на синей безпредѣльности небесъ. Теперь передъ лодкою разстилось открытое море: открывалась настоящая дорога въ Алжирь.

Ректоръ, расположившись на кормѣ, у руля, глядѣлъ на темную массу мыса, какъ бы отыскивая направленіе, и въ то же время бросалъ взоры на старый компасъ, данный ему займы дядей и отражавшій на своемъ потускнѣломъ стеклѣ огонь фонарика, которымъ освѣщалась лодка.

Антонію, сидя рядомъ, помогалъ брату своею опытностью. Онъ одинъ изо всего экипажа побывалъ въ Алжирѣ. Дорога немудреная: доѣхать не труднѣе, чѣмъ на колесахъ. У мыса повернуть на юго-западъ, а потомъ пустить «Красотку» все прямо, если вѣтеръ попутень.

Ректоръ обѣими руками ухватился за румпель; лодка повернулась, испуская стоны, точно больной, мѣняющій положеніе; баюкающая мелкая зыбь, которая до той минуты плескала въ бортъ, стала подкатываться подъ носъ, принуждая ее медленно вздыматься и опускаться, причеиъ вскипала пѣна, бѣлѣвшая въ темнотѣ; а маякъ очутился позади, преломляя свои красноватые лучи въ струѣ за кормою.

Исполнивши этотъ маневръ, можно было уснуть. Антоніо растянулся у основанія мачты, взявъ подъ голову свертокъ канатовъ и прикрывшись кускомъ паруснаго холста. Паскуало же долженъ былъ остаться у руля до половины ночи, а затѣмъ брату предстояло смѣнить его и дежурить до утра.

Итакъ, одинъ Ректоръ не спалъ на «Красоткѣ». Несмотря на шумъ прибоя, онъ слышалъ храпъ своего экипажа, лежавшаго на разстояніи протянутой руки.

Этотъ человекъ, который, выходя въ море, сбрасывалъ съ себя всѣ земныя заботы и закидывалъ сѣти даже подъ грозою, не могъ отдѣлаться отъ нѣкоторой тревоги, когда почувствовалъ, что онъ одинъ. Боязнь за свое добро начала его мучить. Это дѣло, предпринятое самостоятельно, превращало его въ труса. Чѣмъ окончится попытка? Выдержитъ ли «Красотка», если налетитъ ураганъ? Не поймаютъ ли ее таможенные при возвращеніи въ Испанію съ грузомъ? Внимательно, точно отецъ, прислушивающійся къ кашлю и къ ударамъ пульса больного дитяти, онъ ловилъ слухомъ жалобный скрипъ своей «Красотки», и ему казалось, что это стонетъ

онъ самъ отъ жестокой боли; тогда онъ смотрѣль вверхъ, на вершину паруса, который, если глядѣть съ палубы, точно вонзался остриемъ своимъ въ этотъ небесный сводъ, гдѣ сквозь безчисленныя дырочки сверкала ослѣпительная безконечность.

Ночь прошла спокойно, и среди красныхъ облаковъ, занялся день, такой жаркій, словно уже настало лѣто. Точно птичье крыло, трепеталь парусъ, едва вздымаемый теплымъ дуновеніемъ, которое ласкало переливчатую поверхность моря, гладкую и голубоватую, словно венеціанское зеркало. Берега уже не было видно. За бакбортомъ, на горизонтѣ, обозначались два смутныхъ розовыхъ пятна, легкихъ, какъ утренніе туманы. Антоніо указаль на нихъ товарищамъ и сообщилъ имъ, что это – острова: Ибиса и Форментера.

«Красотка» медленно двигалась по обширному кругу тихихъ водъ, на границахъ котораго смутными точками выдѣлялись бѣлые дымы пароходовъ. Ходъ лодки былъ такъ лѣнивъ, что она едва поднимала слабую зыбь форштевнемъ; парусъ нерѣдко безъ движенія свисаль съ мачты, волочась нижнимъ краемъ по палубѣ.

Съ палубы, «Красотки» видна была подводная глубина. Облака и сама лодка отражались на синемъ фонѣ, точно дивный миражъ. Стаи рыбъ, сверкая, точно кусочки олова, проносились съ нервною быстротою; чудовищныя дельфины играли, какъ шаловливыя дѣти, высовывая изъ воды свои карикатурныя морды и черные бока въ блестящемъ налетѣ;

морскія бабочки – долгоперы – махали крыльями, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ воздушной жизни, опять погружались въ тайну водъ. Тысячи странныхъ существъ, фантастическаго вида, неопредѣленнаго цвѣта, полосатыя, словно тигры, или черныя, будто въ траурѣ, тяжеловѣсныя и громадныя, или мелкія и проворныя, толстоватыя съ тонкими тѣлами или съ малою головою при шарообразномъ брюхѣ, кишѣли и двигались вокругъ старой лодки, точно свита морскихъ божествъ, сопровождающая миѳологическую ладью.

Антоніо и оба матроса воспользовались тишью, чтобы закинуть удочки.

На бакѣ юнга смотрѣлъ за жаровней, на которой кипѣлъ котель съ ѣдою; а Ректоръ, гуляя по узкой кормѣ и глядя на горизонтъ, раздражался наступившимъ затишьемъ. Хотя «Красотка» не замерла въ полной неподвижности, однако она все казалась будто гвоздями прибитою къ тому же мѣсту.

Въ отдаленіи виднѣлась шхуна съ обвисшими парусами, задержанная штилемъ; она держала носъ къ востоку, стараясь, быть можетъ, попасть на Мальту или въ Суэцъ. На линіи горизонта шли полною скоростью пароходы съ широкими трубами, очень тяжелые, осѣвшіе до ватерлиніи: они были нагружены рожью, обильно уродившеюся въ южной Россіи, и везли ее изъ Чернаго Моря по направленію къ Гибралтарскому проливу.

Солнце стояло въ зенитѣ. Воды горѣли пламенемъ пожара; знойно было, словно лѣтомъ: старыя доски палубы обуг-

ливались и потрескивали, какъ дрова въ печи.

Когда завтракъ былъ готовъ, хозяинъ и матросы усѣлись у мачты, въ тѣни паруса и стали ѣсть изъ общаго котла. Они были разстегнуты, мокры отъ пота, разслаблены безвѣтренною духотою. Бутылка безостановочно ходила по рукамъ для увлаженія сухихъ глотокъ; порою люди съ завистью взглядывали на птицъ, которыя порхали надъ самою водою, какъ бы боясь подняться въ слишкомъ тяжелый воздухъ.

Послѣ ѣды матросы сначала оцѣпенѣли, тупо блуждая глазами, точно пьяные; но ихъ опьянило болѣе солнце, чѣмъ вино. Потомъ всѣ полѣзли спать въ «нору», т. е. въ трюмъ своей старой лохани; скользнувъ, одинъ за другимъ, въ люкъ, они растягивались на доскахъ, пропускавшихъ воду и скрипѣвшихъ при малѣйшемъ толчкѣ.

Вечеръ и ночь прошли безъ приключеній. На утро третьяго дня подулъ свѣжій вѣтеръ, и «Красотка», словно старая породистая лошадь, почуявшая шпоры, начала дыбиться и скакать по неровнымъ волнамъ.

Къ полудню, на крайнихъ предѣлахъ моря появилось нѣсколько дымковъ; и вскорѣ передъ экипажемъ «Красотки», на зеленоватомъ фонѣ горизонта, величественно поднялись мачты, подобныя колокольнямъ, крѣпостныя башни, пловучіе замки свѣтло-сѣраго цвѣта, — цѣлый городъ съ тысячами жителей двигался въ облакѣ сажи, производя капризные эволюціи, то составляя сплошную массу, то разсыпаясь по всему морю, точно стадо левіаѳановъ бурлило и поднима-

ло воду невидимыми плавниками. Это маневрировала французская средиземноморская эскадра. Берегъ Алжира былъ близко.

Ректоръ и остальные разсматривали корабли съ изумленіемъ и страхомъ. «Силы небесныя! Какихъ чудесъ ухитрились надѣлать люди! Самому маленькому изъ этихъ судовъ, — вонъ бѣлой канонеркѣ, что, вся во флагахъ и черныхъ шарахъ, плаваешь промежду прочихъ, подавая сигналы, точно начальникъ, командующій отрядомъ, — стоило лишь прикоснуться къ ихъ лодкѣ, чтобы превратить ее въ щепы. А вонъ длинныя черныя бревна высунули носы изъ отверстій въ башняхъ! Что станеть съ «Красоткой», если такое чудовище примется чихать?» И контрабандисты поглядывали на эскадру съ тревогою и почтеніемъ юнаго карманника, передъ глазами котораго проходить рота солдатъ.

Броненосцы удалились и исчезли на горизонтѣ, оставивъ по себѣ лишь клочки дыма, которые не замедлили пропасть среди безпредѣльной лазури.

Въ четыре часа пополудни смутно вырисовалась тѣнь какъ будто горбатой спины кита. Въ виду была суша. Антонио хорошо помнилъ эту тѣнь: то былъ мысъ Mala Dona, передовой постъ берега.

Алжиръ находился налѣво.

Вѣтеръ все крѣпчалъ. Парусъ округлялся на гнувшейся мачтѣ; носъ опускался и поднимался, точно вѣжливо кланяясь разсѣкаемымъ валамъ, брызгавшимъ на него пѣною; и

«Красотка», скрипя и разсѣдаясь, плыла очень быстро, какъ измученная лошадь, которая дѣлаетъ послѣднія усилія, чувствуя близость конюшни и отдыха.

Уже спускались сумерки, и теперь на склонахъ мыса, неясныхъ вслѣдствіе отдаленія, вырисовывались новыя части суши, низкіе холмы съ бѣлыми пятнами, обозначающими группы домовъ. Лодка шла все скорѣе, какъ бы притягиваемая берегомъ; но берегъ будто все отодвигался, подобно тѣмъ сказочнымъ волшебнымъ царствамъ, которыя убѣгаютъ по мѣрѣ того, какъ путешественникъ ускоряетъ свой шагъ.

Съ наступленіемъ ночи «Красотка» уклонилась къ юго-востоку, оставивши мысъ влѣвѣ, и пошла вдоль берега, весело подпрыгивая по мелкой зыби.

На прелестномъ темно-синемъ небѣ выдѣлялись зубчатые очертанія суши. Съ земли доносилась горячая струя воздуха, какъ бы шедшая изъ нѣкоего таинственнаго жилища, полнаго странныхъ ароматовъ; и поднималась луна въ своей первой четверти: настоящая луна легендарнаго Востока, очень тонкая, съ загнутыми рогами, — такая, какою ее изображаютъ на знаменахъ Пророка и надъ куполами минаретовъ. На этотъ разъ можно было сказать, что пріѣхали въ Африку.

Съ «Красотки» видны были скалы, о которыя билось море, огоньки прибрежныхъ селеній, слышны были крики мавровъ на поляхъ; а совсѣмъ далеко, въ самомъ концѣ горнаго хребта, въ томъ мѣстѣ, гдѣ причудливымъ изворотомъ море какъ бы врѣзается въ середину суши, яркимъ блескомъ свер-

кало нѣсколько красныхъ точекъ.

Это былъ Алжиръ, позади небольшого мыса. Чтобы доплыть туда, понадобилось еще три часа. Огоньки умножались, какъ будто со всѣхъ сторонъ изъ земли полѣзло множество свѣтляковъ. Огоньки эти были разные, какъ по цвѣту, такъ и по яркости; цѣлыя сотни ихъ змѣистою линіей, вѣроятно, окаймляли дорогу вдоль берега.

Наконецъ, повернувъ на другой галсъ, чтобы обойти мысъ, увидѣли городъ:

За исключеніемъ Антонію, весь экипажъ остолбенѣлъ при этомъ зрѣлищѣ. «Силы небесныя! Стоило съѣздить хотя бы только взглянуть на это! Грао и его гавань противъ этого – просто дрянь».

По темнымъ к неподвижнымъ водамъ они входили въ обширный рейдъ; въ глубинѣ его открывался портъ съ зелеными и красными огнями при входѣ. За портомъ, уступами по холму расположенъ былъ городъ, бѣлый, не смотря на тѣни ночи, украшенный безчисленными гирляндами огней, какъ бы роскошно иллюминированный ради какого-нибудь праздника. «Вотъ ужъ не жалѣютъ газа!..» Пурпуровые огблески бѣгали по водѣ порта, какъ будто рыбы подъ водою развлекались пусканіемъ ракетъ; красные фонари сверкали среди лѣса мачтъ, изъ которыхъ однѣ были голыя, съ простотою купеческаго флота, а другія – украшены перекладинами и картечницами; вдаль же, на набережныхъ, въ нижнемъ городѣ, вполнѣ европейскомъ, въ яркомъ заревѣ огня отъ ка-

фешантанныхъ фасадовъ, видны были великолѣпные магазины и бульвары, кишѣвшіе черными фигурками прохожихъ и маленькими экипажами съ балдахинчиками изъ свѣтлаго полотна.

Хаосомъ звуковъ, слитыхъ и перепутанныхъ ночнымъ вѣтромъ, долетали до лодки музыка шантановъ, вечерняя зоря военныхъ трубачей, гамъ толпы, запружавшей улицы, крики арабовъ-водоносовъ, метавшихся въ гавани, — все тяжкое дыханіе заморскаго торговаго города, который, надѣлавши за день наихудшихъ злодѣйствъ ради денегъ, кидается на наслажденія съ разнузданной жадностью, лишь только наступить ночь.

Паскуало, оправившись отъ изумленія, думалъ о своемъ дѣлѣ. Онъ помнилъ наставленія дядюшки; пока матросы спускали парусъ и лодка ложилась въ дрейфъ, онъ зажегъ конецъ просмоленнаго каната и двигалъ этимъ красноватымъ факеломъ надъ своею головою, три раза пряча его за кусокъ холста, который держалъ передъ нимъ юнга. Онъ много разъ повторилъ этотъ сигналъ, устремивши взглядъ на самую темную часть берега. Антонио и прочіе наблюдали съ любопытствомъ. Наконецъ, на сушѣ блеснулъ красный огонь: изъ «склада» отвѣчали: грузъ вскорѣ будетъ доставленъ.

Ректоръ объяснилъ преимущества своей методы: «никогда не слѣдуетъ грузиться въ портѣ. Дядя Маріано зналъ по опыту, что тамъ слишкомъ много «мухъ», готовыхъ передать

по телеграфу въ Испанію названіе и матрикульный нумеръ лодки, чтобы получить долю конфискованнаго. Всего лучше брать грузъ наружи, ночью, пока темно, а съ наступленіемъ утра поднять паруса, пока не замѣтилъ никто, и удирать къ испанскимъ берегамъ, прежде чѣмъ туда дойдетъ какая-либо вѣсть. При такихъ условіяхъ – поди-ка, отгадай, чѣмъ трюмъ набить!»! И добродушный рыбакъ смѣялся своей воображаемой хитрости, про себя восхищаясь мудрости дядюшки, надававшего ему столь хорошихъ совѣтовъ.

Между тѣмъ какъ хозяинъ ждалъ груза, не сводя глазъ съ той темной части берега, гдѣ блеснулъ красный огонь, Антоніо и матросы, сидя на носу и болтая ногами надъ моремъ, съ завистью смотрѣли на освѣщенный городъ. Мужъ Росаріи хорошо помнилъ, какъ проводилъ тамъ время, и повѣствоваль пораженнымъ товарищамъ о своемъ весельѣ въ Алжирѣ. Онъ имъ указывалъ пальцемъ на фасады съ надписями изъ газовыхъ горѣлокъ и съ ярко-освѣщенными окнами, откуда неслись крикливая музыка и гулъ, похожій на жужжаніе осинаго гнѣзда. «Ахъ, молодчики, какъ тамъ было весело!» И юнга, разинувъ ротъ отъ уха до уха, блестя глазами, съ понятливостью порочнаго мальчика мысленно рисовалъ себѣ почти голыхъ пѣвицъ въ исполинскихъ тюлевыхъ шляпахъ, ревущихъ пѣсни на подмосткахъ, потряхивая въ тактъ бедрами и животами.

Вонъ та улица, что идетъ прямо, вдоль набережной, безконечною линіею сводовъ съ газовымъ рожкомъ въ каждомъ

углубленіи, напоминая собою церковную стѣну, это – Бульваръ Республики, окаймленный большими кофейнями, куда господа офицеры ходятъ пить полыновку; тамъ рядомъ съ ними сидятъ за столиками богатые мавры въ монументальныхъ чалмахъ и еврейскіе купцы въ роскошныхъ и грязныхъ шелковыхъ кафтанахъ. Дальше идутъ другія улицы, также окаймленные арками и пышными магазинами, потомъ есть «Площадь съ Лошадью»¹³, гдѣ большая мечеть, просторное бѣлое зданіе, куда эти простофили-арабы входятъ босикомъ, чтобы раскланиваться съ костями Магомета; тогда какъ наверху, вотъ на этой башенкѣ, которая видна съ лодки, молодецъ въ чалмѣ въ извѣстные часы воетъ и скачетъ, точно помѣшанный.

На каждой улицѣ можно встрѣтить дамъ, очень хорошо одѣтыхъ, пахнущихъ чудесными духами, ходящихъ въ развалку, точно гуси, и отвѣчающихъ «спасибо» на каждую любезность; а также – солдатъ въ ермолкахъ съ длинными кистями и въ такихъ штанахъ, въ которые можно запрятать цѣлое семейство. Попадаются люди изо всѣхъ земель, самые лучшіе на всемъ свѣтѣ, бѣжавшіе сюда вслѣдствіи неладовъ съ начальствомъ у себя дома; и черезъ каждая двѣ двери – прилавокъ и столики, за которыми тяни полынную, сколько влѣзетъ!.. Антоніо все это видѣлъ и теперь описывалъ прочимъ съ жестами и подмигиваніями, въ нужныхъ мѣстахъ под-

¹³ «Площадь Правительства», посреди которой находится конная статуя герцога Орлеанскаго.

черкивая картинность своихъ фразъ пантомимую, вызывавшею взрывы непристойнаго хохота со стороны юнги.

А верхній городъ, гдѣ живутъ мавры? Силы Небесныя! Вотъ ужъ стоитъ посмотрѣть! Помнятъ ли они тотъ проулочекъ въ Грао, у базара, гдѣ, разставивъ локти, упрешься въ обѣ стѣнки? Ну, такъ это – очень широкая улица, сравнительно съ тѣми щелями, что перекрещиваются въ верхнемъ кварталѣ, почти закрытыя сверху выступами крышъ, а внизу полныя нечистотъ, стекающихъ по плитамъ крылецъ. Приходится подкрѣпляться во всѣхъ попутныхъ кабакахъ, когда хочешь пролѣзть въ такія улицы; да и носъ необходимо затыкать передъ лавками, жалкими норами, на порогѣ которыхъ эти разбойники мавры курятъ на корточкахъ, лопоча Богъ знаетъ что на своемъ собачьемъ языкѣ.

Тамъ можно въ самомъ дѣлѣ прожить припѣваючи и въ дни безденежья набить себѣ животъ за гроши. У кого крѣпкій желудокъ и кому не страшно видѣть, какъ ѣдятъ «кускусъ» руками, которыми только что гладили себѣ ноги, тотъ можетъ за реалъ получить полную тарелку и въ придачу два яйца, красныхъ какъ на Пасхѣ, а потомъ напитокъ кофе изъ чашки величиною въ орѣховую скорлупу, растянувшись иа эстрадѣ арабской таверны, послѣ чего уснуть подъ флейту и два тамбурина.

Все, что хочешь, тутъ есть для веселья. Жалостливыя мавританочки, готовыя къ услугамъ cadaго, съ расписными лицами, ногтями, окрашенными въ синюю краску, и грудью,

испещренною грубой татуировкой, зазываютъ къ себѣ прохожихъ, стоя на порогахъ; въ баняхъ, голстыя негритянки съ глазами, какъ у фарфоровыхъ собакъ, улыбаются, предлагая сдѣлать вамъ массажъ своими толстенными лапами; и, чортъ возыйи! есть еще и барыни, закутанныя такъ, что видишь только носъ да одинъ глазъ, въ широкихъ штанахъ, въ которыхъ онѣ ходятъ покачиваясь, и въ плащахъ, изъ подъ кѣторыхъ выглядываютъ: расшитая золотомъ курточка, руки, похожія на ювелирную выставку, к объемистая грудь съ безчисленными ожерельями изъ мелкихъ монетъ и полумѣсяцевъ.

А что за глаза, ребяташки! И что за фигуры! Онѣ до сихъ поръ помнятъ одну зажиточную негритянку, которую встрѣтилъ наверху, въ переулочкѣ. Что подѣлаешь? Ужъ у него такой характеръ, и онѣ не могъ устоять: ущипнулъ ее въ эти широкіе штаны, какъ будто густые, но въ которыхъ оказалось нѣчто твердое, какъ камень. Негритянка завизжала, какъ крыса; на него накинулось десятка два грязныхъ молодцовъ съ ужасными дубинами; тогда онѣ самъ и оба пріятеля, съ нимъ бывшіе, выхватили ножи, и сраженіе длилось до тѣхъ поръ, пока не явились зуавы, которые свели ихъ въ кутузку. Пришлось просидѣть два дня; потомъ консуль приказалъ ихъ выпустить.

Матросы жадно слушали, восторгаясь его подвигами; пока они хохотали, обсуждая исторію съ негритянкой, Антоніо посмотрѣлъ на свои ноги съ выраженіемъ усталости и про-

бормоталь:

– Ахъ, въ тѣ времена я былъ бойчѣе!

Вдругъ хозяинъ вскрикнулъ: что-то отошло отъ берега и приближалось. Красный огонь увеличивался съ минуты на минуту, и слышенъ былъ глухой шумъ воды, точно къ лодкѣ плыла большая собака.

То была паровая шлюпка изъ «склада». Здоровый парень съ бѣлокурыми усами и въ синей фуражкѣ прыгнулъ на палубу «Красотки» и на смѣшанномъ нарѣчїи африканскихъ портовъ, состоящемъ изъ языковъ итальянскаго, французскаго, греческаго и каталанскаго, отдалъ Ректору отчетъ въ своей мессїи: «Заказъ мусью Марьяно изъ Валенсіи полученъ своевременно; ихъ ждуть съ предыдущей ночи; сигналъ замѣненъ, и грузъ вонъ тамъ, готовъ къ наискорѣйшей нагрузкѣ: потому что, хотя французскія власти притворяются, будто не видятъ, однако въ такихъ дѣлахъ всегда лучше не зѣвать».

– За дѣло! – крикнулъ Ректоръ. – Грузимъ!

И съ маленькаго пароходика, труба котораго едва возвышалась надъ грудюю товара, начали переходить въ лодку толстые тюки, запакованныя въ клеенку и распространявшіе острый запахъ. Оба судна были сцѣплены и перегрузка совершалась легко. Широко открытый люкъ поглощалъ тюки, и, по мѣрѣ того, какъ совершалась эта операція, «Красотка» осѣдала все глубже, глухо скрипя, какъ терпѣливое животное, стонущее подъ непосильнымъ бременемъ.

Бѣлокурый парень со шлюпки разсматривалъ лодку съ

возраставшимъ изумленіемъ. «Возможно ли надѣяться, что эти гнилыя доски выдержатъ?» Но Ректоръ отвѣчалъ, ударяя себя въ грудь, какъ будто для подтвержденія увѣренности, уже начинавшей слабѣть.

– Да, да, она выдержитъ, и мы возьмемъ весь грузъ! Ни одного тюка не оставимъ! Съ помощью Божьей и Господа Иисуса я рассчитываю доставить мой грузъ по назначенію послѣзавтра въ ночь и сложить его на пристани въ Кабаньялѣ.

Трюмъ былъ полонъ, и тюки нагромождались на ветхую палубу, подпираемые деревяшками и привязываемые веревками къ обшивкѣ, чтобы не упасть въ море.

– Желаю удачи, хозяинъ! – произнесъ на своемъ варварскомъ нарѣчій бѣлокурый паренъ, снявши картузь и крѣпко сжимая руку Ректора.

И пароходикъ отплылъ.

* * *

«Красотка* распустила парусъ и пошла на Западъ, оставивъ за собою городъ, въ которомъ освѣщеніе мало-по-малу гасло.

Сердце у Ректора сжималось. «Ахъ, да не забудеть насъ Богъ и не пошлетъ намъ шквала!» И въ хорошую-то погоду надо было дивиться, какъ еще плыветъ эта лодка, освѣшная чуть не до бортовъ, лѣнивая въ движеніяхъ и поднимавшая носъ до того медленно, что даже при слабомъ волненіи вода

хлестала на палубу, точно въ бурю! Антонію же, свободный отъ тревоги за собственность, подшучиваль надъ этою посудиною, сравнивая ее съ торпедной лодкой, у которой палуба бываетъ вровень съ водою.

На зарѣ смутный сипуэтъ мыса Мала Дона былъ уже назади, и лодка скоро вышла въ открытое море.

О нагрузкѣ, сдѣланной съ такою быстротою въ виду порта, подъ покровомъ ночи, Ректоръ вспоминаль, какъ о промелькнувшемъ снѣ, очутившись опять на просторѣ Средиземнаго моря, безъ малѣйшаго берега на горизонтѣ. Но сомнѣнія его исчезали при видѣ тюковъ, на которыхъ спалъ экипажъ, утомленный ихъ перетаскиваньемъ, и, наконецъ, самымъ рѣшительнымъ доказательствомъ служилъ черепаший ходъ несчастной перегруженной «Красотки».

Единственное, что успокоивало Ректора, это была благоприятная погода. Попутный вѣтеръ и спокойное море: при такихъ условіяхъ лодка дойдетъ до Валенсіи! Хозяинъ ея начиналь понимать, насколько смѣло было его предпріятіе плыть на такомъ корытѣ. И, хотя совсѣмъ не зная страха, онъ вспомнилъ не разъ объ отцѣ своемъ, храбромъ морякѣ, который смѣялся надъ моремъ, какъ надъ благосклоннымъ пріателемъ, что не помѣшало ему, однако, утонуть въ морѣ съ лодкою, въ которой потомъ вытащили на берегъ его разложившійся трупъ.

«Красотка» плыла безъ приключеній до зари слѣдующаго дня. Небо было облачно; длительная дрожь пробѣгала по

морской поверхности. Мысь св. Антонія скрывался въ туманѣ. Монго былъ перерѣзанъ двумя поясами облаковъ, такъ что вершина его какъ будто висѣла въ пространствѣ.

«Красотка» злобѣще клонила на лѣвый бокъ; надутый парусъ почти касался волнъ; шли быстрымъ ходомъ. Признаки надвигающейся непогоды тревожили хозяина: вѣдь для разгрузки-то придется ждать ночи.

Ректоръ вдругъ бросилъ румпель и выпрямился. Взглядъ его былъ пристально устремленъ на какойто парусъ, показавшійся на сѣромъ фонѣ берега: «Чортъ возьми! Онъ не ошибся: эта лодка ему извѣстна хорошо. Таможенная шлюпка сторожить, крейсируетъ передъ мысомъ! Нашелся доносчикъ въ Кабаньялѣ и наплелъ, что «Красотка» вышла не для ловли».

Антонио съ безпокойствомъ глядѣлъ на брата. Тотъ не колебался: «времени еще много, нужно вернуться въ открытое море». И «Красотка», перемѣнивъ направленіе, удалась отъ мыса, убѣгая на сѣверо-востокъ. Вѣтеръ благопріятствовалъ этому маневру, и она шла съ большою скоростью, каждую минуту ныряя въ волнахъ своимъ тяжелымъ кузовомъ.

Почти тотчасъ шлюпка сдѣлала такой же поворотъ и погналась за лодкой. Таможенный челнокъ былъ лучше и легче; но онъ былъ еще далеко отъ «Красотки», а Ректоръ рѣшился бѣжать безъ остановокъ, хотя бы на конецъ свѣта, если до тѣхъ поръ море не поглотитъ старое корыто вмѣстѣ съ

грузомъ,

Погоня продолжалась до полудня: лодки несомнѣнно уже были на широтѣ Валенсіи. Но шлюпка внезапно повернула и поплыла къ землѣ. Ректоръ безъ труда угадалъ намѣреніе таможенныхъ: такъ какъ погода была ненадежная, шлюпка предпочла лавировать, въ увѣренности, что рано или поздно «Красотка» пристанетъ къ берегу, чтобы снять грузъ. «Разъ намъ дана отсрочка, большое спасибо! А сейчасъ, ребяташки, нужно куда-нибудь пристать, потому что въ такой посудинѣ не переждешь непогоды на морѣ. Скорѣе, въ Колумбреты, убѣжище честныхъ моряковъ, принужденныхъ скрываться за свою любовь къ торговлѣ!»

Въ девять часовъ вечера, когда зеленыя волны, глухо вздымаясь, толчками увлекали «Красотку» въ безумную пляску, старая лодка, руководясь маякомъ, проникла въ Колумбрету-Майоръ, угасшій кратеръ, изрытый волнами, полукругъ изъ отвѣсныхъ скалъ, на одной изъ оконечностей котораго стоитъ башня маяка съ жилищами его сторожей, а посрединѣ имѣется озерко воды, всегда спокойной, если только нѣтъ восточнаго вѣтра.

Этотъ островокъ похожъ на толстую дугообразно построенную стѣну и не имѣетъ ни вершка обыкновенной сухой земли; онъ весь состоитъ изъ высокихъ вулканическихъ скалъ, бесплодныхъ, такъ какъ ихъ проклятая почва, обвѣянная солоноватымъ воздухомъ, не въ силахъ вскормить даже жалкаго деревца; здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ утесовъ, раз-

биваясь о которые, въ бурные дни, волны взбрасываютъ на невѣроятную высоту скелеты рыбъ и голыши. Далѣе на значительномъ пространствѣ разбросаны по морю Малыя Колумбреты: Форадада, выходящая изъ воды, словно арка подводнаго храма, и другія скалы, остроконечныя, исполинскія, неприступныя, представляющіяся пальцами доисторическаго чудовища, таящагося въ морской безднѣ.

«Красотка» стала на якорь въ заливѣ. Никто не сошелъ съ маяка, чтобы ее окликнуть. Сторожа были привычны къ таинственнымъ посѣщеніямъ моряковъ, заходящихъ въ этотъ архипелагъ съ желаніемъ, чтобы на нихъ не обращали вниманія. Экипажъ лодки видѣлъ на выступѣ скалы огоньки въ жилищахъ; вѣтеръ порою доносилъ человѣческую рѣчь; но все это возбуждало не болѣе интереса, чѣмъ тысячи чаекъ, жалобно стонавшихъ, сидя на утесахъ. Вокругъ островка, по ту сторону скалистой стѣны, ревѣло бѣшеное море; но волны, пробѣжавъ по камнямъ взморья, утихали при входѣ въ заливъ.

Когда разсвѣло, Ректоръ сошелъ на берегъ и, по неровнымъ ступенямъ, высѣченнымъ въ гранитѣ, полѣзъ на вершину для наблюденій надъ обширнымъ пространствомъ воды между островомъ и далекимъ берегомъ, невидимымъ по причинѣ тумана. Онъ не разглядѣлъ ни одного паруса, а между тѣмъ не былъ спокоенъ: онъ боялся, какъ бы его не прихлопнули имению здѣсь, въ столь извѣстномъ убѣжищѣ контрабандистовъ. Онъ предчувствовалъ, что рано или позд-

но шлюпка разыщетъ его въ Колумбретахъ; но, несмотря на свою смѣлость, боялся выйти въ море на своей скверной лодкѣ. Не въ жизни было дѣло, а въ грузѣ, представлявшемъ собою все его богатство.

Эгоизмъ собственника ускорилъ его рѣшеніе. «Въ море! Хоть бы даже акуламъ пришлось курить хорошій алжирскій табакъ! Все лучше, чѣмъ дать этимъ таможеннымъ разбойникамъ поживиться чужимъ добромъ!».

И, какъ скоро экипажъ поѣлъ, «Красотка» вышла изъ залива, такъ же таинственно, какъ и вошла, ни съ кѣмъ не простясь и провожаемая любопытными взглядами сторожей, вышедшихъ на площадку передъ башней.

Что за погода! Что за волны! «Красотка» становилась почти вертикально на гребняхъ валовъ, а затѣмъ обрушивалась въ бездну, гдѣ могла ждать ее смерть, подстерегавшая добычу. При каждой атакѣ моря, облако водяной пыли взлетало надъ бортами, заливая палубу; пѣна стекала по клеенкѣ тюковъ, а люди, скорченные и промокшіе насквозь, только о томъ и старались, чтобы ихъ не снесло. Даже Антоніо былъ блѣденъ и стискивалъ зубы. «На другой лодкѣ – сколько угодно! А на этой надо было съ ума сойти, чтобы оставить островъ».

Но Ректоръ ничего не слушалъ. Какъ выросталъ въ опасности этотъ пузатый чортъ! Его широкая поповская рожа ухмылялась при самыхъ сильныхъ ударахъ волнъ; онъ былъ красенъ, багровъ, точно въ кабакѣ, послѣ веселой попойки

по случаю какой-нибудь сдѣлки; его плотныя руки не отрывались отъ румпеля, а, массивное туловище не качалось отъ ужасныхъ сотрясеній, колебавшихъ лодку и исторгавшихъ у нея скрипъ, точно передъ гибелью. Морякъ смѣялся надо всѣмъ этимъ съ тѣмъ самымъ добродушнымъ видомъ, которымъ заслужилъ столько насмѣшекъ у себя дома, въ Кабаньялѣ.

«Это ничего не значить, такъ-то ее и такъ! Не изъ-за чего портить себѣ кровь! Если эта дрянъ откажется плыть и станетъ килемъ кверху, то тогда посмотримъ! Тутъ-то и показывать храбрость, а не по кабакамъ да съ дѣвками!.. Ну, гляди въ оба!.. Бумъ!!!.. Прокатила!.. Коли нырять придется, такъ скажемъ «Отче Нашъ» и, да и закроемъ глаза. Во всякомъ случаѣ, вѣдь адъ то у насъ, на землѣ; а на томъ свѣтѣ не нужно ни ѣсть, ни работать. И потомъ, сколько ни живи, а помирать все надо; такъ ужъ пусть лучше сожретъ акула, скотина бравая, чѣмъ источать черви, словно падаль... Гляди!.. Опять идетъ!..

Такъ Ректоръ излагалъ основы той философіи, какую усвоилъ въ юности, учась у дяди Борраски. Но слушалъ его одинъ юнга, блѣдный до зелени отъ страха, вцѣпившійся въ мачту и смотрѣвшій во всѣ стороны, точно не желая упустить ни одной подробности зрѣлища.

Наступала ночь. «Красотка» плыла подъ рваными парусами, страшно ныряя и совсѣмъ безъ огней, какъ судно, менѣ боящееся столкновенія, чѣмъ нескромныхъ глазъ.

Чась спустя, ея хозяйинъ замѣтилъ совсѣмъ близко огонь, прыгавшій по волнамъ: то былъ фонарь лодки, плившей навстрѣчу. Мракъ помѣшалъ разглядѣть ее явственно; но какимъ-то инстинктомъ онъ распозналъ таможенную шлюпку, которая, утомившись крейсированіемъ вдоль берега, рѣшилась на смѣлый шагъ и, несмотря на дурную погоду, пустилась къ Колумбретамъ, чтобы накрыть контрабандистовъ въ ихъ убѣжищѣ. На случай, еслибъ догадка его оказалась вѣрной, Ректоръ доставилъ себѣ удовольствіе на минуту бросить румпель и своими толстыми, неуклюжими руками сдѣлать два или три нелѣпыхъ жеста въ знакъ веселаго презрѣнія: «Нате! вотъ вамъ на дорогу!»

Въ полночь моряки увидѣли маякъ родной церкви. Они были противъ Кабаньяля. Ночь благопріятствовала тайной разгрузкѣ. Но ждутъ ли ихъ?

По мѣрѣ приближенія къ сушѣ, Ректоръ утрачивалъ свою изумительную ясность: онъ слишкомъ хорошо зналъ эти мѣста. Если придется тутъ ждать въ бездѣйствии, то не пройдетъ и двухъ часовъ, какъ «Красотка» силою вѣтра и волнъ будетъ разбита о плотину или выкинута на песокъ противъ Назарета. Вернуться въ море было невозможно: вотъ уже нѣкоторое время, какъ онъ угадалъ по глухому гулу, что въ набитомъ табакомъ трюмѣ появилась течь. Если «Красотку» продержатъ въ морѣ еще нѣсколько часовъ, то волны разнесутъ ее въ щепки.

Итакъ, необходимо было плыть къ берегу, несмотря на

опасность. И «Красотка» полетѣла прямо, уносимая скорѣе волнами, нежели вѣтромъ, къ темному взморью.

Свѣтлая точка блеснула три раза, и Паскуало съ Антонио вскрикнули отъ восторга: дядя былъ тамъ и ждалъ ихъ! Это былъ условный знакъ. Дядя Марьяно, по обычаю контрабандистовъ, зажегъ послѣдовательно три спички подъ защитою плаща, которымъ его люди загораживали его сзади, чтобы огонь былъ виденъ только съ моря.

«Красотка» распустила всѣ паруса. Это было совсѣмъ безумно. Она то вылетала килемъ изъ воды, то зарывалась носомъ въ волны; она дыбилась, какъ лошадь, закусившая удила, ныряла однимъ бокомъ, подскакивала другимъ. Ревъ моря усиливался съ минуты на минуту, и, наконецъ, съ вершины пѣнистой волны пловцы увидѣли взморье, а на немъ – группу черныхъ фигуръ. И вдругъ лодку встряхнуль ужасный толчокъ: она остановилась сразу, скрипя, точно раздираемая на части; вѣтеръ растрепаль парусъ, а вода съ силою хлынула на палубу, опрокидывая людей и унося тюки.

Они сѣли на мель въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ земли. Цѣлый муравейникъ тѣней, нѣмыхъ, словно призраки, кинулся на лодку и безмолвно расхваталъ тюки, которые начали переходить изъ рукъ въ руки по цѣпи изъ людей, тянувшейся до берега.

– Дядя! дядя! – кричалъ Ректоръ, прыгая въ воду, которая была ему лишь по грудь.

– Я здѣсь, – отвѣтилъ голосъ со взморья, – Молчи! и надо

спѣшить...

Зрѣлище получилось необычайное. Море ревѣло во мракъ; прибрежный тростникъ гнулся подъ налетами бури; волны надвигались, точно собираясь поглотить сушу; тѣмъ не менѣе, стая черныхъ дьяволовъ, нѣмыхъ и неутомимыхъ, тащила тюки изъ полуразвалившейся лодки или вылавливала ихъ изъ пѣнистой воды и переправляла на берегъ, откуда они тутъ же исчезали, причемъ время отъ времени, въ минуты затишья, слышался скрипъ отѣзжавшихъ телѣгъ.

Ректоръ увидѣлъ дядю Марьяно, который, въ своихъ громадныхъ морскихъ сапогахъ, ходилъ туда и сюда, отдавая приказанія голосомъ твердымъ и повелительнымъ и держа въ рукѣ револьверъ. «Бояться нечего: таможенные ближайшаго поста уже «подмазаны» и дали бы знать, если бы нагрянуло начальство. Вотъ за кѣмъ надобень глазъ да глазъ: за безмолвными разгрузчиками, ребятами, проворными на руку, готовыми воспользоваться суетней и убѣжденными въ справедливости пословицы: Кто у вора украдетъ... Но нѣтъ!.. Онъ не дастся въ просакъ, чортъ возьми! Первому же, кто припрячетъ тюкъ, будетъ посланъ гостинецъ!»

Все миновало, какъ сонъ. Не успѣлъ еще Ректоръ оправиться отъ сотрясенія, испытаннаго вмѣстѣ съ лодкою, не успѣла еще затихнуть у него боль отъ ушибовъ, какъ уже уѣхала послѣдняя телѣга. Разгрузчики попрежнему, не говоря ни слова, разсѣялись по разнымъ направлениямъ.

Не пропало ни одного тюка: даже застрявшіе въ трюмѣ

были вытащены изъ разломанной лодки.

Антоніо и остальной экипажъ тоже ушли, унося парусъ и кое-что годное съ лодки. Юнгу выловили въ ту минуту, какъ онъ собирался тонуть: онъ упалъ въ море, когда лодка наткнулась на мель.

Очувившись наединѣ съ дядею Марьяно, Ректоръ обнялъ его. — Ахъ, дядя, дядя! Надо сознаться: приходилось не сладко! Но, слава Богу, все кончилось хорошо. Счеты сведемъ какъ можно скорѣе, а теперь пойду спать съ моей Долоресъ: мои труды того стоятъ!

Онъ ушелъ въ Кабаньяль, не удостоивъ ни однимъ взглядомъ несчастную «Красотку», которая, въ плѣну у взморья, хлопала по грунту кормовою частью киля, принимая удары волнъ, чувствуя при каждомъ напорѣ, что тѣло ея расплывается и внутренности уносятся водою, умирая безъ славы, въ ночи, послѣ долгой трудовой жизни, какъ старая лошадь, брошенная на краю дороги и долго побѣлѣвшими костями своими привлекающая вороныи стаи.

VII

Изъ прибыли съ экспедиціи на долю Паскуало пришлось двѣнадцать тысячъ реаловъ, которые дядя Марьяно вручилъ ему нѣсколько дней спустя. Но мужъ Долоресь выигралъ еще больше: уваженіе дяди, который, радуясь, что получилъ свою долю, безо всякаго риска, смотрѣлъ теперь на него, какъ на человѣка добродѣтельнаго; да и горячія похвалы береговыхъ жителей, узнавшихъ о его предпріятіи. Выходъ изъ Колумбретъ былъ сочтенъ замѣчательной штукой: таможенная шлюпка чуть не затонула, а на островѣ стражники ничего не нашли.

Ректоръ былъ какъ бы отуманенъ своей удачей. Эти двѣнадцать тысячъ реаловъ вмѣстѣ съ сбереженіями, которыя собирались по копейкѣ и хранились въ мѣстѣ, извѣстномъ лишь ему и Долоресь, составляли кругленькую сумму, съ которой порядочный человѣкъ могъ предпринять кое-что.

И это кое-что, какъ всѣмъ хорошо было извѣстно, могло имѣть отношеніе лишь къ морю: вѣдь Ректоръ былъ характеромъ не въ дядю, чтобы сидѣть на сушѣ и, ничего не дѣлая, наживаться отъ чужой нужды. Что касается контрабанды, о ней нечего было и думать: оно хорошо одинъ разъ, какъ игра, всегда благопріятствующая новичкамъ; но не слѣдуетъ искушать дьявола. Для такого человѣка, какъ онъ, самымъ лучшимъ занятіемъ было рыболовство, но при условіи об-

ладанія собственнымъ инвентаремъ, чтобы не дать обирать себя судохозяевамъ, которые сидятъ по домамъ и забираютъ себѣ львиую долю.

Ворочаясь подъ одѣяломъ и безпокоя Долоресь безпрестанными обращеніями къ ней, онъ даже ночью то и дѣло возвращался къ этимъ разсужденіямъ и, въ концѣ концовъ, рѣшилъ употребить свой капиталъ на постройку лодки, но не какой-нибудь, а, по возможности, самой лучшей изо всѣхъ, плавающихъ передъ Бычимъ Дворомъ. «Давно пора, Господь свидѣтель! Его больше не увидятъ матросомъ или шкиперомъ на жалованьѣ; онъ будетъ судохозяиномъ и, въ знакъ своего достоинства, поставитъ у дверей своего дома самую высокую мачту, какую только можно отыскать, чтобы сушить на ея верхушкѣ свои сѣти.

Пусть знаетъ весь честной народъ, что Ректоръ строитъ лодку! Если красавица Долоресь, разбогатѣвши, придетъ еще на рыбный рынокъ, то будетъ продавать тамъ собственную рыбу»... И женщины квартала обсуждали эту новость: а, когда шли къ каналу у Газа, то заходили къ навѣсамъ конопатчиковъ и съ завистью смотрѣли на Ректора. Послѣдній, покусывая сигаретку, находился тамъ съ утра до вечера, наблюдая за плотниками, которые пилили и строгали для новаго судна желтые свѣжіе брусья, полные смолы, одни прямые и крупные, другіе – гнутые и тонкіе. Работа шла спокойно. Ни торопливости, ни промаховъ: дѣло было не къ спѣху. Единственно, чего желалъ Паскуало, это, – чтобы его лодка

была лучшею въ Кабаньяль.

Въ то время, какъ онъ тѣломъ и душой ушелъ въ постройку этой барки, Антоніо жилъ припѣваючи, благодаря деньгамъ, которыя получилъ отъ Ректора за путешествіе въ Алжирь.

Впрочемъ, въ старую лачугу, гдѣ онъ жилъ съ Росаріей и гдѣ постоянно происходили ссоры и раздавались грубости и удары, счастливый исходъ этого путешествія не внесъ ни малѣйшаго достатка. Бѣдная женщина по-прежнему носила каждое утро свою ношу рыбы въ Валенсію, часто даже въ Торренто или въ Бетеро, всегда пѣшкомъ, ради экономіи; а когда время было неблагопріятно для продажи, она проводила дни въ своей дырѣ, наединѣ со своимъ горемъ и бѣдностью. Зато ея милый Антоніо ходилъ гоголемъ больше прежняго: щеголялъ въ новомъ платьѣ, всегда съ пригоршнею дура въ карманѣ, и все время торчалъ въ кофейнѣ, если только не уходилъ съ товарищами въ городъ, чтобы рискнуть нѣсколькими песетами въ игорномъ притонѣ или затѣять ссору въ рыбацкомъ кварталѣ. Тѣмъ не менѣе, при встрѣчахъ съ дядей, чтобы не утратить своего права быть назойливымъ, онъ напоминалъ ему о той маленькой обязанности на работахъ въ портѣ, которой домогался, когда былъ бѣденъ.

Онъ съ наслажденіемъ купался въ этомъ временномъ изобиліи, напоминавшемъ ему счастливое время послѣ свадьбы; и по своей вѣчной непрбдусмотрительности, по цинич-

норму легкомыслию, привлекавшему къ нему женщинъ, онъ не раздумывалъ о томъ, что скоро наступитъ конецъ деньгамъ, даннымъ ему братомъ, этой маленькой суммѣ, которая давно бы уже изсякла, если бы товарищи въ свою очередь не угощали его и если бы ему не везло въ игрѣ. Онъ возвращался въ свою лачугу поздно ночью и ложился въ дурномъ настроеніи, ругаясь сквозь зубы и готовый отвѣтить пощечинами на малѣйшее замѣчаніе Росаріи.

Иногда послѣдняя не видала его по два и по три дня; зато его видѣли каждую минуту у Ректора; и, если не было Паскуало, то онъ усаживался въ кухнѣ, около Долоресъ, выслушивая съ опущенной головой и съ покорнымъ видомъ упрёки, которые обращала къ нему невѣстка за дурное поведеніе. Когда Ректоръ заставлялъ эти выговоры, онъ принимался восхвалять здравый смыслъ своей жены. «Ну да, Боже мой! Долоресъ говорить ему все это потому, что очень его любить, и потому, что она женщина разумная, которая не можетъ терпѣть, чтобы ея деверь дѣлалъ такія глупости и давалъ столько поводовъ къ злословію». И добродушный мужъ, наконецъ, умилялся, слушая проповѣди своей Долоресъ, «умной женщины, настоящей матери для этого немного тронутаго парня».

Чѣмъ ближе подходили къ концу деньги у Антоніо, тѣмъ чаще посѣщалъ онъ своего брата. Однако, онъ сумѣлъ воспользоваться этими материнскими совѣтами; и, чтобы не дать людямъ болтать, онъ довольно часто ходилъ вмѣстѣ съ

Паскуало въ сараи конопатчиковъ и притворялся заинтересованнымъ постройкой этого гигантскаго кузова, бока котораго мало по малу прикрывались и стройныя очертанія котораго уже обозначались подъ молотками, вилами и топорами, непрерывно работавшими надъ его отдѣлкой.

Наступило лѣто. Часть взморья между каналомъ газоваго завода и гаванью, заброшенная весь остальной годъ, кипѣла оживленіемъ временнаго лагеря. Тропическая жара гнала весь городъ на этотъ берегъ, гдѣ воздвигался настоящій импровизированный городокъ. У волнующагося моря выстроились правильными рядами украшенныя разноцвѣтными флагами купальныя будки изъ крашеннаго холста съ тростниковыми крышами и съ самыми причудливыми названіями. Во избѣжаніе ошибокъ при нахожденіи будокъ, онѣ были увѣнчаны, какъ бы живописными вывѣсками, паяцами, маріонетками и маленькими лодочками. Предвидя аппетитъ, который долженъ былъ возбудиться морскимъ воздухомъ, позади разбросались харчевни; однѣ съ большими претензіями, съ лѣстницами и терассаами, – все непрочное, какъ театральныя декораціи; но недостатки постройки и тайны кухни были прикрыты громкими названіями: Ресторанъ Парижъ, гостиница Хорошаго Вкуса; а рядомъ съ этими чопорными лабораторіями лѣтней гастрономіи, – другія, мѣстные старыя кабачки съ рогожными навѣсами, хромыми столами, стеклянными графинами на нихъ и съ печами наружи, вывѣшивали съ гордостью свои объявленія, забавныя по

ореографіи; и съ Иванова дня до половины сентября каждый день подавали улитокъ подь соусомъ.

Посреди этого эфемернаго города, который долженъ былъ, какъ дымъ, исчезнуть при первомъ дуновеніи осени, неслись «трамы» и поѣзда, свистя, прежде, чѣмъ раздавить; спѣшили тартаны, развѣвая свои красныя занавѣски, точно знамена шаловливаго веселья; всю ночь кипѣла толпа, жужжа, какъ осы въ гнѣздѣ, причемъ сливались въ общій гулъ выкрики пирожницъ, завываніе шарманокъ, визгъ гитарь, шелканье кастанъетами и рѣзкіе гнусливые звуки гармоникъ: подь эту музыку плясали господа съ усами колечкомъ и въ бѣлыхъ блузахъ, почтениыя личности, которыя, взявъ ванну не снаружи, а внутрь, возвращались въ Валенсію въ самомъ подходящемъ настроеніи, чтобы побиться на ножахъ или дать пару пощечинъ первому встрѣчному чиновнику.

По ту сторону канала, постоянные жители взморья смотрѣли на это веселое нашествіе, но не смѣшивались съ нимъ. «Надо же людямъ повеселиться!» Это время года являлось какъ бы тучной дойною коровой, которую судьба посылала кабаньяльцамъ, чтобы надоеннаго хватило имъ на цѣлый годъ.

Въ началѣ августа, насталь нетерпѣливо жданный день, когда лодку Ректора можно было считать готовой.

Какая радость! Ея владѣлецъ говорилъ о ней, какъ дѣдушка – о прекрасномъ сложвннн внука. Дерево – самое лучшее, какое только могли достать; мачта – прямая, гладкая,

безъ единой трещины; подводная часть – нѣсколько широкая, чтобы лучше выдерживать волны, но зато съ носомъ острымъ, какъ лезвіе бритвы; борта, выкрашенные въ черный цвѣтъ, блестѣли подь лакомъ, точно сапогъ горожанина; бокъ ослѣпительной бѣлизны, не болѣе, не менѣе, какъ животъ угря: – вотъ какова она была!

Недоставало только канатовъ, сѣтей и нѣкоторыхъ снастей; но надъ ними работали самые искусные канатчики и оснастчики взморья; и ожидалось, что еще до пятнадцатаго августа лодка, уже готовая, покажется передь публикой, какъ прекрасная невѣста, одѣтая въ день свадьбы во все новое съ ногъ до головы.

Такъ говорилъ Ректоръ, сидя разъ вечеромъ передь своимъ домомъ, въ кругу семьи. Онъ пригласилъ къ обѣду свою мать и сестру Росету. Долоресъ сидѣла около него; а немного поодаль, на плетеное табуретѣ, прислонившись къ стволу маслины и, сквозь пыльную листву ея, устремивши взглядъ на луну, сидѣлъ Антоніо въ позѣ и съ выраженіемъ лица, напоминавшими трубадура съ хромолитографіи, и игралъ на гитарѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ, на тротуарѣ, на маленькой глиняной печкѣ шипѣла цѣлая сковородка рыбы. Сосѣдскіе ребяташки бѣгали по грязному ручью и гонялись за собаками. У каждаго домика на улицѣ сидѣли люди, вышедшіе подышать слабымъ вѣтеркомъ, дувшимъ съ моря.

«Убей меня Богъ! Какъ, вѣроятно, жарятся въ Валенсіи!»
Синья Тона очень перемѣнилась. Она, по ея словамъ,

«сдѣлала скачекъ». Отъ хорошо сохранившейся полноты она внезапно перешла къ старости. Яркій голубоватый свѣтъ луны освѣщаль ея почти лысую голову, на которой рѣдкіе сѣдые волосы образовали какъ бы тонкую сѣтку, прикрывавшую розоватый черепъ, ея морщинистое лицо съ вялыми и отвислыми щеками, ея черные глаза, о которыхъ когда-то такъ много говорили въ Кабаньялѣ; теперь они, грустные и полупогасшіе, почти скрывались и, казалось, даже тонули въ пухлой кожѣ.

Такое увяданіе было вызвано непріятностями. «Ужь какъ эти мужчины бѣсили ее!» Эти слова были намекомъ на ея сына Антоніо; но весьма возможно, что, произнося ихъ, она думала также и о таможенномъ стражникѣ Мартинесѣ.

Съ другой стороны, пришли трудныя времена. Кабачокъ на взморѣ приносилъ гроши, и Росетѣ пришлось поступить на табачную фабрику. Каждое утро молодая дѣвушка, съ маленькой корзинкой на рукѣ, отправлялась въ Валенсію, вмѣстѣ съ толпой граціозныхъ и наглыхъ дѣвченекъ, которыя, постукивая каблучками и размахивая юбками, шли чихать въ Старую Таможню, гдѣ воздухъ былъ полонъ табачный пыли.

А какая хорошенькая дѣвушка вышла изъ Росеты! Къ ней вполне подходило ея имя. Часто, глядя на нее украдкой, мать открывала въ ней изящество синьора Мартинеса. И въ этотъ вечеръ, жалуясь, что ея дочь должна ходить на фабрику рано утромъ даже зимой, она въ то же время разсматривала

эти растрепавшіеся бѣлокурые волосы, эти задумчивые глаза, этотъ бѣлый, не поддающійся ни солнцу, ни морскому вѣтру лобъ, испещренный въ эту минуту тѣнями отъ листвы и проходящими сквозь нее лучами мѣсяца: тѣни и лучи, переплетаясь между собою, покрывали какъ бы жилками личико юной дѣвицы.

Росета смотрѣла то на Долоресь, то на Антоніо своими большими глазами, внимательными и грустными, – глазами дѣвы, знающей все. Когда Ректоръ сталъ хвалить своего брата за то, что онъ остепенился, все болѣе отстаетъ отъ веселой жизни и начинаетъ съ удовольствіемъ бывать въ этомъ домѣ, гдѣ находитъ покой и ласку, которыхъ не имѣетъ у себя дома, – у его сводной сестры появилась саркастическая улыбка. «Ахъ, мужчины! Вѣрно то, что ея мать и она постоянно повторяютъ: кто изъ нихъ не подлець, какъ Антоніо, тотъ дуракъ, какъ Паскуало». Поэтому-то она гнушалась ими, и весь Кабаньяль дивился, какъ она спроваживала всѣхъ, кто предлагалъ ей себя въ возлюбленные. Нѣтъ, она не желала имѣть никакого дѣла съ мужчинами. Она помнила всѣ проклятія, какія слышала отъ матери по адресу этихъ негодяевъ, въ тѣ часы, когда синья Тона, возмущенная, изливалась въ ругательствахъ, сидя одна въ старой лодкѣ.

Теперь, въ маленькомъ кружкѣ стало тихо. Рыба шипѣла на сковородкѣ; Антоніо бралъ неясные аккорды на гитарѣ; а рѣзвая толпа мальчугановъ застыла какъ разъ посреди грязи и, глядя на луну съ такимъ изумленіемъ, какъ буд-

то увидѣвъ ее въ первый разъ, распѣвала на однообразный же мотивъ звонкими какъ серебряные колокольчики, голосами:

La lluna, la pruna,
Vestida de dól...¹⁴.

Антоніо, у котораго болѣла голова, разсердился: «Скоро ли они замолчатъ?» Но заставьте-ка послушаться этихъ шулуновъ!

Sa madre la crida,
Son padre no vol...¹⁵.

А бродячія собаки, присоединяясь къ хору дѣтей, которыя пѣли въ честь Діаны этотъ нелѣпый гимнь, возсылали къ богинѣ самыя ужасныя завыванія.

Ректоръ продолжалъ говорить о своей лодкѣ; «Все будетъ готово къ пятнадцатому августа, и уже рѣшено со священникомъ, что тотъ придетъ въ этотъ день, послѣ полудня, для освященія... Но чортъ возьми! Еще кое-чего не хватаетъ! И какъ объ этомъ не подумали! Для крестинъ нужно имя, а имя еще не выбрано. Какъ же назвать эту лодку?»

Эта неожиданная задача привела всѣхъ въ волненіе, даже беззаботный Антоніо спустилъ на землю свою гитару и

¹⁴ Луна, сливное дерево, Подъ траурнымъ покровомъ...

¹⁵ Мать ея бранится Отецъ не позволяетъ...

принялъ размышляющій видъ... «Вотъ! онъ придумалъ...» Его воинственныя чувства, его воспоминанія о королевскомъ флотѣ вдохновили его. Лодка будетъ называться «Грозный Стрѣлокъ».

— Какъ? Что вы на это скажете?

Ректоръ не нашель возраженій. Этотъ добродушный и мирный толстякъ гордо выпрямлялся при мысли, что его лодка будетъ называться «Грознымъ Стрѣлкомъ»; онъ уже видѣль ее разсѣкающею волны съ хвастливымъ изяществомъ португальскаго фрегата. Но женщины возстали: «Какое странное названіе! Какъ будутъ насмѣхаться въ Кабаньяль! Развѣ рыбацья лодка стрѣляетъ, да еще грозно? Лучше придумала синья Тона: пусть ее назовутъ «Легкая», какъ звали ту, на которой погибъ отецъ Паскуало и которая потомъ служила убѣжищемъ для всей семьи.

Но это вызвало всеобщій протестъ. Такое имя неизбѣжно накличетъ бѣду. Судьба того судна достаточно убѣдительна. Наилучшее названіе, предложила Долоресь: «Морская Роза». Это, въ самомъ дѣлѣ, мило!» Ректоръ еще разъ пришелъ въ въ восторгъ отъ вкуса своей жены, но вспомнилъ, что уже есть лодка съ такимъ названіемъ. «Какая жалость!»

Тутъ Росета, которая до тѣхъ поръ не сказала ни слова и ограничивалась лишь презрительными гримасами при каждомъ предложенномъ названіи, выразила свое мнѣніе. Надо назвать лодку: «Цвѣтъ Мая». Эта мысль пришла ей въ голову сегодня, въ кабачкѣ, когда она разглядывала виньетки на

привезенномъ изъ Гибралтара табакъ. Ее плѣнила эта изящная надпись, изъ буквъ которой составлялось разноцвѣтное сіяніе надъ фабричнымъ клеймомъ, изображавшимъ барышню въ нарядѣ танцовщицы, съ розами, похожими на томаты, на бѣлой юбочкѣ, а въ рукъ — съ пригоршней какихъ то другихъ цвѣтовъ, похожихъ на рѣпы.

Ректоръ пришелъ въ восторгъ.

«Да, убей меня Богъ! Это удачно! Пусть лодка называется «Цвѣтъ Мая», какъ гибралтарскій табакъ. Чего лучше?! Эта лодка построена, главнымъ образомъ, на деньги за табачный грузъ, а онъ состоялъ изъ тѣхъ самыхъ пакетовъ, на этикеткахъ которыхъ нарисована рѣзвая барышня... Да, да, Росета права. «Цвѣтъ Мая», а не иначе!..» Всѣ раздѣляли восторгъ Ректора: это названіе казалось имъ нѣжнымъ и красивымъ; оно ласкало чѣмъ-то поэтичнымъ ихъ грубое воображеніе. Они находили въ немъ влекущую и таинственную прелесть, не подозрѣвая, что такъ называлось историческое судно, которое доставило къ американскимъ берегамъ преслѣдуемыхъ англійскихъ пуританъ, неся въ себѣ зародышъ самой великой республики въ мірѣ.

Ректоръ сіялъ. «Сколько въ ней ума, въ этой Росетѣ!.. А теперь, честная компанія, надо поужинать! За десертомъ выпьютъ за «Цвѣтъ Мая».

Маленькій Паскуало, замѣтивъ, что сковородку вносятъ въ домъ, оставилъ хоръ мальчугановъ; такъ и кончилась монотонная пѣсенка: *La lluna, la pruna...*

Благодаря легкости, съ какой передаются новости въ маленькихъ поселкахъ, скоро весь Кабаньяль зналъ, что лодка Ректора называется «Цвѣтъ Мая»; когда, наканунѣ освященія, ее вывезли на взморье противъ Бычьяго Двора, на обшивкѣ кормы уже красовалось ея прелестное имя, написанное синими буквами.

На другой день, послѣ полудня, въ кварталѣ лачугъ было будто воскресенье. Не часто бывали подобныя торжества! Крестнымъ отцомъ былъ самъ г. Марьяно, по прозванію «Кальяо» богачъ, обыкновенно скупой, но сегодня готовый сорить деньгами въ честь своего племянника. На взморьѣ должны были безъ конца ходить стаканы и сыпаться конфеты.

Ректоръ уже зналъ, какъ взяться за дѣло. Онъ отправился въ церковь со всѣмъ своимъ экипажемъ, чтобы проводить до берега священника, дона Сантіаго. Священникъ встрѣтилъ его съ одною изъ тѣхъ улыбокъ, какія предназначаются для хорошихъ прихожанъ. «Какъ? Развѣ уже пора? Что-жъ, можно сказать пономарю, чтобы шель за святой водой и кропиломъ. Что касается его самого, то онъ будетъ готовъ сію секунду: только надѣтъ епитрахиль».

Но Ректоръ воскликнулъ въ негодованіи: «Епитрахиль? Полноте!» Паскуало хотѣлъ ризу, и самую лучшую. Крестины его лодки не были чѣмъ-то обыкновеннымъ. А, главное, развѣ онъ не заплатитъ, что потребуется?

Донъ Сантіаго улыбнулся: «Хорошо! Въ подобныхъ слу-

чаяхъ риза неупотребительна; но онъ согласенъ ее надѣть ради Паскуало, зная его за вѣрующаго христіанина, хорошо относящагося къ людямъ».

Они вышли изъ церковнаго дома; впереди пономарь, съ кропиломъ и сосудомъ святой воды, открываль шествіе; а за пономаремъ шель донъ Сантіаго, сопровождаемый хозяиномъ и его людьми, держа въ одной рукѣ свой требникъ, а другою подбирая, чтобы не запачкать въ грязи, свою старую, роскошную ризу, матовой бѣлизны, окаймленную тяжелыми зеленовато-золотыми позументами и, сквозь изношенную ткань, показывавшую подкладку выпуклой вышивки.

Мальчуганы сбѣгались толпами, чтобы потереться соплистыми носами объ руку священника, которой каждую минуту приходилось высовываться изъ-подъ ризы. Женщины улыбками привѣтствовали «отца капеллана», человекъ веселаго, терпимаго, не безъ остроумія, и умѣвшаго примѣняться къ нравамъ своей паствы, не удивляясь, если его останавливала среди улицы благочестивая торговка и просила благословить ея корзины и вѣсы, чтобы полиція не поймала ее на обвѣшываиіи.

Когда шествіе достигло взморья, то зазвонили колокола, примѣшивая свою веселую болтовню къ ропоту волнъ. Зѣваки спѣшили попасть вовремя, чтобы ничего не пропустить изъ церемоніи. Тамъ, на открытомъ мѣстѣ, стоялъ на пескѣ «Цвѣтъ Мая», окруженный черною движущеюся толпою; блестящій, лакированный, облитый золотыми лучами солн-

ца, онъ простираль къ голубому небу свою тонкую и изящно-наклоненную мачту, на верхушкѣ которой качался букетъ искусственныхъ травъ и цвѣтовъ, служившій отличительнымъ признакомъ каждой новой лодки и остававшійся тамъ до тѣхъ поръ, пока его не развѣютъ бури.

Ректоръ и его люди прокладывали священнику дорогу въ толпѣ, которая тѣснилась вокругъ судна. У кормы стояли крестная мать и крестный отецъ: синья Тона, въ новой мантильѣ и юбкѣ, и дядя Марьяно въ шляпѣ и съ тростью, одѣтый по-барски, ни дать, ни взять, какъ когда ходилъ въ Валенсію говорить съ префектомъ.

Вся семья являла столь торжественный видъ, что пріятно было взглянуть. На Долоресъ было розовое платье, великолѣпный шелковый платокъ на шеѣ, а пальцы всѣ въ кольцахъ. Антоніо важно стоялъ на палубѣ, въ курткѣ, новой съ иголки, въ чудесной шапкѣ, сдвинутой на ухо, и гладилъ себѣ усы, очень довольный, что стоитъ на виду у всѣхъ красавицъ. Внизу, около Росеты, стояла его жена, Росарія, которая ради торжественнаго событія помирилась съ Долоресъ и нарядилась въ свое наилучшее платье. Что касается Ректора, то онъ былъ ослѣпителенъ; онъ походилъ на англичанина въ своемъ роскошномъ синемъ шерстяномъ костюмѣ, привезенномъ ему изъ Глазго механикомъ одного парохода; а на жилетѣ у него висѣла вещь, употребляемая имъ въ первый разъ въ жизни: цѣпь изъ накладного серебра, толщиной съ канатъ его лодки.

Въ этомъ прекрасномъ зимнемъ костюмѣ онъ обливался потомъ, но работаль локтями, чтобы не дать толпѣ затолкать священника и крестныхъ.

– Ну, господа! Немного потише! Крестины – не потѣха. Потомъ повеселитесь!

И, чтобы подать примѣръ этой непочтительной толпѣ, онъ приняль сокрушенный видъ и сняль шляпу въ то время, какъ священникъ, тоже потѣвшій подъ тяжелою ризой, искаль въ требникѣ молитву, начинавшуюся такъ: «Propitiare, Domine, supplicationibus nostris, et benedic navemistam...»

Восприемники, серьезные, съ опущенными глазами стояли направо и налево отъ священника. Пономарь слѣдилъ за священнодѣйствующимъ, готовясь отвѣтить: «Аминь!» Толпа, обнаживъ головы, стихала, сосредоточивалась и какъ бы недоумѣвала въ ожиданіи чего-то необычайнаго.

Донъ Сантіаго хорошо зналь свою публику. При полной тишинѣ, медленно и торжественно, часто останавливаясь, выговариваль онъ каждое слово молитвы. А Ректоръ, у котораго въ головѣ мутилось отъ волненія, киваль на каждую фразу, точно впивая въ себя все, что говорилъ по латыни священникъ его «Цвѣту Мая». Онъ успѣль схватить только конецъ одной фразы: «Arca Noe arabulante in diluvio»; и преисполнился гордости, смутно догадываясь, что его лодку сравнили съ судномъ, самымъ знаменитымъ въ христіанскомъ мірѣ, такъ что самъ онъ становится будто кумомъ и товарищемъ веселаго патріарха, перваго моряка на свѣтѣ.

Синья Тона подносила къ глазамъ платокъ, плотно прижимая его, чтобы не дать брызнуть слезамъ.

Окончивъ молитву, священникъ взялъ кропило.

– Asperges...

И корма судна покрылась водяною пылью, которая капельками потекла по крашенымъ доскамъ. Затѣмъ, все предшествуемая хозяиномъ, который расталкивалъ толпу, и въ сопровожденіи пономаря, бормотавшаго «аминь», священникъ обошелъ кругомъ судна, кропя и повторяя латинскія слова.

Ректоръ не хотѣлъ вѣрить, что церемонія уже окончилась. Надо было освятить и внутри: палубу, каюты, трюмъ. «Ну, Донъ Сантіаго! Еще немножко! Вѣдь онъ знаетъ, что Паскуало не останется въ долгу».

И священникъ, улыбаясь умоляющему виду хозяина, подошелъ къ лѣсенкѣ, приставленной къ лодкѣ, и отважился подняться наверхъ въ своей неудобной ризѣ, которая въ лучахъ заката походила издали на спинку какого-то блестящаго ползучаго насѣкомаго.

Когда все было освящено, священникъ удалился, сопровождаемый только маленькимъ пѣвчимъ; а народъ бросился къ лодкѣ, точно съ намѣреніемъ взять ее приступомъ. «Теперь можно ее снаряжать»!

Всѣ кабаньяльскіе озорники были тутъ, взъерошенные, крикливые, ревѣли, обращаясь къ воспріемникамъ:

– Миндалю, конфекть!..

На палубѣ улыбался величественно г. Мариано. «Скоро узнають, какія есть вкусныя вещи! Онѣ истратилъ унцію золота, чтобы сдѣлать честь своему племяннику». Онѣ наклонился и запустилъ руки въ корзины, стоявшія у его ногъ.

— Лови!

И первый залпъ леденцовъ, жесткихъ, какъ пули, полетѣлъ въ орущихъ ребятъ, которые, вступивъ въ драку изъ-за миндаля и конфектъ съ корицей, валялись по песку, заворотивъ юбочки и показывая сквозь дыры въ штанишкахъ красноватое тѣло шалуновъ, привыкшихъ къ праздному блужданію.

Антоніо откупоривалъ кувшины можжевеловой водки, приглашая своихъ друзей съ покровительственнымъ видомъ, какъ будто угощеніе исходило отъ него. Простая водка лилась полными кружками, и всѣ подходили выпить: таможенные солдаты, съ ружьями на плечахъ; владѣльцы другихъ лодокъ, босые, одѣтые, точно паяцы, въ желтую байку; маленькіе юнги въ отрепьяхъ, но за поясомъ съ ужасными ножами, ростомъ съ нихъ самихъ.

Пиръ происходилъ на палубѣ. «Цвѣтъ Мая» дрожалъ отъ веселаго топота, какъ полъ бальной залы; вокругъ лодки разносился запахъ кабака.

Долоресь, привлеченная весельемъ пирующихъ, влѣзла по лѣстницѣ, распекая на каждой ступенькѣ юнгъ, которые толпились тутъ съ дурнымъ намѣреніемъ взглянуть на красныя чулки великолѣпной судовладѣлицы. Жена Ректора чув-

ствовала себя въ своей тарелкѣ среди этихъ мужчинъ, окружавшихъ ее съ жаднымъ восхищеніемъ; она твердою ногою ступила на эти доски, принадлежавшія ей, сопровождаемая взглядами стоявшихъ внизу женщинъ, особенно снохи своей, Росаріи, которая должна была умереть отъ зависти.

Ректоръ не отходилъ отъ матери. Въ этотъ торжественный и такъ страстно желанный день, онъ испытывалъ какъ бы возрожденіе сыновней любви и забывалъ о свсей женѣ и даже о сынишкѣ, который, никѣмъ не останавливаемый, напихивался конфектами.

Судовладѣлецъ!.. Судовладѣлецъ!..

Онъ обнималъ свою старую мать, чмокая ее въ отекавшее лицо и въ глаза, полные слезъ.

Въ памяти Тоны пробудились воспоминанія. Праздникъ въ честь лодки напомнилъ ей прошлое: пропуская досадное приключеніе съ таможеннымъ солдатомъ и долгіе годы старости, когда она стала такъ сильно презирать мужчинъ, она видѣла покойнаго Паскуало, молодого и сильнаго, какимъ она его знала, когда вышла за него замужъ; и плакала безутѣшно, какъ будто овдовѣла только вчера.

– Сынъ мой! Сынъ мой! – стонала она, обнимая Ректора, который казался ей воскресшимъ мужемъ.

Ректоръ былъ гордостью семьи, такъ какъ онъ своимъ трудомъ вернулъ ей прежнее значеніе. Мать плакала, мучимая раскаяніемъ: она обвиняла себя, что не любила этого сына такъ, какъ онъ заслуживалъ. Теперь ея сердце переполня-

лось нѣжностью; она точно спѣшила любить его побольше и боялась. — О, Боже! — такъ боялась, чтобы ея сына не постигла судьба отца. Выражая свои опасенія прерывающимся отъ рыданій голосомъ, она смотрѣла на бѣдный кабачокъ, виднѣвшійся вдали, обломокъ лодки, бывшій свидѣтелемъ ужасной драмы: гибели мученика труда.

Противоположность между новой лодкой, гордой и блестящей, и этой мрачной скорлупкой, которая, за отсутствіемъ посѣтителей, день ото дня становилась темнѣе и печальнѣе, переворачивала Тонѣ душу; она представляла себѣ «Цвѣтъ Мая» уже разбитымъ, кверху килемъ, какъ она видѣла нѣкогда лодку, принесшую въ своею трюмѣ трупъ ея несчастнаго мужа. Нѣтъ, она не радовалась. Веселый шумъ собравшихся причинялъ ей боль. Это значило — издѣваться надъ моремъ, этимъ скрытнымъ существомъ, которое сейчасъ журчитъ съ коварною ласкою, точно льстивая и лукавая кошка, но которое отомститъ, какъ только «Цвѣтъ Мая» доврится ему. Тона боялась за этого сына, къ которому она вдругъ почувствовала пылкую любовь, какъ будто свидясь съ нимъ послѣ долгаго отсутствія. Что изъ того, что онъ былъ отважный морякъ: отецъ былъ такимъ же и смѣялся надъ бурями! «Увы! сердце подсказывало ей, бѣдной, что море поклялось погубить всю семью, и оно потопитъ новую лодку, какъ и ту!»

Но Ректоръ съ негодованіемъ крикнулъ на мать:

— Нѣтъ, убей меня Богъ! Довольно стонювъ! Вотъ ужъ под-

ходящія рѣчи для такого радостнаго дня!..

«Все это – старушечьи капризы, угрызения совѣсти, которая мучаетъ ее за то, что она давно позабыла мужа... Единственное, что ей надо сдѣлать, это – поставить толстую свѣчу за упокой умершаго, на случай, если душа его терпитъ муки. Прочь всѣ печали! Что касается до него, то онъ не хочетъ, чтобы дурно отзывались о морѣ. Оно – вѣрный другъ, который иногда сердится, но позволяетъ пользоваться собою честнымъ людямъ и приходитъ на помощь бѣднякамъ...»

– Ну, Антонію, еще стаканчикъ? Рано кончать! Надо хорошенько отпраздновать крестины «Цвѣта Мая».

И онъ снова сталъ пить, а мать продолжала хныкать, устремивъ глаза на разбитое судно, служившее колыбелью ея дѣтямъ.

Наконецъ, Ректоръ разсердился: «Скоро-ли она замолчить? Вспоминать въ такой день, что морю случается быть и злобнымъ? Ну, если она не хотѣла подвергать своего сына опасностямъ, что-жъ не сдѣлала изъ него епископа?.. Самое главное: быть честнымъ человѣкомъ, усердно работать, а тамъ будь, что будетъ! Люди, подобные ему, рождаются моряками; у нихъ нѣтъ другого кормильца, кромѣ моря; они навсегда присосались къ нему и должны принимать отъ него, какъ радость удачъ, такъ и ужасъ бурь... Вѣдь надо же кому нибудь рисковать собою, чтобы добыть рыбы для людей; ну, его доля именно такая, и онъ будетъ плавать, какъ плавалъ съ дѣтства...»

– Убей меня Богъ! Да перестань же, мать! Да здравствуетъ «Цвѣтъ Мая»!.. Еще стаканчикъ, господа! Праздникъ долженъ быть праздникомъ.

«Онъ несетъ расходы; и присутствующіе очень огорчатъ его, если къ полуночи ихъ не подберутъ храпящими на песокъ, какъ свиньи!»

VIII

Ректоръ провель по дѣламъ цѣлый день въ Валенсіи и возвращался домой. Дойдя до Глоріеты¹⁶, онъ остановился противъ фабрики. Было шесть часовъ. Солнце кидало оранжевый отгѣнокъ на кровли этого огромнаго строенія и смягчало черновато-зеленые тона лужъ, которыя оставилъ дождь въ углубленіяхъ мансардъ. Статуя Карла III купалась въ прозрачно-голубомъ воздухѣ, полномъ теплаго свѣта; изъ рѣшетчатыхъ балконовъ вырывался наружу гамъ рабочаго улья, крики, пѣсни и металлическій звонъ хватаемыхъ и бросаемыхъ ножницъ.

Изъ широкихъ воротъ начали выходить, подобно бунтующему стаду, работницы первыхъ мастерскихъ: потокъ ситцевыхъ платьевъ, засученныхъ рукавовъ, крѣпкихъ рукъ, ногъ, сѣменящихъ безъ усталы мелкимъ воробынымъ шагомъ. Неясный гуль переклички и неприличныхъ фразъ слышенъ былъ у воротъ, на обширномъ пространствѣ, гдѣ ходили взадъ и впередъ сторожевые солдаты и гдѣ стояло нѣсколько будочекъ, торговавшихъ лимонадомъ.

Ректоръ стоялъ на тротуарѣ Глоріеты посреди разносчиковъ газетъ, находя удовольствіе въ созерцаніи веселой суетни сигарочницъ, неугомонная толпа которыхъ, въ бѣлыхъ

¹⁶ Площадь передъ табачной фабрикой, занятая отчасти скверомъ.

фуляровыхъ платкахъ на головахъ, смутно напоминала бунтующую общину, безстыжихъ монахинь, черные глаза которыхъ оглядывали мужчинъ и какъ бы проникали подъ одежду своими пренебрежительными взглядами.

Онъ замѣтилъ Росету, которая, отдѣлившись отъ одной изъ группъ, шла ему навстрѣчу. Спутницы молодой дѣвушки остались ждать другихъ работницъ, которыя работали въ различныхъ мастерскихъ и должны были выйти немного погодя.

«Паскуало возвращается домой? Отлично. Такъ они могутъ идти вмѣстѣ».

И они отправились по дорогѣ въ Грао. Онъ, неповоротливый морякъ съ кривыми ногами, долженъ былъ ускорить шаги, чтобы не отстать отъ этой дѣвушки чертовки, умѣвшей ходить лишь очень быстро, съ граціознымъ развальцемъ, и размахивая юбкой, точно шхуна – флагомъ. Братъ хотѣлъ взять у нея корзину, чтобы помочь ей. «Да нѣтъ, спасибо! Она такъ привыкла чувствовать эту корзину на своей рукѣ, что безъ нея не сумѣетъ идти».

Еще не дойдя до Морского Моста, Ректоръ уже заговорилъ о своей лодкѣ, о «Цвѣтѣ Мая», ради котораго онъ забывалъ даже свою Долоресъ и маленькаго Паскуало.

«Завтра начинается ловля «быками», и всѣ лодки выйдутъ въ море. Всѣ увидятъ, какова его новинка! Такая чудная лодка! Наканунѣ волны стащили ее въ воду, и теперь она стоитъ въ гавани вмѣстѣ съ другими. Но какая разница! «Цвѣтъ

Мая» поневоля обращает на себя внимание, как барышня из Валенсии среди береговых растрепь. Онъ побывалъ въ городъ, чтобы докупить кое-что, не хватающее въ ея снаряженіи, и держитъ пари на дуру, что всѣ богачи Кабаньяля – судохозяева, забирающіе себѣ чистый барышъ съ ловли безъ риска собственными шкурами, – не могутъ выставить болѣе нарядной лодки».

Но такъ какъ все имѣетъ конецъ, то, несмотря на восторгъ Ректора, пришло къ концу и его повѣствованіе о совершенствахъ его лодки; и когда они добрались до Фигеть, онъ, въ свою очередь, уже слушалъ Росету, которая жаловалась на придирки надсмотрщицъ.

«Онѣ измываются надъ работницами, и если ихъ оттаскаютъ за волосы при уходѣ, то пусть пеняютъ на себя. Счастье, что Росетѣ съ матерью не много нужно; но, ахъ! сколькимъ несчастнымъ приходится работать какъ крѣпостнымъ, чтобы прокормить лѣнтя-мужа и цѣлое гнѣздо дѣтвора, поджидающей ихъ у дверей, – ртавъ, никогда не устающихъ глотать! Непонятно, что при такой нуждѣ есть еще женщины, имѣющія склонность разводить ребятъ!»

Съ полною серьезностью и сохраняя скромный видъ, недоступная бѣлокурая дѣвственница, выросшая въ грязной обстановкѣ взморья, рассказала брату скандальную исторію въ выраженіяхъ самыхъ грубыхъ, какъ женщина, которая знаетъ все; но въ ея тонѣ было столько благородства, что самыя рѣзкія слова какъ бы скользили по алымъ губкамъ, не

оставляя по себѣ ни малѣйшаго слѣда. Дѣло шло о товаркѣ по фабрикѣ, поганой шкурѣ, которая теперь не можетъ работать изъ-за сломанной руки: мужъ засталъ ее съ однимъ изъ многочисленныхъ любовниковъ и наказалъ нѣсколько сурово. «Какой позоръ! У этой мерзавки четверо дѣтей!»

Ректоръ свирѣпо улыбался «Сломалъ руку! Чортъ возьми, оно недурно! Но, пожалуй, этого еще мало. У него нѣтъ жалости къ бабамъ, которыя ведутъ себя дурно. Какъ должно быть несносно жить съ подобной женщиной! Ахъ! должно благодарить Бога, когда, подобно ему, имѣешь честную жену и спокойствіе въ домѣ!»

Ргсета бросила саркастическій взглядъ сожалѣнія.

«Дѣйствительно, Ректоръ былъ счастливъ и имѣлъ основаніе благодарить Бога!» Но иронія, которая звучала въ этихъ словахъ, была слишкомъ тонка для того, чтобъ Паскуало могъ ее понять.

Послѣдній преобразился, возмущаясь дурнымъ поведеніемъ женщины, которой онъ не зналъ, и соболѣзнуя несчастьемъ челоуѣка, чье имя даже не было ему извѣстно.

Подобныя мерзости приводятъ его въ ярость! Убиваться на работѣ, чтобы прокормить жену и дѣтей, а затѣмъ, вернувшись домой, найти невѣрную въ объятіяхъ любовника, откровенно говоря, такая штука всякаго можетъ вывести изъ себя и довести до пожизненной каторги. А въ такихъ случаяхъ кто виноватъ? Онъ безъ колебанія говоритъ: виноваты эти проклятыя быбы, которыя и на свѣтѣ-то живутъ, что-

бы губить мужчинъ, а больше ни для чего!» Но тотчасъ же онъ пожалѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко, и поправился, сдѣлавъ оговорку въ пользу Росеты и Долоресъ.

Впрочемъ, эта оговорка почти не принесла пользы, такъ какъ его сестра, видя, что разговоръ переходитъ на тему, близкую ея матери и ей самой, начала говорить съ большой горячностью, и ея нѣжный голосокъ дрожалъ отъ гнѣва. «А мужчины! Вотъ прекрасная порода! Истинные виновники, это – они. Ахъ! и она съ матерью имѣютъ полное право сказать: «кто изъ нихъ не подлець, тотъ дуракъ!..» Если женщины таковы, каковы онѣ есть, то виноваты мужчины, только мужчины. Они стараются соблазнять молодыхъ дѣвушекъ; она можетъ объ этомъ говорить по опыту, такъ какъ, будь она дура и послушай ихъ, она была бы теперь Богъ знаетъ чѣмъ. А, если онѣ замужемъ становятся дрянными, то это уже вина мужей, которые или раздражаютъ ихъ своимъ дурнымъ поведеніемъ и подають дурной примѣръ, или слишкомъ глупы, чтобы замѣтить бѣду и вовремя примѣнить лѣкарство. Стоитъ только посмотрѣть на Антонію! Развѣ Росаріи не было бы простиительно потерять себя, хоть бы ради мести за мерзкіе поступки мужа? Что касается дураковъ, она не желаетъ приводить примѣровъ. Ихъ много, даже и въ Кабаньялѣ, – мужей, виновныхъ въ томъ, что допустили до гибели своихъ жень, – и всѣ ихъ знаютъ».

Безо всякаго умысла она такъ посмотрѣла на Ректора, что тотъ, несмотря на свою простоту, какъ будто понялъ и бро-

силъ на сестру вопросительный взглядъ; но тутъ же, успокоенный слѣпымъ довѣріемъ къ женѣ, онъ удовлетворился слабымъ протестомъ противъ того, что говорила Росета. «Ну! Это все – скорѣе сплетни, чѣмъ правда. У здѣшнихъ людей злые языки. Они разсуждаютъ о супружскихъ дѣлахъ крайне лѣгкомысленно, находятъ поводъ къ смѣху въ вѣрности жены и въ чести мужа, издѣваются самымъ жестокимъ образомъ надъ семейнымъ миромъ, но, въ сущности, это – пустые разговоры безо всякаго желанія обидѣть.» «Имъ не достаеъ образованія», какъ отлично выразился священникъ, донъ Сантіаго. Даже самъ Паскуало, если бы захотѣлъ обращать вниманіе на ихъ болтовню, развѣ не имѣлъ бы повода сердиться? Развѣ не осмѣлились они дѣлать злостныя предположенія о Долоресъ и подпускать намеки ему самому, на взморѣ въ Кабаньялѣ? И на кого, великій Боже? Нельзя повѣрить! На Антоніо, на его брата! Ну, вотъ! Все, что можно сдѣлать, это – посмѣяться! Статочное ли дѣло, чтобы, при такой хорошей женѣ, кто-нибудь пришелъ охотиться въ его владѣніяхъ, и чтобы этимъ браконьеромъ былъ именно Антоніо, тотъ Антоніо, который почитаетъ Долоресъ, какъ родную мать?!»

И Ректоръ, хотя ему досадны были эти сплетни, смѣялся при воспоминаніи о нихъ съ тѣмъ выраженіемъ презрѣнія и вѣры, какое бываетъ у крестьянъ, если при нихъ отрицають чудеса ихъ деревенской Богородицы.

Росета замедлила шагъ. Она посмотрѣла на Паскуало сво-

ими глубокими большими глазами, какъ бы сомнѣваясь въ искренности этого смѣха. Но нѣтъ, сомнѣніе невозможно: смѣхъ былъ непритворенъ. Простофиля былъ непроницаемъ для подозрѣній. Это ее разозлило; инстинктивно, не отдавая себѣ отчета въ причиняемомъ злѣ, она сболтнула то, что просилось у нея съ языка. «Да, она стоитъ на своемъ всѣ мужчины, безъ исключенія, – негодяи или дураки!» И ея взглядъ устремился на брата, ясно показывая, что онъ причисленъ ко второй категоріи.

Тогда этотъ первобытный человѣкъ началъ понимать. «Дураки?.. И онъ тоже, можетъ быть?.. Развѣ Росета знаетъ что-нибудь?.. Тогда она должна сказагь... сказать прямо...»

Они дошли до полпути, гдѣ крестъ; и тутъ на нѣсколько минутъ остановились. Ректоръ былъ блѣденъ и покусывалъ свой толстый палець: палець моряка, широкій, мозолистый, со стертými ногтями.

«Да, она должна сказать прямо!»

Но Росета не говорила. Она видѣла сильное возбужденіе брата, которое встревожило ее. Она боялась, не зашла ли слишкомъ далеко; совѣсть ея, какъ честной дѣвушки, возмущилась, и, при видѣ блѣдности и суровости на этомъ, обыкновенно простодушномъ и добромъ, лицѣ, она упрекнула себя.

Поэтому она почти взяла назадъ свои слова.

«Нѣтъ, нѣтъ, она не знаетъ ничего. Сплетни, не болѣе... Но все же, чтобы не дать людямъ болтать, Паскуало долженъ бы заставить Антоніо ходить къ нему не такъ часто».

Ректоръ слушалъ ее, наклонившись къ водопроводу, у креста, и поглощалъ всю воду, вытекавшую изъ крана, какъ будто бы недавнее волненіе загло огонь въ его груди. Послѣ этого онъ пустился въ путь съ мокрымъ ртомъ, вытирая губы своими мозолистыми руками.

Но добродушіе еще разъ одержало побѣду.

Нѣтъ, никогда не поступитъ онъ такъ дурно съ Антоніо. Развѣ бѣдный мальчикъ виноватъ, что люди такъ наглы? Кромѣ того, запереть передъ нимъ двери, это – желать его гибели: если онъ сталъ теперь сколько нибудь смиренѣе, то именно благодаря добрымъ совѣтамъ Долоресъ, бѣдняжки, крторую такъ многіе ненавидятъ изъ зависти, только изъ зависти.

И, въ злобѣ на враговъ Долоресъ, онъ подчеркнулъ свое сужденіе жестомъ, которымъ какъ бы ставилъ и Росету въ число завистницъ.

«Но пусть болтають до устали. Онъ, все же, очень спокоенъ и плюетъ на всѣхъ... Антоніо для, него – сынъ. Онъ помнитъ, будто вчера, то время, когда онъ служилъ нянькой этому мальчугану, когда спалъ съ нимъ рядомъ въ каютѣ старой лодки, стараясь занять поменьше мѣста, чтобы тому было просторно на постели. Какъ такъ? Развѣ такія воспоминанія забываются легко? Забываются только счастливые дни! Вылетаютъ изъ памяти пріятели, съ которыми пьешь и поешь въ кабачкѣ, а съ кѣмъ вмѣстѣ голодалъ, чортъ возьми! того не забудешь! Бѣдный Антоніо! Ректоръ рѣшилъ сдвинуть съ

мели этого несчастнаго, достойнаго жалости, и не уймется, пока не сдѣлаеть его хорошимъ человѣкомъ. Что вообразила себѣ Росета? Ахъ, онъ, въ самомъ дѣлѣ, дуракъ; зато сердцу его даже тѣсно въ груди!»

И онъ колотилъ себя въ могучую грудь, которая гудѣла какъ барабанъ.

Затѣмъ братъ и сестра шли болѣе десяти минутъ, не обмѣнявшись ни словомъ, Росета сожалѣла, что затѣяла этотъ разговоръ; Паскуало, опустивъ голову и задумавшись, порою хмурилъ брови и сжималъ кулаки, будто боролся съ какою то дурною мыслью.

Вотъ они дошли до Грао и вступили въ тѣ улицы, что ведутъ къ Кабаньялю. Тутъ Паскуало, наконецъ, заговорилъ, явно чувствуя потребность излить душу, высказать сокровенныя и мучительныя мысли, отъ которыхъ морщился его лобъ.

«Словомъ, главное въ томъ, что эти рѣчи – только людскія выдумки. Потому что, если бы онѣ когда-нибудь подтвердились, чортъ возьми! Тутъ еще не знаютъ, каковъ Ректоръ! Есть минуты, когда онъ самъ себя боится... Да, конечно, онъ – человѣкъ миролюбивый и ненавидить ссоры; часто на взморѣ онъ отказывается отъ своихъ правъ, потому, что онъ – отецъ и не хочетъ слыть забіякой. Но пусть не смѣютъ трогать его добра: денегъ и жены!.. Онъ до сихъ поръ съ ужасомъ вспоминаеть, какъ, на пути изъ Алжира, ему прошло въ голову, если таможенная шлюпка настигнетъ его, стать у

мачты съ ножомъ въ рукѣ и убивать, убивать до тѣхъ поръ, пока его самого не свалятъ на тюки, составляющіе все его богатство. А что касается Долоресъ, то порою, видя, какъ она красива и привлекательна, съ ухватками барыни, что къ ней такъ идетъ, онъ себѣ говорилъ, (отчего не сознаться?), онъ себѣ говорилъ, что, можетъ быть, кому-нибудь удастся ее отнять у него; и, тогда, чортъ возьми!.. тогда онъ чувствовалъ желаніе задушить ее и броситься затѣмъ по улицамъ, кусая всѣхъ, какъ бѣшеная собака... Собака – вотъ что онъ такое: добрая, смиренная собака; но разъ онъ взбѣсится, то уничтожить всѣхъ, если его не убьютъ до тѣхъ поръ... Пусть его оставятъ въ покоѣ, пусть не трогаютъ его счастья, которое онъ приобрѣлъ и поддерживаетъ трудомъ».

И Ректоръ, размахивая руками, пристально смотрѣлъ на сестру, какъ будто Росета собиралась похитить у него Долоресъ. Потомъ, вдругъ, онъ сдѣлалъ движеніе, будто просыпаясь, и на его лицѣ отразилось сожалѣніе, которое испытываешь, когда боишься, не наговорилъ ли лишняго въ минуту возбужденія.

Присутствіе сестры его стѣсняло, и онъ поспѣшилъ разстаться съ нею. Пока она шла къ старой лодкѣ съ порученіемъ кланяться матери отъ Паскуало, послѣдній направлялся домой.

Впродолженіе всей ночи у Ректора оставалось непріятное впечатлѣніе отъ этой встрѣчи и онъ не могъ сомкнуть глазъ. Но, утромъ, когда пришли матросы «Цвѣта Мая» за прика-

заніями для перраго отплытія, онъ забыль обо всемъ. Антоніо былъ тутъ же, у него на глазахъ; но это ничуть его не смущало.

Такое свое настроеніе онъ счель вѣрнымъ доказательствомъ лживости всѣхъ сплетень: такъ какъ его сердце ему ничего не говоритъ, то, навѣрно, ничего и не было.

И съ обычнымъ хладнокровіемъ онъ сталъ дѣлать распоряженія, касавшіяся завтрашняго отплытія. «Цвѣтъ Мая» долженъ былъ плыть въ парѣ съ другою лодкою, взятою внаймы. Если Господь пошлетъ ему успѣхъ, то вскорѣ явится возможность построить вторую, и тогда у него будетъ своя «пара».

Въ экипажѣ находился матросъ, котораго Ректоръ слушался, какъ древняго оракула: дядя Баптисть, самый старый морякъ во всемъ Кабаньялѣ, олицетворявшій собою семьдесятъ лѣтъ жизни на морѣ и опытность трехъ четвертей вѣка или около того; заключенная въ его темную пергаментную кожу, эта опытность, въ формѣ практическихъ совѣтовъ и морскихъ пророчествъ, выходила наружу изъ его чернаго рта, пропахшаго сквернымъ табакомъ.

Хозяинъ нанялъ его не ради услугъ, которыя могли оказать на морѣ его слабыя руки, а ради точнаго знанія берега, чѣмъ и славился старикъ.

Начиная съ мыса св. Антоніо и до мыса Канета, на огромномъ пространствѣ залива не было ни одного подводнаго камня, ни одной ямы, которыхъ не зналъ бы дядя Баптисть.

Ахъ! если бы онъ могъ превратиться въ эспарелло¹⁷, онъ плавалъ бы по дну, не заблудившись! Поверхность моря, загадочная для всѣхъ, для него была точно книгой, по которой онъ легко разбиралъ все, что было подъ нею. Сидя на палубѣ, онъ, казалось, чувствовалъ самыя легкія неровности подводной почвы; и быстрога взгляда ему было достаточно, чтобы опредѣлить, находится ли лодка надъ глубокими грядами водорослей, или на Фанчѣ, или на таинственныхъ пригоркахъ, прозванныхъ Педрускетами, которыхъ избѣгаютъ рыбаки изъ боязни изорвать въ лохмотья сѣти, цѣпляя ими за утесы.

Онъ умѣлъ ловить рыбу въ извилистыхъ подводныхъ закоулкахъ, между Конфитомъ, Казаретомъ и Эспіокой; по этому лабиринту онъ протаскивалъ сѣть, ни разу не задѣвъ за опасные выступы и не набравши въ нее водорослей, покрывающихъ дно и ни на что не нужныхъ.

А въ темныя ночи, когда ничего не видно въ трехъ шагахъ отъ лодки, когда весь свѣтъ маяковъ, до одинаго луча, поглощается густымъ туманомъ, стоило ему только попробовать на языкъ тину съ сѣтей, чтобы назвать съ полной увѣренностью мѣсто, гдѣ находится лодка. Чортъ, а не человѣкъ! Можно было подумать, что онъ прожилъ свои семьдесятъ лѣтъ подъ водой, вмѣстѣ съ краснобородками и осьминогами.

Сверхъ того, онъ зналъ множество вещей, не менѣе по-

¹⁷ Родъ маленькой рыбы.

лезныхъ: напримѣръ, что кто отправляется на рыбную ловлю въ День Всѣхъ Святыхъ, тотъ рискуеть вытащить въ сѣтяхъ мертвеца; а кто всегда помогаетъ по праздникамъ нести на плечахъ Св. Крестъ изъ Грао, тотъ никогда не можетъ утнуть. Вотъ почему онъ самъ, хотъ и прожилъ семьдесятъ лѣтъ на морѣ, сохранился такъ хорошо. Съ десяти лѣтъ у него бывали мозоли подъ мышками отъ натягиванія парусовъ. И онъ не только рыбачилъ, а плавалъ разъ двѣнадцать въ Гавану, да не какъ теперешніе вѣтрогоны, которые считаютъ себя моряками потому, что служили въ лакеяхъ или въ чернорабочихъ на океанскомъ пароходѣ величиною съ городъ, а на записанныхъ въ матрикулы фелукахъ, смѣлыхъ посудинкахъ, возившихъ на Кубу вино, а оттуда сахаръ, и принадлежавшимъ почтеннымъ шкиперамъ въ плащахъ и высокихъ шляпахъ; и скорѣй настало бы свѣтопреставленіе, чѣмъ оставили бы судно безъ лампадки, зажженной передъ снимкомъ съ Распятія въ Грао, или забыли бы помолиться по четкамъ передъ заходомъ солнца! «Теперь ужъ не тѣ времена. Прежде люди были лучше».

И дядя Батистъ, шевеля всѣми морщинами своего лица и своей почтенной козлиной бородкой, осуждалъ теперешнее безбожіе и гордость, не пропуская въ своей рѣчи ни одного изъ обычныхъ матросскихъ ругательствъ и повторяя: — А мнѣ начхать на это и на остальное!

Ректоръ слушалъ его съ удовольствіемъ. Онъ видѣлъ въ этомъ старикѣ сходство со своимъ старымъ хозяиномъ, Бор-

раской; когда же Батистъ говорилъ, то напоминалъ ему отца. Остальные люди экипажа, т. е. Антонію, два матроса и юнга дразнили старика; бѣсили его, увѣряя, что онъ болѣе не годенъ ловить рыбу и что священникъ уже приготовилъ ему мѣсто пономаря. «Чортъ возьми! Они увидятъ, на что онъ годенъ, когда будутъ въ морѣ: тогда ужъ ему не разъ доведется назвать ихъ трусами!»!

На слѣдующій день весь кварталъ лачугъ волновался. Въ этотъ вечеръ спускались на воду «быки», чтобы увезти мужчинъ на заработки.

Ежегодно повторялась эта мужская эмиграція, но, несмотря на это, большинство женщинъ не могло подавить нѣкоторой тревоги при мысли о безпокойствѣ и ужасѣ, которые имъ предстояли въ отсутствіе мужей.

Судохозяева были очень заняты послѣдними приготовленіями. Они приходили въ гавань осматривать свои суда, приводили въ движеніе блоки и снасти, поднимали и опускали реи, заглядывали въ глубину трюма, провѣряли запасы парусовъ и канатовъ, считали корзины и приказывали еще разъ проглядѣть сѣти.

Послѣ этого они несли свои документы въ канцелярію намѣстника, чтобы гордые и хмурые чиновники удостоили ихъ засвидѣтельствовать.

Когда около полудня Ректоръ пошелъ завтракать, онъ нашелъ у себя въ кухнѣ синюю Тону, которая со слезами на глазахъ говорила съ Долоресъ. У старухи лежалъ на колѣняхъ

большой узелъ; замѣтивъ сына, она обратилась къ нему съ упрекомъ:

«Такъ не годится! Отецъ не долженъ такъ поступать! Бабушка только что узнала, что маленькій Паскуало, ея внукъ, отплываетъ на «Цвѣтъ Мая» ради морской выучки, въ качествѣ «кошки». Развѣ это благоразумно? Дитяти восемь лѣтъ, – ему бы еще грудь сосать, или, по крайней мѣрѣ, играть въ кабачкѣ около бабушки, – и его берутъ на море, какъ мужчину, изнурять трудами и подвергать Богъ знаетъ чему! Нѣтъ, – о Господи! – она этого не позволитъ. Нечего ребенку переносить такую муку; и если молчитъ мать, а отецъ затѣялъ такую жестокость, – такъ ладно! тогда будетъ спорить бабка! Она возьметъ къ себѣ ребенка, чтобы не допустить такого преступленія»...

– Пойдемъ, Паскуало, тебя зоветъ бабушка!

Но чертенокъ шалунъ, наряженный въ свой новый желтый фланелевый костюмъ, босой для пушяго изящества, въ поясѣ, обвивавшемъ его станъ до самой груди, въ черной шапкѣ набекрень, въ раздутой шаромъ блузѣ, важно расхаживалъ, подражая внушительному виду дяди Santera и дѣлая гримасы бабушкѣ, въ отместку за обиду, которую она ему наносила этими трусливыми просьбами. «Нѣтъ, онъ не желаетъ больше играть на взморѣ. Онъ – мужчина и хочетъ плавать въ морѣ вторымъ «кошкою» на «Цвѣтъ Мая».

Родители смѣялись дерзостямъ ребенка. «Что за чертенокъ!..» Ректоръ былъ радъ зацѣловать его до полусмерти.

Бабушка плакала, какъ будто уже видѣла своего внука умирающимъ. Но отецъ взмутился. «Скоро ли она перестанетъ выть? Послушавъ ее, можно подумать, что этого малыша убиваютъ! Что особеннаго въ этомъ рѣшеніи? Паскуало будетъ морякомъ, какъ его отецъ и всѣ предки. Не предпочитаетъ ли синья Тона, чтобы онъ сталъ бродягой? Онъ же, Паскуало, хочетъ, чтобы его сынъ былъ честнымъ и трудолюбивымъ, чтобъ онъ не боялся моря, благодаря которому люди зарабатываютъ себѣ хлѣбъ. Если, умирая, отецъ оставить сыну на прожитокъ, тѣмъ лучше: тогда мальчику не будетъ нужды подвергать себя опасности; но, по крайней мѣрѣ, онъ узнаетъ, что такое лодка, и его нельзя будетъ надуть... Конечно, случаются иногда несчастія; но развѣ можно вообразать, что всѣ рыбаки непременно тонутъ, только потому, что утонулъ покойный мужъ синьи Тоны?!»

— Да, ну-же, ну, перестаньте и не смѣшите насъ!

Но синья Тона не умолкала. «Въ нихъ во всѣхъ сидитъ дьяволь. Это проклятое море завлекаетъ ихъ, чтобы истребить все семейство. Старуха мать не спитъ совсѣмъ. Ахъ! если бы она имъ рассказала объ ужасныхъ снахъ, которые видитъ по ночамъ. Она уже достаточно страдаетъ, когда думаетъ объ опасностяхъ, которымъ подвергается ея сынъ; и, теперь, какъ будто этого мало, должна дрожать еще за внука... Нѣтъ, нѣтъ, она не можетъ согласиться на такую штуку! Они такъ поступаютъ, чтобы уморить ее горемъ. Ахъ! если бы она ихъ такъ не любила, то перестала бы пускать къ себѣ на гла-

за».

Ректоръ, равнодушный къ плачу матери, сѣлъ за столъ къ дымящейся кастрюль: «Старушечьи страхи! Ну, Паскуало, садись ъсть!»

Чтобы покончить съ этимъ хныканьемъ, онъ спросилъ, что у матери въ узлѣ.

Синья Тона снова начала плакать: «Очень печальная вещь для подарка! Въ прошлую ночь, когда заботы разогнали у нея сонъ, она собрала всѣ свои сбереженія, – пустяки, конечно, – чтобы сдѣлать подарокъ сыну. Вотъ она и принесла этотъ подарокъ: спасательный поясъ, который купила черезъ одну знакомую у машиниста одного англійскаго парохода».

И она показала что-то въ родѣ огромнаго панциря изъ пробковыхъ полосъ, который складывался съ особенной гибкостью.

Ректоръ смотрѣлъ, улыбаясь. «Вотъ это хорошо! Какихъ чудесъ не выдумываютъ! Онъ слыхалъ объ этихъ поясахъ и радъ имѣть такой, хотя плаваетъ, какъ тунецъ, безо всякихъ снарядовъ».

Восхищаясь подаркомъ, какъ ребенокъ, онъ бросилъ завтракъ и хотѣлъ тотчасъ-же примѣрить поясъ, забавляясь этою толстою оболочкою, которая придавала ему видъ тюленя и стѣсняла дыханіе.

«Большое спасибо! Съ этимъ невозможно утонуть; зато непременно задохнешься... Синья Тона можетъ быть спокойна: онъ возьметъ поясъ съ собою въ лодку». И онъ броси-

ль на полъ пробковый панцырь. Ребенокъ схватилъ его тотчасъ же, укутался въ него съ большимъ трудомъ такъ, что снаружи торчали тоіько голова и конечности, и сдѣлался похожимъ на черепаху, заключенную въ свой щитъ.

Послѣ завтрака пришелъ Антоніо. У него была перевязана рука. «Этимъ же утромъ его ударили». Онъ сообщилъ объ этомъ такимъ тономъ, что братъ, боясь быть нескромнымъ, не сталъ его спрашивать: этотъ полоумный, навѣрно, опять напроказилъ, затѣялъ глупую ссору въ кабацѣ.

Антоніо прибавилъ, что съ помятой рукой онъ бесполезенъ на лодкѣ. Лучше оставить его на берегу; черезъ два-три дня Паскуало возьметъ его съ собою, такъ какъ онъ надѣется, что тогда будетъ въ состояніи приняться за работу.

Пока Ректоръ отвѣчалъ съ большимъ спокойствіемъ, сильно жалѣя брата за невозможность принять участіе въ первомъ плаваніи «Цвѣта Мая», Антоніо и Долоресь, опустивъ головы, избѣгали смотрѣть другъ на друга, какъ будто имъ было стыдно.

Послѣ полудня начали сниматься съ якоря.

По крайней мѣрѣ около сотни лодокъ, стоя въ два ряда противъ мола, наклоняли свои мачты, какъ отдающій честь эскадронъ улановъ, непрерывно и граціозно качаясь на водѣ. Эти маленькія суда съ тяжелыми очертаніями древнихъ галеръ, напоминали о морскихъ силахъ Арагоніи, о тѣхъ флотиліяхъ изъ лодочекъ, съ которыми Рожеръ де Лорія наводилъ ужасъ на Сицилію.

Рыбаки приходили кучками, съ мѣшками за спиною, съ рѣшительнымъ видомъ, какъ тѣ вооруженные мужики, что собрались когда-то на Салонскомъ берегу, чтобы на такихъ же или худшихъ лодкахъ плыть завоевывать Майорку. Это массовое отплытіе на столь первобытныхъ судахъ заключало въ себѣ нѣчто легендарное, напоминавшее о мореходствѣ среднихъ вѣковъ, о тѣхъ ладьяхъ, едва завидѣвъ треугольные паруса которыхъ на небѣ, смѣющемся, какъ небо Греціи, мавры въ Андалузїи приходили въ ужась.

Все населеніе стекалось въ гавань. Женщины и дѣти бѣгали взадъ и впередъ по моламъ, отыскивая, среди хаоса мачтъ, снастей и опутанныхъ канатами лодокъ, то судно, на которомъ плыли ихъ родные. Это было ежегодное выступленіе въ морскую пустыню, на нескончаемыя опасности, ради добычи пропитанія изъ этихъ таинственныхъ глубинъ, которыя то благосклонно позволяютъ похищать свои богатства, то встаютъ и наказываютъ смѣльчаковъ.

По наклоннымъ доскамъ, перекинутымъ съ мола на лодки, проходилъ босыми ногами, въ желтыхъ штанахъ, съ загорѣлыми лицами, весь несчастный людъ, который родится и умираетъ на берегу этого моря, не зная ничего, кромѣ его сильней безпредѣльности; народъ, озвѣрѣвшій отъ непрерывныхъ опасностей, обреченный на насильственную смерть для того, чтобы на сушѣ другія существа, сидя передъ узорчатой скатертью, могли любоваться розовыми креветками, точно бездѣлками изъ коралла, и вздрагивать отъ жадности при

видѣ вкуснаго мерлана, плавающаго въ аппетитномъ соусѣ. Голодь шель навстрѣчу опасности, чтобы угодить изобилію.

Уже спускались сумерки. Послѣдніе москиты лѣта, раздутые и огромные, жужжали въ воздухѣ, насыщенномъ теплымъ свѣтомъ, и сверкали, какъ золотыя блески. Море ровное, спокойное, какъ бы сливалось съ небомъ на горизонтѣ; и тамъ, на неясной линіи, ихъ раздѣлявшей, смутно маячила вершина Монго, подобная пловучему острову.

Сборы все шли. Суда не переставали поглощать людей, и еще людей.

Женщины съ одушевленіемъ говорили о погодѣ, о ловлѣ рыбы, на обиліе которой надѣялись, о наступающей рабочей порѣ, которая должна была доставить имъ много хлѣба. Юнги вразсыпную скакали по молу босикомъ, воняя дегтемъ, посланные съ послѣдними приказаніями хозяевъ: погрузить сухари, захватить боченокъ съ виномъ...

Вотъ уже близилась ночь; всѣ экипажи были на лодкахъ: болѣе тысячи человѣкъ. Для отплытія изъ гавани не доставало только одного: чтобы чиновники кончили регистрацію бумагъ, и толпа, собравшаяся на молахъ, выходила изъ терпѣнія, какъ при отсрочкѣ ожидаемаго зрѣлища.

При отплытіи барокъ соблюдался обычай, незабываемый никогда. Съ незапамятныхъ временъ все населеніе собиралось, чтобы весело издѣваться надъ тѣми, кто плыль рыбачить на «быкахъ». Нестерпимыми насмѣшками, язвительными колкостями обмѣнивались между собою молъ и суда,

когда послѣднія переплывали проливъ: все это – такъ себѣ, безъ злого умысла, единственно въ силу обычая и потому, что забавно сказать что-нибудь этимъ простякамъ, плывшимъ за рыбой совершенно спокойно, а женътооставивши однихъ.

Этотъ обычай такъ вкоренился, что сами рыбаки готовили заранѣе и брали на лодку корзины съ камнями, чтобы отвѣчать на дерзкое прощаніе булыжными залпами. Это была грубая комедія, обычная на средиземномъ побережьи, гдѣ постоянно, съ полною безмятежностью, всѣ шутники прохаживаются насчетъ покладистыхъ мужей и невѣрныхъ женъ.

Была уже ночь. Рядъ фонарей, шедшій вдоль моловъ, загорался, образуя гирлянду огней. Переливчатая струйки свѣта трепетали на спокойныхъ водахъ гавани, а судовые фонари блистали на верхушкахъ мачтъ, какъ зеленя и красныя звѣзды. Небо и море принимали общую пепельную окраску, на фонѣ которой предметы казались черными пятнами.

– Вонъ они! Вонъ они!

У взморья распускались паруса, сквозь которые, какъ сквозь развернутые куски крепа или нѣжныя крылья большихъ ночныхъ бабочекъ, видны были огни порта.

Всѣ береговые оборванцы собрались на оконечностяхъ моловъ, чтобы привѣтствовать отъѣзжавшихъ. «Иисусе! какое будетъ веселье! но нужно стать подъ защиту, чтобы не получить удара камнемъ».

Первая пара «быковъ» вышла медленно, подъ слабымъ

вѣтромъ; обѣ лодки покачивали носами, какъ лѣнвые быки прежде, чѣмъ побѣжать! Несмотря на мракъ, всѣ узнавали, чья пара и кто на ней.

– Прощайте! – кричали жены матросовъ. – Счастливаго пути.

Но голытьба уже подняла громкій и ругательный вопль.

– Слушайте! Что за злые языки! – Но сами оскорбляемыя женщины, стоявшія позади забавлявшихся повѣсь, надрывались отъ смѣха, когда вылетало удачное словцо. Это былъ карнаваль, со всей своей вольной откровенностью, мѣшающей правду съ ложью.

«Бараны! Хуже барановъ! Идутъ рыбачить, ничуть не безпокоюсь, а жены-то – однѣ! Священникъ составитъ имъ компанію. Бэ! Бэ – э! Му – у!»

Они подражали реву быковъ среди шумнаго хохота толпы, которая, по странной нелѣпости этого обычая, находила удовольствіе провожать оскорбленіями тѣхъ, кто плыль на трудъ, а можетъ быть, и на смерть, ради пропитанія своей семьи. Но провожаемые, поддерживая шутку, протягивали руки къ корзинамъ; и камни свистѣли, какъ пули, ударяясь въ уступы, за которые прятались повѣсы.

Поднялся содомъ; толпа безъ стѣсненія шумѣла за парапетами обоихъ моловъ и выкрикивала насмѣшки каждый разъ, какъ пара лодокъ проплывала по узкому проходу. А если смолкали голоса, уже охрипши, уставши ревѣть, то вызовъ шель отъ самихъ лодокъ. Рыбакамъ не нравилось, когда ихъ

пара уплывала среди молчанія; голосъ матроса съ одной изъ лодокъ дружелюбно спрашивалъ:

— Ну, чтоже вы ничего не говорите намъ?.

Ахъ, да! тогда принимались говорить; и все чаще и громче раздавалось восклицаніе «бараны», примѣшиваясь къ вою рожковъ, въ которые трубили юнги, давая таинственные сигналы, помогающіе лодкамъ узнавать свои пары, чтобы плавать вмѣстѣ въ темнотѣ, не смѣшиваясь съ другими, идущими по тому же пути.

Долоресь стояла на одномъ изъ моловъ, не боясь камней, посреди кучки ругателей. Ея пріятельницы держались подале, чтобы избѣжать ударовъ, и она осталась одна. Или вѣрнѣе, нѣтъ: она была не одна; къ ней тихо и съ притворною разсѣянностью подходилъ мужчина и придвинулся сзади почти вплотную.

То былъ Антоніо. Пышная красотка почувствовала на своей шеѣ дыханіе молодого человѣка, и завитки волосъ на ея затылкѣ задрожали отъ его горячихъ вздоховъ. Она обернулась, ища въ темнотѣ его глазъ, которые сверкали жаднымъ пламенемъ, и улыбнулась, счастливая его нѣмымъ обожаніемъ. Она ощутила скользившую вдоль ея стана тревожную и ловкую руку, ту самую завязанную руку, которую нѣсколько часовъ назадъ, по его словамъ, нельзя было двинуть безъ ужасной боли. Взгляды обоихъ выражали одну и ту же мысль: наконецъ-то, у нихъ будетъ свободная ночь! Уже не мимолетное свиданіе, полное тревоги и опасности, а воз-

возможность пробыть однимъ, совершенно однимъ цѣлую ночь, да и слѣдующую, и еще другія... пока не вернется Ректоръ съ ребенкомъ. Антоніо займетъ постель брата, точно хозяинъ дома. Ожиданіе этого преступнаго наслажденія, этого прелюбодѣянія, осложненнаго обманомъ брата, кидало ихъ въ жуткос-ладострастную дрожь, заставляло ихъ прижиматься другъ къ другу, проникаться чисто-физическимъ трепетомъ, будто гнусность страсти усиливала остроту наслажденія.

Крикъ голытьбы вывелъ ихъ изъ любовнаго онѣмѣнія:

– Ректоръ! Вотъ Ректоръ! Вотъ «Цвѣтъ Мая»!

И Богъ свидѣтель! было надъ чѣмъ посмѣяться, когда раздался залпъ остротъ. Для бѣднаго Паскуало припасены были лучшіе выпады. Вопили не одни оборванцы: немногіе изъ его товарищей, оставшіеся на сушѣ, и непріятельницы Долоресъ присоединили свои голоса къ хриплому крику озорниковъ.

«Рогачь! Когда вернется на берегъ, къ нему не подойдешь: забодаетъ!»! Народъ выкрикивалъ эти и еще худшія издѣвательства съ веселымъ задоромъ, какъ бываетъ, когда знаютъ, что удары не пропадаютъ даромъ. Съ этимъ рѣчь велась уже не въ шутку: ему говорили правду, одну только правду!

Антоніо дрожаль, боясь болтливости этихъ дикарей. Но Долоресъ безстыдно и смѣло хохотала отъ души, какъ бы находя удовольствіе въ потокѣ оскорбленій, лившихся на ея толстаго пузана. Ахъ, да! Она была достойной дочерью дяди Паэлы!

«Цвѣтъ Мая» вяло подвигался между плотинъ; съ кормы

раздался веселый голос хозяина, довольнаго какъ бы заслуженною оваціею.

– Ну, что же!.. Скажите еще! скажите еще!

Этотъ вызовъ раздражилъ толпу. Сказать еще? Чтожь? Ладно! Посмотримъ, смолчить ли этотъ «барань»?!

И близко, совсѣмъ рядомъ съ Антоніо и Долоресь, раздался голосъ, отвѣтившій на приглашеніе такъ, что любовники содрогнулись: «Ректоръ можетъ рыбачить безъ тревоги. Антоніо уже около Долоресь, чтобы утѣшать ее!»

Ректоръ бросилъ румпель и выпрямился.

– Скоты! – заревѣлъ онъ – свиньи!

«Нѣтъ, это было нехорошо. Надъ нимъ пусть насмѣхаются, сколько угодно. Но задѣвать его семейство – это подло, безчестно!»

IX

Въ этомъ году Богъ особенно помогаль бѣднымъ. По крайней мѣрѣ, такъ говорили женщины изъ Кабаньяля, собравшись послѣ полудня на возморье, два дня спустя послѣ отплытія лодокъ.

Пары «быковъ» возвращались на всѣхъ парусахъ, подгоняемая попутнымъ вѣтромъ; ясная линія горизонта казалась зубчатой отъ безчисленныхъ крылышекъ, приближавшихся все по двѣ пары, точно связанные лентами голубки летѣли какъ разъ надъ водою.

Даже самыя старыя изъ мѣстныхъ рыбацкихъ не помнили такого обильнаго улова. «Ахъ! Господи! Рыба какъ будто нарочно собралась подъ водою въ кучи и терпѣливо ждала съ-тей, чтобы добровольно попасть въ нихъ, изъ желанія помочь бѣднымъ рыбакамъ».

Лодки подплывали, свернувъ паруса, и останавливались, равномерно покачиваясь въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега.

Каждый разъ, какъ подходила «пара», народъ бросался къ самымъ волнамъ; то была смѣсь неряшливыхъ юбокъ, румяныхъ лицъ, растрепанныхъ головъ. Толпа кричала, спорила, бранилась, стараясь угадать, чья это рыба. «Кошки» прыгали съ лодокъ въ воду, доходившую имъ до пояса, и образовывали длинную цѣпь изъ людей и корзинокъ; эта цѣпь двигалась

прямо къ берегу; выходя понемногу изъ спокойныхъ волнъ, пока босыя ноги не ступали на сухой песокъ; тутъ ужъ хозяйскія жены принимали рыбу и отправлялись ее продавать.

На песокъ, еще трепеща въ тростниковыхъ корзинахъ, лежало все это богатство: краснобородки со скаль, похожія на живые лепестки камелій, задыхаясь, корчили свои алыя спинки; липкіе осьминоги и волосатки крутили свои перепутанныя лапы, свертывались клубками, корёжились, издыхали; рядомъ засыпали камбалы, плоскія и тонкія, какъ подошвы башмаковъ; дрожали мягкіе, осклизлые скаты; но больше всего было креветовъ, составлявшихъ самую цѣнную часть улова и удивлявшихъ всѣхъ своимъ изобиліемъ въ этомъ году; прозрачные, какъ хрусталь, они въ отчаяніи двигали клешнями, выдѣляясь на темномъ фонѣ черноватыхъ корзинокъ своими нѣжными перламутровыми тонами.

Узкая полоса моря между берегомъ и лодками была полна людей, точно часть суши. Бѣгали съ кувшинами на плечахъ юнги, посланные экипажемъ, которому послѣ теплой и грязной воды боченковъ хотѣлось испить свѣженькой изъ Фонтана у Газа. Дѣвченки со взморья, беззастѣнчиво подоткнувши свои короткія изорванные юбки и обнаживъ шоколаднаго цвѣта ляжки, входили въ воду, чтобы лучше видѣть, а при удобномъ случаѣ и схватить какую-нибудь мелкую рыбу. А чтобы вытащить на песокъ тѣ лодки, которымъ слѣдовало пролежать завтрашній день на сушѣ, въ море шли волны Общества Рыболововъ: великолѣпные звѣри, бланжевые

и бѣлые, огромные, какъ слоны, тяжеловѣсно величавые въ движеніяхъ, качавшіе жирными подбрудками съ гордостью римскихъ сенаторовъ.

Этими животными, которыя тонули въ песокъ копытами и однимъ движеніемъ своихъ чудовищныхъ лбовъ сдвигали самыя тяжелыя лодки, распорядился Чепя, хилый и сухопарый горбунъ съ лицомъ злобной старухи, недоносокъ, которому можно было дать и пятнадцать лѣтъ, и тридцать, закутанный въ желтый клеенчатый плащъ, изъ подъ котораго торчали темно-красныя короткія ноги, туго обтянутыя кожей, обрисовавшей съ точностью всѣ связки и очертанія скелета.

Вокругъ лодокъ, медленно близившихся къ берегу, суетился муравейникъ оборванныхъ и лохматыхъ ребятъ, которые, высунувшись на половину изъ воды, какъ nereиды и тритоны вокругъ мифологическихъ лодокъ, пронзительно визжали, чтобы имъ бросили горсть мелкой рыбы.

На взморьѣ возникъ рынокъ, гдѣ торгъ сопровождался криками, размахиваніями рукъ и ругательствами.

Жены судохозяевъ, стоя у полныхъ корзинокъ, торговались и перебранивались съ толпой торговковъ, которымъ предстояло завтра распродать эту рыбу въ Ваденсіи; установивъ цѣну за арробу¹⁸, принимались ругаться вдвое, потому что продавщица не хотѣла отдавать крупную рыбу за условленную плату, а покупательница требовала, чтобы не клали мелкой.

¹⁸ Испанскій вѣсъ въ 25 фунтовъ.

Двѣ большія тростниковыя корзины, повѣшенныя на веревкахъ, и нѣсколько крупныхъ камней служили вѣсами и гирями; и всегда находилось нѣсколько мѣстныхъ мальчишекъ, побывавшихъ въ школѣ и предлагавшихъ себя въ секретари хозяйкамъ, чтобы записывать проданное на клочкѣ бумаги.

Отъ толчковъ покупательскихъ ногъ вертѣлись полныя корзины, съ которыхъ не сводили глазъ береговые озорики. Каждая падавшая съ корзины рыба «испарялась», будто всосанная пескомъ; и добрыхъ горожанъ, пришедшихъ изъ Валенсіи полюбоваться на свѣжую рыбу, толкало и кружило въ водоворотѣ сутолоки, которая, подобно неустанно движущемуся смерчу, мѣняла мѣсто каждый разъ, какъ прибывала новая лодка.

Долоресъ была тутъ во всей своей славѣ. Много лѣтъ покупая рыбу, какъ обыкновенная торговка, она желала быть судохозяйкой, чтобы помыкать другими и величаться передъ несчастнымъ стадомъ перепродащицъ. Наконецъ, ея честолюбивые замыслы осуществились: вмѣсто того, чтобы покупать, она продаетъ; ея изящныя ноздри горделиво раздувались; она подбоченивалась среди только что принесенныхъ ей корзинокъ, между тѣмъ какъ Антоніо занимался взвѣшиваніемъ и счетомъ проданнаго.

Въ мелкой водѣ, почти касаясь дна, «Цвѣтъ Мая» ждалъ, тихо качаясь, чтобы волны втащили его на берегъ.

Ректоръ помогаль своимъ матросамъ спускать парусъ, но время отъ времени отрывался, чтобы взглянуть, какъ управ-

ляется его жена, какъ она торгуется съ рыбаками и какъ ведетъ счетъ, записываемый тотчасъ же Антонио. «Какова? Можно сказать: царица!» И бѣднякъ радовался при мысли, что его Долоресъ всѣмъ обязана ему, ему одному.

На носу торчала миниатюрная фигурка ея сына, неподвижная, точно вырѣзанная изъ дерева для украшенія лодки; ребенокъ преобразился въ настоящаго «морского волка»: былъ грязный, босой, въ рубашкѣ поверхъ штановъ, развѣвавшейся по вѣтру такъ, что виднѣлся его животикъ, темно-красный, какъ у статуэтки изъ жженой глины. А противъ лодки стояла, любясь имъ, толпа голодныхъ бродягъ побережья, оборванныхъ нищихъ, подобныхъ дикому племени, съ темнымъ оттѣнкомъ кожи, который придаетъ морской вѣтеръ, съ изсохшими членами, доказывавшими, что соленый воздухъ недостаточенъ для питанія. «Какое счастье этому Ректору! У него лодка полна креветовъ, которые продаются по двѣ «песеты» за фунтъ! Тащите, тащите!» И несчастные развѣвали рты и тарачили глаза, какъ будто видя сверкающій дождь изъ «песеть».

Чепа пришелъ съ парой своихъ могучихъ животныхъ; и «Цвѣтъ Мая», скрипя килемъ по деревяннымъ полозьямъ, началъ выдвигаться на песокъ.

Ректоръ ушелъ съ лодки и стоялъ около Долоресъ, блаженно улыбаясь ея подоткнутому переднику, полному монетъ, наложенныхъ въ него горстями и грозившихъ его прорвать. «Вотъ такъ денекъ! Еще нѣсколько такихъ, и вполне хватить

на прожитокъ. Кто знаетъ? Удача можетъ повториться, потому что старикъ, котораго онъ взялъ, колдовствомъ узнаеть лучшія мѣста».

Но онъ прервалъ свою восторженную рѣчь, когда взглянулъ на руки брата: повязки уже не было. «Значить Антоніо здоровъ? Тѣмъ лучше! Въ такомъ случаѣ, ему можно ѣхать съ братомъ во второе плаваніе, и онъ увидить, какъ будетъ весело! Пріятно ловить, когда сѣти наполняются почти безъ труда. Паскуало намѣренъ былъ выйти въ море завтра утромъ. Нужно воспользоваться благопріятной погодой».

Когда расторговались, Долоресь спросила Ректора, пойдетъ ли онъ домой. Но онъ и самъ не зналъ. Ему не хотѣлось оставлять лодку. Стоитъ ему повернуть спину, какъ весь экипажъ можетъ разойтись по кабакамъ, а лодка останется брошенной на этомъ берегу, гдѣ кишать грабители, всегда готовые стащить, что плохо лежитъ. Итакъ, ему необходимо пробыть тамъ, пока не заснули люди, а, пожалуй, что и всю ночь, Поэтому, если онъ не вернется къ девяти часамъ, пусть Долоресь ложится, не дожидаясь его. Антоніо же пусть простится съ Росаріей и заберетъ свои пожитки, чтобы до зари быть уже на суднѣ въ качествѣ хозяина. Паскуало не любитъ, когда опаздываютъ.

Долоресь обмѣнялась быстрымъ взглядомъ съ деверемъ, а затѣмъ попрощалась съ мужемъ. Она хотѣла увести маленькаго Паскуало. Но мальчикъ предпочель остаться съ отцомъ на лодкѣ; такимъ образомъ, судохозяйка отправилась до-

мой одна, и мужчины проводили взглядомъ ея роскошную фигуру, которая, удаляясь съ граціознымъ развальцемъ, все уменьшалась и, наконецъ, исчезла.

Антоніо пробыль у лодки до ночи, растабарывая съ дядей Батистомъ и другими рыбаками о рѣдкомъ изобиліи рыбы. Когда же юнга началъ готовить ужинъ, онъ ушелъ.

Ректоръ, оставшись одинъ, сталъ прогуливаться по песку взадъ и впередъ, заложивъ руки за поясъ и прислушиваясь къ шелесту своихъ непромокаемыхъ штановъ, шуршавшихъ, точно сухой пергаментъ. На берегу было темно. На палубѣ нѣкоторыхъ барокъ пылали зажженные подъ котлами костры, и мимо этихъ огней порою мелькали тѣни людей. Море, почти невидимое, выдавало себя легкимъ свѣченіемъ и нѣжнымъ рокотомъ. Издали, сквозь мракъ, доносились лай собакъ и голоса дѣтей, напѣвавшихъ заглушаемую разстояніемъ пѣсню. То были юнги, шедшіе домой въ Кабаньяль.

Ректоръ смотрѣлъ на блѣдную полосу малиноваго свѣта, тянувшуюся на горизонтѣ, за рядомъ крышъ, позади которыхъ скрылось солнце. Этотъ цвѣтъ ему не нравился: морская опытность ему подсказывала, что погода ненадежна. Но это его не встревожило; онъ думалъ только о своихъ дѣлахъ, о своемъ счастьѣ.

Нѣтъ, ему нечего было жаловаться на свою судьбу. Теплое гнѣздо, хорошая жена, барыши, которые, до истеченія года, позволятъ ему построить вторую лодку, чтобы составить пару съ «Цвѣтомъ Мая», и ребенокъ, вполне достойный его,

выказывающій даже теперь великую страсть къ морю и со временемъ могущій стать главнымъ судохозяиномъ въ Кабальнѣ.

«Слава Богу, онъ можетъ считать себя самымъ счастливымъ изъ смертныхъ, хотя совсѣмъ не похожъ на того сказочнаго счастливца, у котораго не было даже рубашки; у него ихъ много, больше дюжины, и есть вѣрный кусокъ хлѣба на старость».

Повеселѣвши отъ размышленія о своемъ счастьѣ, онъ ускорилъ свои тяжелые шаги и радостно потирапъ руки, когда замѣтилъ въ недалекомъ разстояніи медленно приближающуюся тѣнь. Это была женщина, по всей вѣроятности нищая, ходившая отъ лодки къ лодкѣ, Христовымъ именемъ прося рыбаго брака. «Великій Боже! Сколько на свѣтѣ несчастныхъ!» Ощущеніе личнаго счастья возбуждало въ немъ желаніе раздѣлить его со всѣми: онъ поймалъ конецъ своего пояса, куда аккуратно было завязано нѣсколько песеть и мелочь.

– Паскуало! – прошептала женщина голосомъ нѣжнымъ и робкимъ. – Паскуало, ты?

Иисусе Христе! Какъ же онъ обознался! Вѣдь эта женщина была Росарія, его невѣстка. Онъ сказалъ, что, если она пришла за мужемъ, то напрасно, такъ какъ Антоніо уже давно ушелъ и, должно быть, дома ждетъ ее ужинать.

Но когда радостно настроенный Ректоръ узналъ, что она пришла не за Антоніо, то смутился. «Что же ей здѣсь нуж-

но? Хочетъ ему что-то сказать?» Онъ удивился этому ея желанію, потому что не имѣлъ рѣшительно никакихъ сношеній съ женою своего брата и не понималъ, зачѣмъ онъ ей понадобился.

Скрестивъ руки и глядя на свою лодку, гдѣ маленькій Паскуало съ другимъ «кошкою» прыгали вокругъ котла, поставленнаго на огонь, онъ ждалъ словъ отъ этой тѣни, стоявшей съ опущенной головой, какъ бы во власти непобѣдимой робости.

«Ну, что же? Пусть говорить: онъ слушаетъ.»

Росарія, какъ бываетъ, когда хочешь скорѣе кончить и высказать все сразу, энергично подняла голову; она смотрѣла въ глаза Ректора глазами, сверкавшими таинственнымъ блескомъ.

«Она хочетъ ему сказать, что принимаетъ къ сердцу честь семьи. Она не въ силахъ долѣе сносить того, что дѣлается. Ректоръ и она стали посмѣшищемъ всего Кабаньяля».

«Какъ? Посмѣшищемъ? Онъ? По какому же поводу смѣются надъ нимъ? Онъ – не обезьяна и не видитъ причины для насмѣшекъ».

– Паскуало, – сказала Росарія совсѣмъ тихо, съ удареніемъ, рѣшившись высказать все, – Паскуало, Долоресъ тебя обманываетъ.

«Что? Его жена его обманываетъ?..» Онъ склонилъ на минуту свою толстую голову, какъ быкъ при ударѣ дубиною. Но вдругъ наступила реакція: въ немъ нашлось достаточно вѣ-

ры, чтобы дать отпоръ самымъ сильнымъ ударами.

– Вранье! вранье! Ступай прочь, змѣиный языкъ!

Не будь настолько темно, лицо Ректора, пожалуй, привело бы Росарию въ ужасъ. Онъ топоталъ ногами, какъ будто клевета исходила изъ земли и онъ хотѣлъ ее растоптать; грозно размахивалъ руками и произносилъ слова неясно, будто приступъ ярости защемилъ ихъ у него въ горлѣ.

«Ахъ! злая шкура! Неужели она думаетъ, что онъ ее не знаетъ?.. Зависть все, только зависть! Она ненавидитъ Долоресъ и лжетъ, чтобы ее погубить... Не довольно ли того, что она не въ состояннн прибрать къ рукамъ бѣднаго Антоніо? Ей нужно еще стараться обезчестить Долоресъ, которая, буквально, святая! Да, Господи, святая!.. И Росарія не стоитъ даже ея подметки!»

– Убирайся, – ревѣлъ онъ. – Убирайся, а то убью!..

Но, несмотря на угрозы, которыми сопровождался приказъ убираться, Росарія не двигалась, какъ будто рѣшившись на все; она даже не слыхала криковъ Ректора.

– Да, Долоресъ тебя обманываетъ, – повторяла она съ отчаяннымъ упорствомъ. – Она обманываетъ тебя, и обманываетъ съ Антоніо.

– Ахъ, такъто тебя и растакъ! Ты еще смѣешь путать сюда и моего бѣднаго брата?

Негодование душило его; подобная клевета была невыносима, и въ своемъ гнѣвѣ онъ только и могъ, что повторять:

– Ступай, Росарія! Ступай прочь, не то убью!..

Но онъ повторялъ это такъ грозно и, схвативъ за руки невѣстку, трясъ ее съ такимъ бѣшенствомъ и дергалъ такъ грубо, что несчастная женщина, объятая страхомъ, кое-какъ высвободила руки и собралась бѣжать. «Она пришла, чтобы оказать деверю услугу, чтобы прекратить насмѣшки надъ нимъ; но разъ онъ этого хочетъ, пусть остается въ дуракахъ».

– Болванъ! Баранъ рогатый!

И, бросивъ эти два ругательства въ видѣ презрительнаго прощанія, она убѣжала, оставивъ Ректора въ изумленіи, со скрещенными руками.

– Ахъ! Стерва! Какъ жалко брата, что у него такая жена! – Сила собственнаго негодованія была ему пріятна. Завистница досталось подѣломъ. – Пусть-ка сунется еще со своими ябедами!..

И онъ ходилъ по песку, смоченному волнами, иногда вдругъ чувствуя воду въ своихъ толстыхъ башмакахъ.

Да, вспоминая силу своего гнѣва, онъ пыхтѣлъ отъ удовольствія. Тѣмъ не менѣе, что-то давило ему грудь и мозгъ, переходило временами въ смутную тревогу, сжимало горло и будило въ душѣ его смертельную тоску.

Въ сущности, почему то, что сказала Росарія, не можетъ быть правдой? Антоніо былъ возлюбленнымъ Долоресъ и самъ познакомилъ ее съ Паскуало... По выходѣ ея замужъ они видѣлись очень часто: цѣлые часы проводили вдвоемъ и невѣстка принимала въ деверѣ живѣйшее участіе... Чортъ возьми! А онъ даже не догадывался, не подозрѣвалъ своего

позора!.. Ахъ! еще бы людямъ не смѣяться надъ нимъ!»

Онъ топаль съ бѣшенствомъ, сжималь кулаки и выкрикиваль тѣ страшныя ругательства, которыя бывали въ ходу лишь во время бури.

«Впрочемъ, нѣтъ, это невозможно!.. Какъ обрадовалась бы эта ехидна, если бы увидала его разозленнымъ, какъ легковѣрное дитя!.. Да, и что собственно сказала ему Росарія? Ничего: ту же сплетню, которую столько разъ ему надоѣдали на взморѣ. Только если рыбаки позволяли себѣ эту обидную шутку, такъ единственно, чтобы подразнить его и посмѣяться надъ его мрачнымъ видомъ; тогда какъ Росарія пускала клевету со злымъ намѣреніемъ внести раздоръ въ семью. Но все это – вранье. Чтобы Долоресъ нарушила свой долгъ? О! нѣтъ, это невозможно! Она такая добрая, и у нея ребенокъ, маленькій Паскуало, котораго она такъ нѣжно любить!» Чтобы основательнѣе убѣдить себя, чтобы прогнать томившую его тревогу, Ректоръ ускоряль шаги и повторяль голосомъ, такъ измѣнившимся отъ волненія, что ему самому онъ казался чужимъ:

– Враки, все враки!

Эти слова его успокоили. Онъ облегчалъ себя, повторяя ихъ; казалось, онъ хотѣль убѣдить море, мракъ, лодки, присутствовавшія при доносѣ Росаріи. Но, увы! его страданіе затаилось внутри и пока уста его повторяли: «Враки!» въ ухахъ его звенѣль какъ бы отзвукъ послѣднихъ словъ невѣстки: «Болванъ! Баранъ!»

– Нѣтъ, чортъ возьми! Что угодно, только не это!.. – И, при мысли, что Росарія могла сказать правду, онъ почувствовалъ снова ту яростную потребность истребить все, о которой говорилъ нѣсколько дней назадъ Росетъ, по дорогѣ изъ Грао; Антонио, Долоресъ, даже собственный сынъ показались ему страшными врагами.

«А почему-жъ это не могло быть вѣрно? Онъ допускалъ, что, изъ ненависти къ Долоресъ, женщина, подобная Росаріи, могла украдкой клеветать на нее сосѣдкамъ; но такое обращеніе къ самому мужу развѣ не указываетъ на отчаяніе жены, въ самомъ дѣлѣ считающей себя обманутой?»

Теперь онъ сожалѣеть, что обошелся такъ жестоко со своей невѣсткой. Не лучше ли было бы выслушать ее и вывести наружу всю ужасную правду? Увѣренность, даже при самомъ жестокомъ страданіи, лучше сомнѣнія.

– Батя! Батя! – крикнулъ веселый голосокъ съ палубы «Цвѣта Мая».

Сынишка звалъ его ужинать. Нѣтъ, Ректоръ ужинать не будетъ. До ужина ли при такомъ волненіи, которое хватается за горло и сжимаетъ грудь, какъ въ тискахъ?!..

Онъ подошелъ къ лодкѣ и сказалъ своимъ людямъ сухо и повелительно, что они могутъ ѣсть, а онъ идетъ въ городъ; если же не вернется, то пусть экипажъ ночуетъ на лодкѣ въ ожиданіи завтрашняго отплытія.

Онъ удалился, не взглянувъ на сына, и прошелъ, точно призракъ, по темному берегу, все прямо, натыкаясь иногда

на старыя лодки, погружая свои толстыя башмаки въ лужи, въ которыхъ стояла еще вода, оставленная волнами послѣдней бури.

Теперь онъ чувствовалъ себя лучше. Какъ успокоило его рѣшеніе пойти за Росаріей! Въ ушахъ уже не было того ужаснаго звона, какъ бы повторявшаго послѣднія ругательства невѣстки; мысль, завладѣвшая имъ, уже не мучила его, не дергала такъ болѣзненно мозгъ. Онъ чувствовалъ пустоту въ головѣ, но тяжесть уже не давила ему грудь; онъ ощущалъ въ себѣ поразительную легкость, какъ будто прыгаль, еле касаюсь земли, и единственное, что его стѣсняло, было удушье, точно комъ въ горлѣ, а также – солоноватый вкусъ на языкѣ, точно онъ выпилъ морской воды.

Итакъ, онъ узнаеть все, все! Какое грустное удовлетвореніе! «Силы Небесныя! – думаль ли онъ, что ему придется ночью бѣжать, какъ сумасшедшему, къ лачугѣ брата, вдоль взморья, избѣгая большихъ улицъ, будто стыдясь встрѣтиться съ людьми?.. Ахъ! Какъ ловко всадила ему въ сердце кинжалъ эта Росарія! Какую таинственную силу имѣли слова этой злой женщины, чтобы возбудить въ немъ это неукротимое бѣшеное изступленіе?!»

Онъ повернулъ почти бѣгомъ въ переулокъ, выходившій на взморье, бѣдный рыбацій переулокъ съ карликовыми оливовами, съ тротуарами изъ утопанной земли, съ двумя рядами жалкихъ домишекъ, обнесенныхъ старыми загородками!

Онъ такъ сильно толкнулъ дверь лачуги, что дверная

створка затрещала, ударившись о стѣну. При колеблющемся свѣтѣ «кандиля»¹⁹ онъ увидѣлъ Росарію, сидѣвшую на низкомъ стулѣ, закрывъ лицо руками. Ея отчаянный видъ какъ нельзя лучше согласовался съ бѣдною обстановкою, скудною мебелью, стѣнами, на которыхъ висѣли лишь два портрета, старая гитара и нѣсколько рваныхъ сѣтей. Какъ говорили сосѣди, въ этомъ домѣ пахло голодомъ и колотушками.

На шумъ Росарія подняла голову и, узнавъ Ректора, массивная фигура котораго загораживала входъ, горько улыбнулась:

– Ахъ! Это ты!..

«Она его ждала, она была увѣрена, что онъ придетъ. Пусть видитъ: она не держитъ зла за то, что было. Увы! Въ подобномъ случаѣ, всякій поступилъ бы такъ. Она сама, когда ей въ первый разъ сказали о мужѣ дурное, не захотѣла этому вѣрить, не захотѣла слушать женщину, говорившую ей о невѣрности Аніонію, даже поссорилась съ этой женщиной. Но послѣ... послѣ она пошла къ этой сосѣдкѣ и ради Бога молила сказать правду, такъ же, какъ Паскуало теперь пришелъ къ ней послѣ того, какъ чуть не побилъ ее на взморѣ... Когда сильно любишь, это всегда такъ: сначала ярость, бѣшенство на то, что считаешь ложью; а потомъ – проклятое желаніе узнать, хотя бы узнанное разбило сердце. Ахъ! Какъ несчастны и Паскуало, и она сама!»

Ректоръ затворилъ дверь; онъ стоялъ передъ своей невѣст-

¹⁹ Жестяная лампочка, привѣшенная къ трубѣ или потолку.

кой со скрещенными руками и враждебнымъ взглядомъ. Видь этой женщины будиль въ немъ инстинктивную ненависть, которую мы испытываемъ къ убивающимъ наши иллюзіи.

– Говори, говори! – приказаль Ректоръ глухимъ голосомъ, какъ будто бесполезныя слова невѣстки раздражали его. – Говори правду!

Несчастнѣй хотѣль знать правду, всю правду; нетерпѣливость придавала ему грозный видъ, и, тѣмъ не менѣе, въ душѣ онъ дрожаль и желаль бы растянуть секунды на вѣка, чтобы безконечно отдалить тотъ мигъ, когда придется услышать разоблаченія Росаріи.

Но Росарія уже говорила.

«Хватить ли у него силы, чтобы узнать и перенести все?.. Она сдѣлаетъ ему очень больно, но она просить не возненавидѣть ее. Она тоже терпитъ казнь и если рѣшилась говорить, то лишь потому, что не можетъ больше переносить своего горя: она ненавидитъ Антоніо и свою подлую невѣстку и жалѣеть Паскуало, какъ товарища по несчастію... Такъ вотъ: да, Долоресъ обманываетъ его и не со вчерашняго дня. Преступныя сношенія завязались давно; они начались черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы Антоніо и Росаріи. Когда эта сука увидала, что Антоніо принадлежитъ другой женщинѣ, она захотѣла его; и поводомъ къ первой невѣрности Антоніо была именно Долоресъ».

– Доказательства! Дай доказательства! – кричалъ Паскуа-

ло; глаза его налились кровью и взгляды ихъ были похожи на удары.

Она сострадательно улыбалась.

«Доказательства? Онъ можетъ ихъ спросить у всѣхъ сосѣдей, которые вотъ ужъ больше года забавляются этою связью... Онъ не разсердится? Онъ хочетъ знать всю правду?.. Такъ вотъ: на взморьѣ, когда молодые матросы и даже юнги уиоминаютъ объ обманутомъ мужѣ, они говорятъ, ради преувеличенія, что онъ еще рогатѣ Ректора...»

– Ахъ, чтобъ ихъ и перечтобъ! – рычаль Паскуало, сжимая кулаки и топая по полу. – Помни, что говоришь, Росарія! Если это неправда, я тебя убью!

«Убьетъ? А жизнь ей такъ дорога?! Ей окажетъ услугу тотъ, кто отправитъ ее на тотъ свѣтъ. Одна, безъ дѣтей, живая, какъ выючная скотина, голодая изъ-за нѣсколькихъ песетъ для мужа и чтобы не быть избитой, – можетъ ли она дорожить жизнью?»

– Смотри, Паскуало, посмотри!

Отвернувъ рукавъ, она показала ему на блѣдной кожѣ, покрывавшей кости и сухожилія, нѣсколько синеватыхъ пятенъ, – слѣдовъ руки, жестокой, какъ клещи.

«И если бы это было все!.. Но она можетъ показать ему на всемъ тѣлѣ такіе знаки... Это слѣды ласкъ Антоніо, когда она упрекаетъ его за связь съ Долоресъ. Онъ разукрасилъ ее этими синяками нынче же вечеромъ, когда отправлялся на взморье, чтобы помочь своей невѣсткѣ продавать рыбу,

словно законный мужъ. Ахъ! Ну, какъ же народу не смѣяться надъ бѣднымъ Ректоромъ?»

«Ему нужны доказательства? Что-жь! Въ нихъ нѣтъ недостатка. Почему Антонио не поѣхалъ въ первое плаваніе? Что такая за рана на рукѣ, которая болѣла только, пока «Цвѣтъ Мая» не вышелъ изъ гавани? На слѣдующій день всѣ видѣли Антонио безъ обманчивой повязки. Ахъ! Бѣдный Паскуало! Пока онъ былъ на морѣ, недосыпая, переносилъ качку, и вѣтеръ, чтобы добыть хлѣбъ своей семьѣ, его Долоресъ смѣялась надъ нимъ, а Антонио спалъ въ чужой постели, какъ въ своей, тепло да сытно, и глумился надъ болваномъ-братомъ... Да, это правда, она слишкомъ хорошо знаетъ это: во все время, какъ Паскуало былъ на морѣ, Антонио ни разу не ночевалъ дома, да и сегодня не ночуетъ: онъ только что ушелъ и унесъ свой мѣшокъ, попрощавшись съ Росаріей. Антонио и Долоресъ думаютъ, что Ректоръ пробудетъ ночь на «Цвѣтъ Мая»: можетъ быть, даже въ эту минуту они лежатъ на мягкой хозяйской постели...»

– Чортъ возьми! – скорбно бормоталъ Ректоръ, поднимая лицо, какъ бы для того, чтобы обвинить тѣхъ, кто тамъ, на небѣ, допускаетъ, чтобы подобныя вещи продѣлывались здѣсь надъ честными людьми.

Все же, онъ еще не сдавался. Его прямой и добрый характеръ возставалъ противъ подобной гнусности. Въ глубинѣ души, онъ начиналъ уже вѣрить, что его невѣстка говоритъ правду; но продолжалъ кричать негодующимъ тономъ:

– Врешь! Все врешь!

Росарія стала смѣлѣе. Она вреть? Для такихъ слѣпыхъ, какъ онъ, всякаго доказательства мало... Чего онъ такъ ореть? Съѣсть ее, что ли, собирается?.. Этотъ Паскуало – кротъ, да, Господи! кротъ, достойный сожалѣнія, не видящій дальше своего носа. Всякій другой на его мѣстѣ давно бы догадался, что дѣлается. А, онъ!.. Ахъ! какое ослѣпленіе! Значить, онъ даже не посмотрѣлъ на своего сына, чтобы увидѣть, на кого похожъ малышъ?

Эта фраза была ударомъ кинжала для Ректора. Несмотря на коричневый цвѣтъ его лица, пріобрѣтенный на морѣ, онъ поблѣднѣлъ синеватою блѣдностью и покачнулся на своихъ крѣпкихъ ногахъ, какъ будто отъ внезапнаго удара; неожиданность заставила его пробормотать съ тоскою:

«Сынъ? Его Паскуало!.. На кого же онъ похожъ? Надо сказать скорѣе!.. Что же медлить эта дрянь?.. Его сынъ – таки его, родной, и долженъ быть похожъ на него одного... Надъ чѣмъ хохочетъ эта проклятая обманщица? Развѣ это такъ смѣшно называть себя отцомъ?»

Тутъ онъ съ ужасомъ выслушалъ объясненія Росаріи:

«Маленькій Паскуало удивительно похожъ на своего дядю: у него тѣ же глаза, та же стройная фигура, тотъ же цвѣтъ лица. Ахъ! Бѣдный Ректоръ! Наивный «баранъ!» Что же не посмотрѣлъ повнимательнѣе? Онъ убѣдился бы, что ребенокъ – совершенный портретъ Антоніо, какимъ тотъ въ десять лѣтъ озорничалъ на взморьѣ».

Ректоръ вдругъ пересталъ сомнѣваться. Его глаза прозрѣли, какъ будто бы въ эту минуту ему сняли катарактъ: все представилось ему необычно отчетливо, въ новыхъ формахъ, въ незнакомыхъ очертаніяхъ, какъ слѣпому, глаза котораго открылись на міръ въ первый разъ. Да, это правда. его сынъ – живой портретъ того... Много разъ при взглядѣ на мальчика у него являлось смутное подозрѣніе этого сходства; но никогда не удавалось опредѣлить, на кого похожъ ребенокъ. Онъ поднесъ стиснутыя руки ко груди, словно желая разорвать ее, вырвать оттуда что-то жгучее, затѣмъ удіриль себя кулакомъ по головѣ.

– Ахъ, такъ, растакъ и перетакъ! – простоналъ онъ хриплымъ голосомъ, ужаснувшись Росарію.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ пьяный, затѣмъ хлопнулся лицомъ объ полъ съ такою силою, что земля задрожала, и его ноги, подскочивъ при паденіи, дрыгнули въ воздухъ.

Когда Ректоръ пришелъ въ себя, онъ лежалъ на спинѣ и чувствовалъ на своихъ щекахъ тепловатое щекотаніе, будто маленькое животное бѣгало по его кожѣ, оставляя по себѣ ощущение влаги. Онъ съ трудомъ поднесъ руку къ разбитому лицу и, при свѣтѣ «кандиля», увидѣлъ, что эта рука выпачкана въ крови. Болѣлъ носъ: онъ понялъ, что, падая, ударился лицомъ объ полъ и расшибся въ кровь. Невѣстка стояла около него на колѣняхъ и старалась вымыть ему лицо мокрой тряпкой.

Ректоръ, увидѣвъ растерянное лицо Росаріи, вспомнилъ вдругъ ея разоблаченія и бросилъ на эту женщину взглядъ, полный ненависти.

«Нѣтъ, ему не нужна помощь! Онъ можетъ подняться самъ... Ей нечего извиняться за боль, которую она ему причинила... Напротивъ, онъ очень благодаренъ... Даже больше, онъ доволенъ! Такія новости никогда не забываются! И очень хорошо, что онъ потерялъ столько крови; иначе онъ, пожалуй, умеръ бы на мѣстѣ отъ удара... Ахъ! Какъ ему скверно! Но ничего: онъ еще позабавится! Ему надоѣло быть добрымъ. Зачѣмъ жить честно и натирать себѣ мозоли, чтобы дать себѣ довольство? Здѣсь на землѣ, на погибель честнымъ, есть негодяи и шлюхи, отъ которыхъ одно мученіе... Но какъ онъ позабавится! Да, въ Кабаньялѣ еще вспомнить Ректора, извѣстнаго «барана!»»

Бормоча жалобы и угрозы попеременно со вздохами и рычаніемъ, судовладѣлецъ теръ мокрой тряпкой свое разбитое лицо, какъ будто его успокаивала эта свѣжесть.

Потомъ онъ рѣшительно направился къ двери, засунувши руки за поясъ. Но Росарія въ страхѣ старалась загородить ему путь, точно безумная страсть ея пробудилась вновь и она испугалась за жизнь Антоніо.

«Нѣтъ, нѣтъ! Ректоръ долженъ погодить и дать себѣ время подумать. Какъ ни какъ, все это могутъ быть сплетни, предположенія, враки злыхъ людей. И потомъ Антоніо, вѣдь, ему братъ».

Но Ректоръ мрачно улыбнулся. Слово уже не требовалось: онъ былъ убѣжденъ. Сердце говорило ему, что все – правда, и доказательство больше не было нужно. Самый ужасъ Росаріи усиливалъ его увѣренность... «Она боится за своего Антоніо? Она его еще любитъ? Такъ и онъ тоже любитъ свою Долоресъ, несмотря на все; она сидитъ у него въ сердцѣ и ничто не вырветъ оттуда эту любовь, А между тѣмъ, Росарія увидитъ и всѣ увидятъ, на что способенъ «Паскуало-баранъ»!

– Нѣтъ, Паскуало, – молила она, стараясь схватить его могучія руки. – Подожди! Не въ эту ночь! Въ другой разъ!

Онъ хорошо понималъ причину этихъ просьбъ. Но она можетъ быть спокойна. Въ эту ночь, нѣтъ!.. Онъ даже забылъ свой ножикъ и не намѣренъ рвать подлую пару зубами... Ну же, ему надо уйти! Въ этой комнатѣ задохнешься!..

И, сильнымъ толчкомъ отстранивъ Росарію, онъ выбѣжалъ на улицу.

Когда онъ очутился въ темнотѣ, его первымъ ощущеніемъ было удовольствіе: онъ точно выскочилъ изъ печки и съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжѣвшій вѣтерокъ.

Не блистала ни одна звѣзда; небо было въ тучахъ; и, несмотря на прошедшее, Паскуало, по морской привычкѣ, посмотрѣлъ на небо, говоря себѣ, что завтра погода будетъ скверная. Затѣмъ онъ забылъ о морѣ, о грозящей бурѣ, и шелъ долго, долго, не думая ни о чемъ, инстинктивно передвигая ноги, безъ желаній, безъ определенной цѣли, прислу-

шиваясь къ тому, какъ отдаются его шаги въ его черепѣ, буд-
то въ пустомѣ.

Онъ снова сталъ безчувственнымъ, какъ тогда, когда ле-
жалъ безъ сознанія въ лачугѣ Антоніо. Онъ спалъ на ходу,
оглушенный горемъ; но эта сонливость не мѣшала ему дви-
гаться и, несмотря на бездѣятельность мозга, онъ шелъ быст-
ро, не замѣчая, что все проходитъ по тѣмъ же мѣстамъ. Его
единственнымъ ощущеніемъ было что-то вродѣ горестнаго
удовлетворенія. Какая радость – идти подъ защитой мрака,
гулять по улицамъ, по которымъ онъ не рѣшился бы пройти
при свѣтѣ дня! Тишина давала ему успокоеніе, которое ис-
пытываетъ бѣглый, очутившись, наконецъ, въ пустынь, вда-
ли отъ людей, подъ охраной уединенія.

Онъ увидѣлъ вдали полосу свѣта, паившую наземь изъ
открытой двери, – должно быть, изъ кабака, – и убѣжалъ,
дрожя и волнуясь, точно встрѣтивши опасность.

Ахъ! Если бы кто-нибудь увидаль его!.. Онъ навѣрно
умеръ бы отъ стыда. Самый послѣдній юнга обратилъ бы его
въ бѣгство.

Онъ искалъ темноты, тишины, и все ходилъ неумоимо,
равномѣрно-быстрымъ шагомъ по пустыннымъ улицамъ го-
рода, по взморью, гдѣ тоже ему казалось страшно.

«Чортъ возьми! Какъ должны были смѣяться надъ имъ
въ собраніяхъ рыбаковъ! Ужъ вѣрно всѣ старыя лодки зна-
ютъ объ этомъ и, если скрипятъ, то чтобы по-своему возгла-
сить о слѣпотѣ бѣднаго судовладѣльца».

Нѣсколько разъ онъ какъ бы пробуждался отъ этого оцѣпенѣнія, заставлявшаго его блуждать наудачу, безъ устали. Разъ онъ очутился около «Цвѣта Мая», разъ – около собственного дома съ протянутой къ двери рукой, – и поспѣшно убѣжалъ. Онъ хотѣлъ только покоя, тишины. «Еще успѣется!...»

Понемногу эта невольная мысль разсѣяла его безсознательность и напомнила о дѣйствительности. «Нѣтъ, онъ не покорится! Никогда! Всѣ узнають, на что онъ способенъ!» Но, повторяя про себя все это, онъ находилъ причины, извиняющія Долоресъ. Вѣдь, она только пошла въ свой родъ: она – истинная дочка дяди Паэлы, этого пьяницы, имѣвшаго кліентками потаскухъ рыбацьяго квартала и безъ стѣсненія говорившаго дочери все, что могъ бы сказать имъ.

«Чему научилась она у отца? Пакостямъ, только пакостямъ; вотъ почему она стала такою... Единственнымъ виновникомъ былъ онъ самъ, большой болванъ, женившійся на женщинѣ, неотмѣнно обреченной на гибель... Ахъ! Мать предсказывала ему то, что случилось. Синья Тона хорошо знала Долоресъ, когда противилась, чтобы дочь Паэлы стала ея невѣсткой... Да, конечно, Долоресъ – дурная жена; но имѣетъ ли онъ право кричать объ этомъ послѣ того, какъ самъ провинился, женившись на ней!...»

Но его глубочайшая ненависть направилась на Антоніо. «Обезчестилъ брата! Видано ли что нибудь болѣе мерзкое? Ахъ! Онъ вырветъ у него душу изъ тѣла!»

Но едва онъ задумалъ эту ужасную месть, какъ голосъ криви возопилъ въ немъ. Ему казалось, что онъ опять слышитъ горестное увѣщаніе Росаріи, напоминающее, что Антоніо — ему братъ? Развѣ возможно, чтобы братъ убилъ брата? Единственный, кто это когда-то сдѣлалъ, былъ Каинъ, тотъ, о которомъ кабаньяльскій священникъ говорилъ съ такимъ негодованіемъ.

«И потомъ... Правда ли виноватъ Антоніо? Нѣтъ! Еще разъ, единственный виновникъ — онъ самъ, только онъ одинъ. Теперь онъ понимаетъ это ясно. Не онъ ли отнялъ у Антоніо его возлюбленную? Антоніо и Долоресъ любили другъ друга еще прежде, чѣмъ Ректоръ догадался хоть взглянуть на дочь дяди Паэлы. И было нелѣпо, какъ все, что онъ сдѣлалъ, жениться на женщинѣ, уже любившей его брата... То, что приводитъ его теперь въ отчаяніе, должно было случиться неизбѣжно. Развѣ ихъ вина, если, когда они свидѣлись и очутились въ близкихъ отношеніяхъ родства, старая страсть вспыхнула снова?»

Онъ остановился на нѣсколько минутъ, удрученный своею виновностью, которая казалась очевидною; когда онъ посмотрѣлъ, гдѣ находится, то нашель, что стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кабачка своей матери.

Темныя очертанія лодки за тростниковою изгородью пробудили въ немъ воспоминанія прошлаго. Онъ вновь сталъ мальчишкой, бродящимъ по взморью, таская на рукахъ бра-тишку, этого чертенка, маленькаго тирана, который мучи-

ль его своими капризами. Его взглядъ какъ бы проникалъ сквозь старыя доски, и ему казалось, что онъ видитъ внутренность узкой комнаты, чувствуетъ ласковую теплоту одѣяла, нѣжно покрывавшаго ихъ обоихъ на одной постели, – его самого, заботливаго и усерднаго, какъ мать, и того, его товарища по бѣдности, склонившаго свою черненькую головку на братское плечо.

Да, Росарія была права: Антонио – ему братъ. Даже болѣе: онъ для него, какъ сынъ. Развѣ онъ, Паскуало, гораздо болѣе, чѣмъ синья Тона, не вынянчилъ этого милаго повѣсу, подчиняясь, какъ усердный рабъ, всѣмъ его требованіямъ? А теперь его убить?! Великій Боже! Развѣ можно вообразить себѣ подобный ужасъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, онъ простить: иначе зачѣмъ же онъ – христіанинъ и слѣпо вѣрить всѣмъ словамъ своего друга, священника, дона Сантіаго?

Абсолютная тишина на взморѣ, мракъ, придававшій ему видъ хаоса, полное отсутствіе людей мало-по-малу смягчали эту суровую душу, склоняли ее къ прощенію. У него было такое чувство, точно онъ возродился къ новой жизни, и ему казалось, что за него думаетъ другой. Несчастіе изощряло его умъ.

«Богъ одинъ видитъ его въ эту минуту и Ему одному онъ обязанъ отчетомъ. А очень нужно Богу, обманываетъ ли же на своего мужа?! Пустяки это, суета червячковъ, населяющихъ землю! Главное: быть добрымъ и не отвѣчать на измѣну другимъ преступленіемъ».

Паскуало тихими шагами дошелъ до Кабаньяля. Онъ испытывалъ большое облегченіе; свѣжій воздухъ проникъ ему въ грудь, горѣвшую огнемъ. Онъ чувствовалъ себя слабымъ: съ утра онъ ничего не ѣлъ, и рану на головѣ неприятно жгло.

Вдали бой часовъ возвѣстилъ время. «Уже два часа! Время промчалось такъ быстро, что не вѣрилось».

Вступивъ на одну улицу, онъ услышалъ поющій дѣтскій голосъ: навѣрно, юнга возвращался къ себѣ на лодку. Ректоръ различилъ его во тьмѣ, на противоположномъ тротуарѣ, съ двумя веслами и сверткомъ сѣтей. Эта встрѣча вдругъ перевернула его настроеніе. Въ немъ было два различныхъ существа, и онъ начиналъ понимать это. Одно изъ нихъ было обыкновенный Паскуало, добродушный и флегматичный, сильно привязанный ко всѣмъ своимъ; второе – свирѣпый звѣрь, пробужденіе котораго онъ въ себѣ предчувствовалъ, думая о возможности быть обманутымъ, и который теперь, при увѣренности въ измѣнѣ, распалился жаждою крови и мести.

Онъ расхохотался со скрежетомъ и злобой. «Кто говоритъ о прощеніи? Вотъ нелѣпость!» Этотъ смѣхъ относился къ тому простяку, который сейчасъ предъ лодкой синьи Тоны размякъ, точно младенецъ. «Барань!» Все это хныканье – только оправданія труса, отговорки человѣка, не имѣющаго храбрости отомстить... Прощать хорошо дону Сантіаго и тѣмъ, кто, какъ онъ, умѣетъ говорить прекрасныя слова. Паскуало же – простой морякъ и сильнѣе чернаго быка: разъ съ

нимъ сыграли такую штуку, Богъ свидѣтель! это не пройдетъ даромъ!.. Ахъ! баранъ! Трусъ!..»

И Ректоръ, негодуя при воспоминаніи о минувшей слабости, ругаль себя, колотилъ себя въ грудь, какъ бы желая наказать себя за доброту своей натуры.

«Простить!.. Можетъ быть, оно возможно въ пустынь. Но онъ живетъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ всѣ другъ друга знаютъ. Черезъ нѣсколько часовъ по этимъ улицамъ пройдетъ много людей, какъ вотъ этотъ юнга, и, завидя мужа Долоресь, они толкнутъ другъ друга локтями, захохочутъ и скажутъ: «Вотъ Паскуало-баранъ!» Нѣтъ, нѣтъ, лучше смерть! Мать родила его не для того, чтобы весь Кабаньяль высмѣиваль его, какъ обезьяну! Онъ убьетъ Антонио, убьетъ Долоресь, убьетъ половину своихъ земляковъ, если попробуютъ помѣшать ему. А послѣ пусть будетъ, что Богу угодно! Каторга и существуетъ именно для тѣхъ, у кого есть кровь въ жилахъ; а если его ждетъ иное, худшее, ну, что-жь!.. Умереть на палубѣ лодки или съ петлей на шеѣ – все равно смерть!.. Силы Небесныя! Вотъ увидятъ, что онъ за человѣкъ!»

Онъ бросился бѣжать, прижавъ локти къ тѣлу, опустивъ голову, рыча, будто кидаясь на врага, натыкаясь на камни, влекомый инстинктомъ, дикою жаждою разрушенія, которая толкала его прямо къ его жилищу.

Онъ ухватился за дверной молотокъ; отъ бѣшенныхъ ударовъ затряслась дверь и заскрипѣли притолоки. Ему хотѣлось кричать, ругать подлыхъ и заставить ихъ выйти, хотѣ-

лось кинуть имъ въ лицо страшныя угрозы, кииѣвшія въ его мозгу; но онъ не могъ: голова его совсѣмъ не работала, а вся жизнь какъ бы сосредоточилась въ этихъ сильныхъ рукахъ, отрывавшихъ молотокъ, и въ этихъ ногахъ, которыя колотили въ дверь, оставляли на деревѣ знаки гвоздей отъ сапогъ.

«Этого было мало! Еще, еще, чтобы привести въ бѣшенство эту мерзкую пару!...» И, нагнувшись, онъ поднялъ съ середины улицы огромный камень, которымъ бросилъ въ двѣрь, точно изъ катапульта; она затрещала: дрогнулъ весь домъ.

Послѣ этого шума наступила тишина; затѣмъ Ректоръ услышалъ стукъ осторожно отворяемыхъ оконъ. Правда, отомстить онъ хотѣлъ, но совсѣмъ не желаетъ, чтобы сосѣди забавлялись на его счетъ. Онъ понялъ, что очутится въ смѣшномъ положеніи, если его застанутъ стучащимъ въ дверь собственнаго дома, тогда какъ вѣроломные находятся внутри; и, боясь новыхъ насмѣшекъ, которыя посыпались бы на него, онъ улизнулъ и спрятался за угломъ сосѣдней улицы, гдѣ сталъ подстерегать.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ слышались шушуканье и смѣхъ; затѣмъ окна захлопнулись и опять стало тихо.

Благодаря своимъ хорошимъ глазамъ моряка, привыкшимъ къ темнымъ ночамъ, Ректоръ видѣлъ дверь своего дома.

Онъ рѣшилъ остаться здѣсь, если понадобится, до восхода солнца. «Онъ дождется только брата... Да нѣтъ! онъ ужъ не братъ ему; это – негодяй, котораго нужно наказать... И когда

этогъ мерзавецъ выйдетъ... Какое несчастіе, что у него нѣтъ ножа въ карманѣ! Ну, не бѣда: онъ убьетъ его иначе: задушить его или раздробить ему голову камнемъ съ улицы... Что же касается этой бабы, то онъ потомъ войдетъ въ домъ и распоретъ ей животъ кухоннымъ ножомъ или еще какъ-нибудь зарѣжетъ. Вотъ увидятъ! Кто знаетъ; можетъ быть, ожидая, онъ придумаетъ что-нибудь еще смѣшнѣ!»

Прижавшись къ углу, Ректоръ проводилъ время въ придумываніи пытокъ; онъ испытывалъ свирѣпую радость, вспоминая обо всѣхъ видахъ смерти, о которыхъ ему случалось слышать, и предназначалъ ихъ всѣ этой гнусной парѣ, даже съ удовольствіемъ остановился на мысли запалить на взморѣѣ костеръ изъ старыхъ лодокъ и сжечь виновныхъ на медленномъ огнѣ.

Какъ холодно! Какъ скверно этому бѣдному Ректору! Какъ только прошло безумное бѣшенство, охватившее его при встрѣчѣ съ юнгой, такъ онъ сталъ изнемогать отъ усталости, отъ слабости, не дававшей ему двигаться. Ночная сырость пронизывала его до костей; ужасныя судороги въ желудкѣ мучили его. «Великій Боже! какъ печаль изводитъ человѣка! Какъ ему нездоровится!.. Именно поэтому слѣдуетъ покончить съ обоими преступниками; не то они заставятъ его умереть съ горя».

Три часа. Какъ медленно тянется время! Паскуало стоялъ все тамъ же, неподвижно, смутно ощущая, что онѣмѣніе всего тѣла захватываетъ и мозгъ. Онъ не рисовалъ себѣ болы-

не ужасныхъ наказаній: въ головѣ его не осталось ни одной мысли, и уже не разъ онъ спрашивалъ себя, что онъ здѣсь дѣлаетъ? Вся его воля сосредоточилась въ глазахъ, ни на минуту не отрывавшихся отъ закрытой двери.

Прошло уже порядочно времени съ тѣхъ поръ, какъ пробила половина четвертаго, когда Паскуало уловилъ слабый скрипъ. Онъ присмотрѣлся пристальнѣе. Дверь его дома пріотворилась. Смутная фигура выдѣлилась въ темномъ просвѣтѣ двери и постояла нѣсколько секундъ, глядя направо и налево, нѣтъ ли кого-нибудь на улицѣ. Пока Ректоръ, закованнѣе отъ сырости, выпрямлялся съ трудомъ, скрипъ раздался вторично, затѣмъ дверь закрылась.

Ожидаемый часъ насталъ. Паскуало подскочилъ къ неясной фигурѣ; но у человѣка, вышедшаго изъ дома, были хорошія ноги, и, замѣтивъ его, онъ сдѣлалъ удивительный прыжокъ и удралъ.

Ректоръ бросился вдогонку; разбуженные сосѣди слышали со своихъ постелей этотъ шумный бѣгъ, этотъ бѣшенный галопъ, отъ котораго дрожали кирпичные тротуары.

Оба быстро бѣжали во мракъ, шумно переводя дыханіе. Ректоръ руководился бѣлымъ пятномъ, чѣмъ-то въ родѣ узла, бывшаго за спиною у бѣглеца. Но, несмотря на всѣ усилія, онъ почувствовалъ, что упустилъ молодчика, такъ какъ разстояніе между ними увеличивалось. Ноги моряка были превосходны, чтобы твердо стоять во время бури, но не для бѣга; кромѣ того, онъ окоченѣли отъ сырости.

На перекресткѣ онъ потерялъ неизвѣстнаго изъ виду, какъ будто тотъ растаялъ во мглѣ. Онъ заглянулъ въ сосѣднія улицы, но не могъ найти слѣда. «Хорошія ноги у разбойника!» Антоніо славился своимъ проворствомъ.

Открылось нѣсколько дверей, выпуская людей, рано вставшихъ и шедшихъ на работу; и Ректоръ бросилъ свои поиски изъ страха, который овладѣлъ имъ при видѣ постороннихъ.

Ему ничего не оставалось дѣлать. У него даже пропала надежда на мщеніе. Онъ пошелъ ко взморью, лихорадочно дрожа, не чувствуя въ себѣ ни воли, ни силы думать, покорившись своей судьбѣ.

У лодокъ началось движеніе. На покрытомъ тѣнью пескѣ сверкали, какъ свѣтляки, красные фонари матросовъ, которые только что встали.

Ректоръ увидѣлъ свѣтъ въ кабакѣ синьи Тоны. Росета сняла деревянный ставень и сидѣла, закутанная въ плащъ, за прилавкомъ, сонная, въ сіяньѣ бѣлокурыхъ волосъ, выбивавшихся кудрями изъ-подъ фуляроваго платка, и съ покраснѣвшимъ отъ утренняго вѣтра носикомъ. Она ждала раннихъ посѣтителей, готовая имъ служить, а передъ нею стояли стаканчики и бутылка съ водкой. Мать спала еще у себя въ комнаткѣ.

Когда Паскуало былъ въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлаетъ, онъ уже стоялъ передъ прилавкомъ.

– Стаканъ!

Но Росета, вмѣсто того, чтобы подать, посмотрѣла на него пристально своими ясными глазами, которые, казалось, видѣли всю глубину его души. Паскуало испугался. «Ахъ! эта крошка... Какая хитрая! Угадываетъ все».

Чтобы выйти изъ замѣшательства, онъ напустилъ на себя грубость. «Чортъ побери! Что, она не слышитъ? Онъ спросилъ водки!»

И, дѣйствительно, она была нужна, чтобы прогнать смертельный холодъ, леденившій ему внутренность. Этотъ человекъ, всегда трезвый, хотѣлъ пить, пить до опьянѣнія, чтобы спиртомъ побѣдить то идиотское оцѣпенѣнiе, которое его удручало.

Онъ выпилъ.

– Еще!.. Еще подай!..

А пока онъ глоталъ содержимое стаканчиковъ, сестра, подавая ему, не сводила съ него любопытныхъ взглядовъ и читала на его лицѣ все, что произошло.

Паскуало теперь чувствовалъ себя лучше. А! Это – водка его подбодрила. Ему показалось, что холодный утреннiй воздухъ сталъ теплѣе; онъ почувствовалъ подъ кожей прiятное щекотанiе и чуть не засмѣялся надъ бѣшеннымъ бѣгомъ по улицамъ, отъ котораго усталъ до полусмерти.

Онъ опять понималъ необходимость быть добрымъ и любить всѣхъ, начиная съ сестры, которая все смотрѣла на него. «Да, Росета была гордостью семьи; всѣ остальные – свиньи; самъ онъ – прежде всѣхъ. Ахъ! Росета! Какъ она умна! Какъ

догадлива! Какъ ловко умѣеть говорить обо всемъ! Онъ отлично помнитъ ихъ разговоръ по дорогѣ изъ Грао... Нѣтъ, она не такова, какъ нѣкоторыя другія, какъ тѣ дуры, которыя приносятъ смертельное горе и доводятъ человѣка чуть не до гибели... И еще: сколько здраваго смысла! Она сто разъ была права: всѣ мужчины или негодяи, или дураки. Братъ желаетъ ей всегда такъ думать. Лучше ненавидѣть мужчинъ, чѣмъ прикидываться нѣжною, а потомъ обманывать ихъ и приводить въ отчаяніе... Ахъ! Росета! добрая дѣвушка! Ее еще не цѣнять, какъ слѣдуетъ!

Ректоръ становился шумнымъ, размахивалъ руками, кричалъ. Его слышно было издалека. Вдругъ раздался довольно сильный ударъ въ перегородку изъ каюты Тоны, и, изъ-за занавѣски, хриплый голосъ матери спросилъ:

– Это ты, Паскуало?

«Да, это онъ идетъ на лодку посмотрѣть, что дѣлаетъ экипажъ. Матери еще рано вставать: погода скверная».

Занималась заря. На горизонтѣ, надъ тусклою полосою моря виднѣлась полоса слабаго, мертвеннаго свѣта. Небо было загромождено тучами, а на землѣ густой туманъ стиралъ очертанія предметовъ, которые казались неясными пятнами.

Ректоръ велѣлъ себѣ подать еще стаканчикъ, послѣдній; и, прежде чѣмъ уйти, онъ погладилъ своею мозолистою рукою свѣжія щеки Росеты.

– Прощай! Ты – единственная вправду хорошая женщина во всемъ Кабаньялѣ. Можешь повѣрить, потому что это – не

пустая лесть возлюбленнаго, а откровенное слово брата.

Когда онъ подошелъ къ «Цвѣту Мая», равнодушно посвящая, можно было подумать, что ему весело, если бы не странный блескъ его желтыхъ глазъ, которые будто вылѣзали изъ орбитъ на лицѣ, красномъ отъ алкоголя.

Антоніо стоялъ на палубѣ, гордо выпрямившись, какъ бы желая показать всѣмъ, что вотъ онъ здѣсь. Около него лежалъ бѣлый узелъ, такъ недавно прыгавшій у него за плечами во время бѣга по улицамъ Кабаньяля.

– Здравствуй, Паскуало! – закричалъ онъ, какъ только увидѣлъ брата, поспѣшивъ заговорить съ нимъ и рассчитывая такимъ образомъ разсѣять его сомнѣнія, которыхъ опасался.

«Ахъ! разбойникъ! Развѣ онъ не нахаль послѣ этого!» Но, къ счастью, прежде, чѣмъ Паскуало могъ отвѣтить, почувствовавъ, что снова начинаетъ горячиться, его окружили товарищи.

Судохозяева держали совѣтъ, собравшись въ кружокъ и устремивши взоры на горизонтъ. «Погода грозила бурей; было опасно покидать гавань. Но жалко: рыбы оказывалось такъ много что ее можно было брать руками. Однако, шкура человѣка дороже барыша!» Веѣ были одного мнѣнія: погода портится, нужно оставаться дома.

Но Паскуало возмутился: «оставаться дома? Пусть другіе дѣлаютъ, что хотятъ; онъ же, конечно, выйдетъ въ море. Не бывало еще такой бури, которая могла бы его испугать. Трусы пусть сидятъ на берегу. Настоящіе мужчины покажутъ се-

бя»!

Онъ сказалъ это рѣшительно и враждебно, будто предложіе остаться было для него личнымъ оскорбленіемъ; и повернулся спиной, не ожидая объясненій. Онъ спѣшилъ покинуть этотъ берегъ, удалиться отъ этихъ людей, которые хорошо его знали и, зная о его несчастіи, могли смѣяться надъ нимъ.

– Въ море!

Уже пришли волны. – Эй! люди съ «Цвѣта Мая»! Всѣ сюда! Клади спуски! Спускай лодку!

Люди съ судна, въ силу привычки, слушались хозяина. Одинъ дядя Батистъ осмѣлился возразить, опираясь на свой авторитетъ морского волка: «Сила Господня! Это дико! Гдѣ у Ректора глаза? Развѣ онъ не видитъ приближенія бури?»

– Молчи, старикъ! Эти тучи прольются дождемъ, и кто привыкъ къ морю, тому не все ли равно лишній разъ попасть подъ ливень.

Старикъ настаивалъ: – Можетъ быть дождь, а можетъ быть и вѣтеръ; а ужъ если вѣтеръ, то рыбакамъ читать прощальный «Отче нашъ!»

На этотъ разъ Ректоръ, который всегда со старикомъ обходился почтительно, крикнулъ на него самымъ грубымъ образомъ:

– Довольно, дядя Батистъ! Слѣзай съ судна и ступай домой! Ты годенъ только въ кабаньяльскіе дьячки, а мнѣ не нужно ни старыхъ цыновокъ, ни трусовъ-матросовъ у меня

на лодкѣ!

«Ахъ, такъ-то и растакъ-то! Трусъ – онъ, Батистъ! Онъ, плававшій на фелукѣ въ Гавану и два раза терпѣвшій крушеніе! Силы небесныя! Онъ проситъ прощенія у Святого Распятія въ Грао за то, что скажетъ сейчасъ: но, будь онъ лѣтъ на двадцать моложе, онъ вытащилъ бы ножъ и за такое слово выпустилъ бы кишки у того, кто его сказалъ!.. Въ море! Чортъ побери все! Правду говоритъ пословица; когда хозяинъ налицо, то не матросу командовать».

И, подавивши гнѣвъ, старикъ помогъ положить послѣднія перекладыны, когда уже «Цвѣтъ Мая» касался воды, между тѣмъ какъ другіе волю тащили старую лодку, нанятую Ректоромъ, чтобы составить пару съ его собственной.

Нѣсколько минутъ спустя, обѣ лодки качались у берега, ставили свой большой латинскій парусъ, надулись вѣтромъ и быстро удалялись.

Между тѣмъ, другіе судовозяева собрались на взморьѣ, смущенные и озабоченные, съ завистью глядя на двѣ уже далекія лодки и ведя негодующіе пересуды. «Этотъ рогачъ съ ума спятилъ! Разбойникъ надѣлаетъ хорошихъ дѣлъ, а сами они останутся съ пустыми руками». Это раздражало ихъ, точно Ректоръ могъ присвоить себѣ всю рыбу Средиземнаго моря. Наконецъ, наиболѣе алчныя и смѣлыя рѣшились.

«Посмотримъ! они не менѣе храбры, чѣмъ кто-либо, и смогутъ плыть всюду, куда плывутъ другіе. Спуститъ лодки на воду»!

Рѣшеніе это оказалось заразительнымъ. Погонщики воловъ не знали, кого и слушать: каждый требовалъ ихъ услугъ прежде всѣхъ, будто безразсудство Ректора стало общимъ. Казалось, всѣ боялись, какъ бы съ минуты на минуту не выловилась вся рыба.

На берегу женщины вопили отъ ужаса, видя, какъ ихъ мужья рѣшаются на подобный рискъ; онѣ осыпали проклятіями Паскуало, этого рогача, который задумалъ сгубить всѣхъ честныхъ людей въ Кабаньялѣ.

Синья Тона, въ рубашкѣ и юбкѣ, съ развѣвающимися на головѣ рѣдкими сѣдыми волосами, прибѣжала на берегъ. Она была еще въ постели, когда ей пришли рассказать о безуміи ея сына, и она кинулась къ морю, чтобы помѣшать отплытію. Но обѣ лодки Ректора были уже далеко.

«Паскуало! – кричала бѣдная женщина, приставивъ ко рту руки на подобіе трубы. – Паскуало, вернись, вернись!»

Когда же она поняла, что онъ не можетъ ее услышать, то начала рвать на себѣ волосы и разразилась жалобами:

«Пресвятая Дѣва! Ея сынъ отправился на смерть! Материнское сердце подсказываетъ ей это! Ахъ! Царица и Владычица! Всѣ умрутъ, и дѣти, и внукъ! Проклятіе лежитъ на ихъ семьѣ. Злодѣйское море проглотитъ ихъ, какъ уже проглотило ея покойнаго мужа!»

А пока несчастная женщина выла, какъ одержимая, сопровождаемая хоромъ остальныхъ, матросы, мрачные и хмурые, побуждаемые жестокою необходимостью ѣсть, необхо-

димостью добыть хлѣба, заставляющей пускаться на опаснѣйшія предпріятія, влѣзали въ воду по поясъ, взбирались на лодки и распускали большіе паруса.

Немного спустя, рой бѣлыхъ пятенъ прорѣзывалъ туманъ этого бурнаго утра и летѣлъ впередъ, по морю, необузданнымъ бѣгомъ, какъ будто бы магнитъ рока тянулъ этихъ бѣдныхъ людей къ гибели.

Х

Въ девять часовъ «Цвѣтъ Мая» плыль мимо Сагунта, въ открытомъ пространствѣ, которое дядя Батистъ, по своей склонности называть мѣста скорѣе по особенностямъ морского дна, чѣмъ по изгибамъ береговъ, называлъ мѣстомъ между Пюигскими перекатами и водорослями Мурвиедро. Одна эта пара рискнула зайти такъ далеко. Остальныя лодки казались бѣлыми точками, разсыпанными вдоль берега между Валенсіей и Кульерой.

Небо было сѣрое, море – фіолетоваго цвѣта, такого темнаго, что въ блестящей глубинѣ, которая образовывалась между двумя волнами, оно принимало почти черный оттѣнокъ. Продолжительные холодные шквалы волновали паруса и трепали ихъ съ сухимъ трескомъ.

«Цвѣтъ Мая» и другая лодка пары шли впередъ на всѣхъ парусахъ, таща на буксирѣ сѣть, становившуюся все болѣе тяжелой и обременительной.

Ректоръ былъ на своемъ посту, на кормѣ, сжимая рукою румпель. Но онъ едва смотрѣлъ на море, и его рука правила лодкой машинально. Глаза его были устремлены на Антонию, который, съ того момента, какъ они вышли въ море, держался въ сторонѣ, какъ бы избѣгая брата. А когда онъ не наблюдалъ за Антонию, то смотрѣлъ на маленькаго Паскуало, который, стоя у мачты, какъ бы всѣмъ своимъ небольшимъ

личикомъ бросаль вызовъ этому морю, поднявшему бунтъ уже со второго путешествія.

Подъ напоромъ валовъ лодка качалась съ возраставшей силой; но матросы хорошо знали море и увѣренно ходили по колебавшейся палубѣ, несмотря на грозившую имъ опасность быть сброшенными въ воду на каждомъ шагу.

Ректоръ процолжалъ разглядывать своего брата и сына, и его взоры переносились съ одного на другого съ выраженіемъ вопроса, словно онъ мысленно дѣлаль между ними тщательное сравненіе. Его спокойствіе внушало страхъ. Несмотря на смуглый цвѣтъ своего лица, онъ былъ блѣдень; его вѣки были красны, какъ послѣ долгаго бодрствованія, и онъ сжималь губы, точно боясь въ гнѣвѣ выпустить ругательства, которыя такъ и просились ему на языкъ и которыя онъ бормоталь про себя.

Увы! нѣтъ, Росарія не солгала. Гдѣ же у него были глаза прежде, что онъ могъ не замѣтить этого удивительнаго сходства? «Ахъ, какъ смѣялись надъ нимъ люди!» Его безчестіе было очевидно: у дяди и у племянника было одно лицо, одни движенія. Безо всякаго сомнѣнія, маленькій Паскуало былъ сыномъ Антонію; невозможно было отрицать это.

По мѣрѣ того, какъ хозяинъ убѣждался въ своемъ позорѣ, онъ царапаль себѣ грудь и бросаль полные ненависти взгляды на море, на лодку, на матросовъ, которые смотрѣли на него украдкой и не безъ тревоги, такъ какъ воображали, что причиной его гнѣва была дурная погода.

«Зачѣмъ ему продолжать трудиться? Онъ не хочетъ больше содержать эту суку, которая такъ долго дѣлала изъ него всеобщее посмѣшище...» Прощай мечта – создать будущность маленькому Паскуало, сдѣлать изъ него самаго богатаго рыболова въ Кабаньяль! Развѣ это его ребенокъ, чтобы онъ сталъ принимать участіе въ его судьбѣ? Онъ ничего болѣе не желалъ въ этомъ мірѣ; ему оставалось лишь, умереть, и онъ хотѣлъ, чтобы съ нимъ вмѣстѣ погибли всѣ его труды.

Теперь онъ ненавидѣлъ свой «Цвѣтъ Мая», который прежде любилъ, какъ одушевленное существо; и онъ желалъ его гибели, гибели немедленной, словно ему было стыдно вспомнить о сладкихъ надеждахъ, которыя онъ лелѣялъ въ то время, когда его строилъ. Если бы море уступило его мольбамъ, то одинъ изъ этихъ валовъ, вмѣсто того, чтобы быстро поднять киль на своемъ пѣнистомъ гребнѣ, раскрылся бы, чтобы его поглотить.

Но, съ минут на минуту, сѣти становились тяжелѣе; и обѣ лодки, обремененныя чудеснымъ уловомъ, двигались въ раскачку и съ трудомъ. Команда старой лодки спросила, не пора ли уже вытянуть сѣть? Ректоръ горько улыбнулся: «Да, можно вытянуть сѣть». Теперь, или послѣ, ему было все равно.

Матросы «Цвѣта Мая» ухватили сѣть за верхнюю часть и начали тащить съ большими усиліями.

Несмотря на тяжелую работу и скверную погоду, Антонио и другіе казались веселыми. «Какой уловъ! Цѣлыя груды!»

Дядя Батистъ, наклонившись къ носу и мокрый отъ брызгъ, смотрѣлъ на горизонтъ, къ востоку, гдѣ тучи сгущались свинцовыми массамаи. Онъ окликнулъ Паскуало, чтобы велѣть ему быть осторожнымъ; но глаза Ректора были устремлены на кучку людей, тянувшихъ сътъ. Антонио и маленькій Паскуало случайно находились другъ возлѣ друга: и эта близость способствовала тому, что сходство ихъ лицъ еще болѣе поразило судовладѣльда.

– Паскуало! Паскуало! – крикнулъ старикъ слегка дрожащимъ голосомъ. – Вотъ онъ надвинулся на насъ!

– Что?.. – Ураганъ, котораго дядя Батистъ ждалъ еще съ утра. Голубоватая молнія прорѣзала черную массу, которая съ каждымъ мигомъ все приближалась и росла; и вдругъ зарокоталъ громъ, словно небо стало огромнымъ, съ шумомъ разорвавшимся холстомъ.

Тотчасъ вслѣдъ за этимъ налетѣлъ порывъ вѣтра. «Цвѣтъ Мая» легъ на бокъ, будто могучая рука схватила его за киль и старалась поднять на воздухъ. Вѣтеръ ударилъ прямо въ натянутый парусъ и пригнулъ его къ волнамъ. Вода хлынула на палубу; а парусъ, растянутый, какъ простыня, на поверхности моря, бился и трепеталъ, словно умирающая птица.

Такое критическое положеніе тянулось недолго. Дядя Батистъ и Паскуало доползли по палубѣ до мачты и развязали узелъ фала. Этотъ маневръ спасъ лодку, которая, освободившись отъ давленія вѣтра, выпрямилась подъ напоромъ волны.

Но, какъ только Ректору пришлось оставить руль, «Цвѣтъ Мая» началъ вертѣться подобно волчку на клокочущихъ водахъ: хозяинъ поспѣшилъ занять свой постъ и снова взялся за румпель.

Лодка подвигалась съ трудомъ, такъ какъ тащила за собой чрезмѣрный грузъ въ видѣ сѣти, которая нѣсколько минутъ назадъ способствовала ея спасенію, служа противовѣсомъ парусу, нагнутому шквалрмь.

Вдругъ Ректоръ увидѣлъ, что вторая лодка пары, съ перебитымъ рангоутомъ, съ поломанной мачтой, удаляется, показывая корму. Экипажъ только что отрѣзалъ канатъ отъ сѣти, угрожавшей опрокинуть лодку, и теперь она неслась къ Валенсіи, подгоняемая низовымъ вѣтромъ, который вздымалъ огромныя волны, высокія, какъ стѣны; крутящіяся и жадныя, онѣ разлетались вдругъ брызгами и рушились съ грохотомъ, подобнымъ ударамъ грома.

Было необходимо послѣдовать ея примѣру. освободиться отъ груза, мѣшавшаго поворотамъ и направить носъ къ порту. Итакъ, здѣсь тоже отрѣзали канатъ; масса, обременявшая лодку, исчезла въ волнахъ, и «Цвѣтъ Мая» сталъ лучше слушаться руля.

Ректоръ проявлялъ то чрезвычайное спокойствіе, какое было ему свойственно въ важные моменты.

– Вниманіе, всѣ!

Нужно было слушать команду и быстро исполнять приказанія.

Парусъ почти упаль на палубу; до реи можно было достать рукой; и, хотя вѣтру была доступна лишь небольшая часть холста, лодка неслась съ головокружительной быстротой. Вода безпрестанно перекатывалась черезъ палубу, и мачта трещала ужасающимъ образомъ.

Насталь моментъ поворота – моментъ рѣшительный: если бы они попали бортомъ подъ одну изъ этихъ высокихъ волнъ, что падаютъ, подобно разваливающейся стѣнѣ, то могли бы распроститься съ жизнью.

Хозяинъ, стоявшій не выпуская румпеля, наблюдалъ за гигантскими горами воды, быстро подвигавшимися впередъ; и въ этой массѣ движущихся водяныхъ стѣнъ онъ искалъ свободаго пространства, онъ выжидаль секунды успокоенія, которая позволила бы ему исполнить поворотъ, не рискуя быть затопленнымъ сбоку.

– Поворачивай!

«Цвѣтъ Мая», лавируя, измѣнилъ свой путь между двумя горами воды съ такою ловкостью и проворствомъ, что, едва маневръ былъ оконченъ, громадная волна настигла лодку съ кормы, подняла почти вертикально, погрузила носъ ея въ пѣну, подбросила кузовъ на своемъ гребнѣ и выкатилась вслѣдъ затѣмъ изъ-подъ лодки, которая, еще вздрагивая, закачалась въ сравнительно спокойномъ пространствѣ.

Матросы, смущенные этимъ ужаснымъ сотрясеніемъ, въ оцѣпенѣннн слѣдили за дальнѣйшимъ бѣгомъ крутившейся волны, отъ которой только что ускользнули. Они увидѣ-

ли, какъ она изогнулась, образовавъ изумрудный сводъ надъ другой лодкой, которая шла съ перебитымъ рангоутомъ; потомъ волна разлетѣлась, взорвалась, какъ бомба, разбрызгавъ пѣну, поднявъ столбы водяныхъ смерчей. Когда же она, истощившись, исчезла, уступивъ мѣсто другимъ, не менѣе сильно крутившимся и шумѣвшимъ, люди на «Цвѣтъ Мвя» уже не увидѣли на водѣ ничего, кромѣ разбросанныхъ поломанныхъ досокъ и округлости бсченка.

– Упокой, Господи, ихъ души! – прошепталь дядя Батистъ, осѣняя свбя крестнымъ знаменіемъ и опустивъ голову на грудь.

Антоніо и оба матроса, которые такъ часто смѣялись надъ старикомъ, стояли блѣдные, потрясенные; они машинально отвѣтили:

– Аминь!

Въ то же мгновеніе маленькій Паскуало крикнулъ:

– Батя! Батя!

Онъ съ ужасомъ глядѣлъ на Ректора, указывая на носъ лодки.

За нѣсколько мииуть до поворота, маленькій товарищъ Паскуало, другой «кошка» лодки, былъ тамъ на носу. Но чудовищная волна только что смыла его такъ, что матросы и не замѣтили.

Теперь на «Цвѣтъ Мая» царствовали тотъ ужась и оцѣпенѣніе, какіе испытываются въ первые моменты сознанія серьезной опасности. И, дѣйствительно, опасность была вели-

ка. Молніи со всѣхъ сторонъ прорѣзывали свинцовое небо. Удары грома слѣдовали другъ за другомъ безъ перерыва, повторяемые эхомъ и примѣшиваясь къ шуму волнъ, то сухому и рѣзкому, какъ залпы артиллеріи, которымъ далеко вторить эхо, то свистящему, протяжному, похожему на непріятный звукъ разрываемой матеріи. Кромѣ того, проливной дождь пронизываль пространство, какъ бы для того, чтобы увеличигь громадность валовъ и заставить море выйти изъ береговъ.

Ректору скоро удалось подавить ужась суюго экипажа. «Что это значило, чортъ возьми! Кабаньяльскіе рыбаки дрожать? Развѣ они въ первый разъ вышли въ открытое море? Развѣ они не знаютъ проказъ восточнаго вѣтра? Штормъ пройдетъ скоро; а если не пройдетъ, то развѣ ихъ трусость тутъ поможетъ?.. Кто храбрь, тотъ долженъ умереть въ морѣ. Они знаютъ пословицу: «Лучше, чтобы тебя съѣли рыбы, чѣмъ чтобы отпѣваль священникъ». Смѣлѣе, во имя Господне! И пусть всѣ покрѣпче себя привяжутъ, такъ какъ сейчасъ не нужно дѣлать маневровъ, а необходимо предохранить себя отъ хлещущихъ волнъ».

Дядя Батистъ и оба матроса прикрѣпились поясами къ нижней части мачты; Антоніо привязаль племянника къ одному изъ колець на кормѣ; а самъ онъ, когда увидѣль, что его брать, выставляя на показъ свое безстрашіе, остался у руля ни къ чему не привязанный, захотѣль сдѣлать то же самое и ограничился тѣмъ, что присѣль на корточки за бортомъ и

ухватился за выступъ,

Никто не говорилъ уже на «Цвѣтъ Мая» Стремительные валы всколебали водоросли дна; пѣна стала желтая, грязная, цвѣта желчи; и бѣдныхъ матросовъ, промокшихъ отъ дождя, исхлестанныхъ волнами, било еще кусками водорослей, жестоко бичевавшими ихъ по грубой кожѣ.

Когда волна подымала ихъ на большую высоту и киль съ секунду висѣлъ въ воздухѣ, какъ бы готовясь страшно высоко взлетѣть, Ректоръ различалъ вдали, затерянные въ туманѣ горизинта, другія лодки Кабаньяля, плывшія почти безъ парусовъ, гонимыя шкваломъ къ порту, куда войти было еще опаснѣе, чѣмъ бѣжать по вѣтру.

Мужъ Долоресъ испытывалъ такое чувство, словно очнулся отъ кошмара. Ночь, проведенная на улицахъ Кабаньяля, пьянство на берегу и безразсудное отплытіе представлялись ему дурнымъ сномъ; онъ испытывалъ сильныя угрызенія совѣсти, стыдился самого себя, ругалъ себя: «Дуракъ! Несчастный!» Онъ считалъ себя болѣе виновнымъ, чѣмъ тѣ, кто его обманывалъ. Если онъ усталъ жить, онъ могъ бы пойти на Левантскій моль, привязать себѣ на шею камень и броситься въ воду внизъ головой; но по какому праву его безуміе повело на смерть столько честныхъ отцовъ семействъ? Что скажутъ въ Кабаньялѣ, увидя, что по его винѣ половина жителей должна страдать этъ этой бури? Онъ вспоминалъ о людяхъ другой своей лодки, поглощенныхъ волнами почти на его глазахъ; онъ думалъ о многочисленныхъ лодкахъ, которыя

навѣрное уже погибли въ этотъ часъ, и съ уныніемъ смотрѣль на своихъ привязанныхъ матросовъ, которыхъ били волны и которые ждали смерти за то, что повиновались ему.

На брата и на сына онъ даже не хотѣль смотрѣть: «Если они погибнуть, бѣда невелика». При этой мысли, бѣшенная мстительность возрождалась въ его душѣ. Но другіе? Но эти два молодыхъ матроса, у которыхъ еще живы матери, бѣдныя рыбачки, которымъ они помогаютъ добывать средства къ жизни? А этотъ старый Батистъ, другъ его отца, избѣжавшій, словно чудомъ, столькихъ опасностей? Нѣтъ, Ректоръ не имѣль никакого права вести этихъ людей на смерть, и то, что онъ сдѣлалъ, было преступленіемъ.

При видѣ старика и двухъ молодыхъ людей почти лежащихъ на палубѣ, по которой струилась вода, привязанныхъ такъ крѣпко, что веревки врѣзывались въ ихъ тѣло, захлебывающихся массою воды, которая обрушивалась на нихъ и была, словно дубиной, онъ забывалъ, что самъ также находится въ опасности. Онъ едва обращалъ вниманіе на волиы, которыя обступали его, не сдвигая съ мѣста его сильнаго тѣла, какъ бы вросшаго въ корму; и онъ чувствовалъ въ сердцѣ боль, столь же сильную, какъ и въ минувшую ночь.

Нужно было жить, нужно было выбраться отсюда! Когда онъ будетъ на сушѣ, то приведетъ въ порядокъ свои домашнія дѣла; но въ данный моментъ главное было: войти въ портъ со всѣмъ экипажемъ. И такъ на его совѣсти было достаточно грѣха: бѣдный маленькій юнга, исчезнувшій во вре-

мя поворота, и люди другой лодки, поглощенные волнами!..

И Ректоръ старался получше управлять «Цвѣтомъ Мая». Его беспокоило не настоящее положеніе: лодка была прочна и вѣтеръ дулъвъ корму, но онъ съ ужасомъ думаль о входѣ въ портъ, гдѣ предстояла послѣдняя борьба, въ которой столь многіе не могли устоять.

Вдали, въ туманѣ, виднѣлся моль, похожій на бокъ кита, выкинутого бурей на сушу.

«Ахъ! Только бы удалось обогнуть его, этотъ моль!»

Каждый разъ, какъ лодка, низвергнувшись въ пучину, снова подымалась на гребень волны, хозяинъ съ тревогою смотрѣль на эту кучу скаль, куда бросалось море, и гдѣ кишѣли безчисленныя черныя точки: толпа, которая, со сжатымъ сердцемъ, присутствовала при ужасной борьбѣ людей съ бурей.

При первыхъ же раскатахъ грома, эти люди сбѣжались, какъ испуганное стадо, на выступъ, гдѣ маякъ, будто въ этой рѣшительной борьбѣ за входъ въ гавань ихъ присутствіе могло оказать помощь ихъ роднымъ и друзьямъ. Они сбѣжались подъ проливнымъ дождемъ, двигаясь противъ урагана, который крутилъ ихъ юбки, хлесталь имъ грудь и страшно гудѣль въ ушахъ; женщины подняли кверху руки, прикрываясь плащами; мужчины защищались отъ дождя своими клеенками и большими сапогами, и прыгали съ камня на камень, останавливаясь двадцать разъ, чтобы пропустить волну, которая поднималась на моль и снова падала въ море, за гавань.

Населеніе всего квартапа лачугъ было здѣсь, на красныхъ глыбахъ, съ трепетомъ въ груди и тревогою во взорахъ; и умы всѣхъ были такъ сильно заняты борьбой людей съ моремъ, что порою никто не обращалъ вниманія на волны, которыя перекатывались за парапетъ и грозили смыть толпу.

Всѣхъ ближе къ морю, на глыбахъ, гдѣ клокоталъ самый страшный водоворотъ, Долоресь, блѣдная, растрепанная, цѣплялась за синюю Тону, которая, казалось, уже сходила съ ума. Ея дитя, ея маленькій Паскуало былъ тамъ, и другіе тоже! И обѣ женщины рвали на себѣ волосы, произнося самыя скверныя богохульства Рыбнаго рынка; потомъ, вдругъ, переставали ругаться, скрещивали руки, умоляющимъ голосомъ говорили о заказныхъ обѣдняхъ, обѣ огромныхъ восковыхъ свѣчахъ, обращаясь къ мѣстной Богоматери или къ Распятію въ Грао, словно эти изображенія были тутъ же, возлѣ.

Жена Антоніо, присѣвши на корточки за глыбу, закутанная въ плащъ и неподвижная, какъ сфинксъ, смотрѣла на море, предоставляя волнамъ съ головы до ногъ покрывать ее брызгами. Надъ ней, на самой возвышенной части парапета, гордо выпрямившись, въ угрожающей позѣ стояла колоссальная фигура матушки Пикоресь. Ея сморщенный ротъ дрожалъ отъ гнѣва; ея сжатый кулакъ угрожалъ волнамъ и, несмотря на нѣкоторую комичность, въ этой фигурѣ было нѣчто величественное.

– Подлое! – хриплымъ голосомъ кричала она, показывая

мору кулакъ. — Ты вѣроломно, какъ баба!

Дождь лиль все сильнѣе и сильнѣе; низовой вѣтеръ трясъ, какъ тростникъ, тѣхъ, кто отходилъ отъ группъ; промокшее платье приставало къ тѣлу, собирало въ себя воду, заставляло кашлять; но всѣ забывали о себѣ, чтобы слѣдить за лодками, которыя приближались въ безпорядкѣ.

Какъ проклинали Ректора! Этотъ рогачъ виновать во всемъ; это онъ повелъ столько честныхъ людей навстрѣчу опасности. «Дай Богъ ему потонуть въ морѣ!»

А женщины его семьи опускали голову, подавленные общимъ негодованіемъ.

Когда которой-нибудь лодкѣ удавалось пройти въ проливъ, матросы, едва сойдя на набережную, мокрые съ головы до ногъ, попадали въ объятія своихъ семействъ, и глядѣли тупо, словно воскресшіе, съ удивленіемъ вдругъ чувствуящіе себя живыми.

По мѣрѣ того, какъ приплывали лодки, толпа у маяка уменьшалась. Теперь оставались въ виду только три лодки. Но проливъ становился все непроходиадѣе. Въ концѣ концовъ, эти лодки обогнули край мола, и вздохъ облегченія вырвался изъ груди.

Нѣсколько минутъ спустя, на туманномъ горизонтѣ начала вырисовываться одинокая лодка, двигавшаяся очень быстро, хотя плыла почти безъ парусовъ.

Зрители между скалами, лежавшіе на животахъ, чтобы ихъ не такъ легко снесли жадныя волны, посмотрѣли другъ

на друга съ жестами печали.

— Эта расплатится за всѣхъ... Послѣдняя не входитъ въ гавань!

Они утверждали это, какъ люди опытные въ такихъ дѣлахъ. Эта лодка запоздала.

Превосходное зрѣніе моряковъ давало имъ возможность ясно видѣть, какъ лодка то какъ бы взлетала надъ водой, то погружалась. Они сразу ее признали: это была «Цвѣтъ Мая».

А на ней Ректоръ дрожалъ при мысли о близкой борьбѣ. Онъ не видѣлъ на морѣ уже ни одной лодки; онъ говорилъ себѣ, что многія изъ нихъ, безъ сомнѣнія, уже вошли въ портъ, но что прочія, очевидно, погибли.

Среди тревоги онъ почувствовалъ потребность въ ободреніи; и онъ обратился къ Батисту. «Что думаетъ онъ, знающій такъ хорошо заливъ, о положеніи вещей?»

Старикъ точно проснулся и грустно покачалъ головой. На его старомъ козлиномъ лицѣ была ясная покорность Провидѣнію, придававшая ему красоту. «Черезъ часъ всему конецъ, и людямъ, и лодкамъ», отвѣтилъ онъ. «Войти въ портъ невозможно». Онъ хорошо зналъ это, такъ какъ во всю свою долгую жизнь никогда не видѣлъ такого яростнаго восточнаго вѣтра.

Но Ректоръ чувствовалъ въ себѣ безграничное мужество. «Если нельзя будетъ войти въ портъ, то нужно снова пуститься въ открытое море и бѣжать по вѣтру».

Батистъ еще разъ покачалъ головой съ тѣмъ же грустнымъ

выраженіемъ. «Этого тоже никакъ нельзя. Шкваль продлится, по крайней мѣрѣ, два дня; и, если лодка выдержитъ въ морѣ, то попадетъ на мель въ Кульерѣ или разобьется о мысъ св. Антонія. Лучше ужъ попытаться войти. Разъ все равно умирать, то лучше умереть въ виду дома, тамъ, гдѣ погибли такъ многіе изъ предковъ, близъ чудотворнаго Распятія въ Грао».

Тутъ дядя Батистъ, повернувшись между веревокъ, пошарилъ у себя за пазухой, чтобы достать бронзовое распятіе, потемнѣвшее отъ пота, и благоговѣйно поцѣловать его.

Видя это, Ректоръ равнодушно пожалъ плечами. Онъ вѣрилъ въ Бога, да, и эго могъ подтвердить священникъ въ Кабаньялѣ; но онъ зналъ и то, что, въ данномъ случаѣ чудо совершитъ онъ, Паскуало, лишь бы лодка ему повиновалась, лишь бы при входѣ въ каналъ ему во время повернуть румпель.

Уже чувствовалась близость мола: море становилось все болѣе бурнымъ; въ то время, какъ волны кидались на корму, прибой осаждалъ носъ, ужасно крутятся. Нужно было бороться противъ двухъ штормовъ – отъ вѣтра и отъ гигантскаго утеса, воздвигнутаго людьми.

«Цвѣтъ Мая» трещаль, несмотря на прочность постройки; онъ уже почти не слушался руля; его, какъ мячъ, кидало съ гребня на гребень, безпрестанно толкало то впередъ, то назадъ, почти топило въ волнахъ.

Люки были плотно закрыты: вотъ почему лодка, побывавъ

подъ горами воды, снова выплывала и храбро шла впередъ.

Ректоръ начиналъ сознавать безнадежность своего положенія. Они были во власти двойного шторма; уже не было возможности вновь выйти въ открытое море и бѣжать подъ бурей: необходимо было войти въ портъ, или погибнуть при входѣ.

Они были достаточно близко, чтобы видѣть толпу, которая кишѣла на молѣ; тревожные крики долетали до лодки.

«Силы небесныя! Какъ горько умирать на глазахъ у друзей, почти слышать ихъ слова и не имѣть возможности попутить отъ нихъ помощь... Подлое море! Поганый низовый вѣтеръ!» Ректоръ, выведенный изъ себя, ругалъ море; и, въ отчаяніи, плевалъ на него, между тѣмъ какъ лодка то вдругъ вставала вертикально, то снова падала носомъ внизъ, въ пѣнящійся водоворотъ. Это безконечное движеніе вверхъ и внизъ вызывало головокруженіе; мачта то наклонялась къ лѣвому борту, почти купая рею въ водѣ, то она перекидывалась на правый бортъ, и половина палубы скрывалась подъ волнами.

– Смотри въ оба!

Вотъ начался смертный бой. Одна волна, синеватая, коварная, безъ пѣны и безъ шума, обрушилась на корму, прикрывши всю лодку, и смыла съ нее все, какъ исполинскою рукою.

Хозяинъ получилъ толчекъ въ плечо и согнулся такъ, что голова его почти коснулась ногъ, – но не выпустилъ руля и

смѣло остался на этихъ доскахъ, къ которымъ какъ бы приросъ. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ онъ чувствовалъ, какъ будто проваливается, слыхаль ужасный трескъ, словно лодка разваливалась; очутившись опять надъ водою, онъ слыхаль стукъ какого-то предмета, кидаемаго волнами направо и налево, какъ бомба. Это былъ боченокъ съ прѣсной водою. Могучій валъ порвалъ канаты, и боченокъ катался по палубѣ съ быстротой молніи, давя все на своемъ пути. Онъ задѣлъ маленькаго Паскуало и окровавилъ ему лицо; потомъ, какъ страшный молотъ, сталъ катиться къ основанію мачты, туда, гдѣ находились привязанные Батистъ и оба матроса. Все это было столь же быстро, сколь и ужасно. Раздался крикъ. Ректоръ, несмотря на свою храбрость, закрылъ глаза руками. Боченокъ съ размаху попалъ въ одного изъ матросовъ, младшаго, и размозжилъ ему голову. Послѣ этого, запачканный кровью, онъ перескочилъ черезъ бортъ, какъ убѣгающій преступникъ, и исчезъ въ пѣнѣ.

Размозженная голова представляла изъ себя кровавую кашу, куски которой уносила вода, струившаяся по палубѣ. Старый рыбакъ и другой матросъ, привязанные канатами, были вынуждены оставаться въ соприкосновеніи съ трупомъ и, при боковой качкѣ лодки, ощущали треніе этого ужаснаго обрубка, который поливалъ ихъ кровью.

Дядя Батистъ кричалъ въ отчаяніи:

— Господи! Дай, чтобы скорѣе кончилось!

Его слабый и разбитый голосъ терялся въ страшномъ воѣ

моря и бури. Онъ звалъ Ректора, умолялъ его бросить руль и оставить непосильную борьбу. «Подвергались ли честные люди когда-либо такому испытанію? Послѣдній часъ пришелъ, и чѣмъ тянуть это томленіе, лучше оставить лодку на ея волю, чтобы налетѣла на скалы и раскололась вдребезги».

Но Ректоръ не слушалъ его. Трескъ, замѣченный имъ при послѣднемъ напорѣ волны, озабочивалъ его, и, догадываясь объ опасности, онъ не спускалъ глазъ съ мачты, которая, несмотря на прочность, клонилась устрашающимъ образомъ. На верхушкѣ ея все качался крестильный букетъ, пучекъ листьевъ и искусственныхъ цвѣтовъ, которые ураганъ щипалъ, словно предрекая смерть.

Ректоръ не слышалъ даже маленькаго Паскуало, который, съ измѣнившимся до неузнаваемости отъ кровавой маски лицомъ, кричалъ дрожащимъ голосомъ:

– Батя! батя!

Увы! батя не многое могъ сдѣлать: – избѣгать болѣе опасныхъ валовъ, все время ставить лодку между двухъ гребней и стараться, чтобы ее не захлестнуло сбоку. Но обогнуть моль было невозможно.

Вдругъ бѣдный «Цвѣтъ Мая», полуразрушенный, очутился какъ бы въ глубинѣ провала, между двумя зловѣще-блестящими стѣнами воды, которыя приближались другъ къ другу съ противоположныхъ сторонъ и сейчасъ должны были встрѣтиться, сжавъ лодку. На этотъ разъ у самого хозяина вырвался крикъ ужаса.

Встрѣча произошла въ тотъ же мигъ. Лодка, захваченная водоворотомъ, издала страшный трескъ, подобный одному изъ раскатовъ грома, сухой рокотъ котораго разрѣзаль пространство; и когда она снова тяжело всплыла на поверхность, то была гладкая, какъ мостъ: мачту сломало на уровнѣ палубы, и она исчезла вмѣстѣ съ парусомъ и привязанными людьми.

Ректоръ мелькомъ увидѣлъ въ пѣнѣ спадаващаго гребня изуродованный трупъ молодого матроса и плывшую возлѣ трупа голову дяди Батиста, который смотрѣлъ вверхъ съ выраженіемъ ужаса.

Съ мола всѣ видѣли, что мачта сломалась: крикъ испуга вырвался изъ сотенъ глотокъ, когда «Цвѣтъ Мая» показался вновь, съ перебитымъ рангоутомъ, съ гладкою палубою, беззащитный передъ волнами. Теперь онъ погибъ безвозвратно. Мать и жена Ректора кричали, какъ безумныя, хотѣли броситься въ море, пойти, по крайней мѣрѣ, до самыхъ переднихъ глыбъ, которыя возвышались среди пѣны, словно головы подводныхъ великановъ.

Всеобщее соболѣзнованіе, мягкое участіе, которое возбуждается въ толпѣ несчастьемъ, окружало теперь этихъ двухъ обезумѣвшихъ. Никто уже не проклиналъ Ректора, всѣ забыли о его заразительной смѣлости и старались утѣшить этихъ двухъ женщинъ тщетными надеждами. Нѣсколько рыбаковъ стало между ними и моремъ, чтобы скрыть отъ нихъ зрѣлище послѣдней борьбы, исходъ которой слишкомъ лег-

ко было угадать.

Это ужасное положеніе продолжалось цѣлый часъ. Лодка не слушалась руля. Море несло ее въ бѣшеномъ бѣгѣ вдоль парапета. Случайно, она не наскочила ни на одинъ выступъ; волна приподняла ее, и она пронеслась, какъ стрѣла, мимо оконечности мола. Передъ Паскуало въ теченіе секунды промелькнули эти громадныя камни, на которыхъ было столько дружескихъ лицъ! Какая мука! Быть тутъ, у нихъ на глазахъ, слышать ихъ голоса и умереть!

Нѣсколько секундъ спустя лодка была далеко. Она летѣла прямо къ Назарету, чтобы погибнуть тамъ въ песокѣ, гдѣ уже погребено столько другихъ судовъ.

Антоніо, оглушенный ударами волнъ, оживился передъ молемъ. Надежда на спасеніе озарила его мрачное отчаяніе. Нѣтъ, онъ не хочетъ умереть! Онъ будетъ бороться противъ моря и бури, пока хватитъ силы. Онъ не колебался между вѣрной гибелью въ пескахъ черезъ полчаса и возможностью разбиться о моль при послѣдней попыткѣ спастись. А, впрочемъ, онъ былъ вѣдь лучшимъ пловцомъ въ Кабаньялѣ...

На четверенькахъ, рискуя быть смытымъ волнами, онъ доползъ до пробитаго водою люка и спустился въ трюмъ.

Ректоръ смотрѣлъ на него съ презрѣніемъ. «Онъ не раскаивался болѣе въ томъ, что сдѣлалъ. Богъ добръ и избавилъ его отъ преступленія. Сейчасъ онъ погибнетъ вмѣстѣ съ предателемъ: а что касается той, которая осталась на сушѣ, ну чтожъ, пусть живетъ! Есть ли для нея худшее наказаніе,

чѣмъ остаться въ живыхъ?.. Теперь онъ знаетъ, что въ жизни все – ложь. Единственная правда – смерть, которая приходитъ во время и которая ужъ не обманетъ».

Въ то время, какъ эти мысли быстро и смутно проносились въ его головѣ, какъ будто близость смерти обострила его умъ, онъ увидѣлъ Антоніо снова на палубѣ и вскрикнулъ отъ изумленія: у брата въ рукѣ былъ спасательный поясъ, подарокъ синьи Тоны, забытый въ трюмѣ.

Паскуало, суровымъ голосомъ и съ грознымъ взглядомъ, спросилъ, что онъ намѣренъ дѣлать.

Антоніо нисколько не смутился. «Что дѣлать? Спаситесь вплавь: пришло время спастись всякому, кто можетъ! Онъ не желаетъ умереть на этой лодкѣ, какъ крыса; лучше рискнетъ разбиться о скалы».

У Ректора вырвалось ужасное ругательство. «Нѣтъ! его братъ не сойдить съ лодки, не попробуетъ спастись! Они умрутъ вмѣстѣ, и этимъ Антоніо заплатитъ за все зло, какое ему сдѣлалъ».

Смертельная опасность воскресила въ Антоніо былое бахвальство, наглость человѣка погибшаго, который ничего не уважаетъ; онъ со свирѣпой улыбкой посмотрѣлъ на Паскуало. Въ позахъ этихъ двухъ человѣкъ было нѣчто болѣе страшное, чѣмъ даже буря.

– Батя! Батя! – снова слабымъ голосомъ закричалъ ребенокъ въ своихъ веревкахъ.

Тогда Ректоръ вспомнилъ, что мальчикъ тутъ, и, суровый,

безмолвный, оставил руль. Въ рукѣ у него былъ морской ножъ, которымъ онъ сразу перерѣзалъ все, чѣмъ привязанъ былъ ребенокъ.

– Поясь! подай! – крикнулъ онъ повелительно брату.

Но Антонио, вмѣсто отвѣта, старался просунуть руки въ помочи пояса. «Негодяй!» Паскуало чувствовалъ необходимость говорить, сказать все, хотя бы въ нѣсколькихъ отрывистыхъ словахъ. «Неужели Антонио считаетъ его слѣпымъ? Ректоръ знаетъ все. Это онъ въ прошлую ночь гнался за бѣглецомъ по улицамъ Кабаньяля. Если онъ не убилъ преступника, то лишь затѣмъ, чтобы погибнуть съ нимъ вмѣстѣ. Но этотъ мальчикъ, вѣдь, не виноватъ и не долженъ умирать. Живѣе, поясь! Онъ послужитъ ребенку, сыну измѣны и позора. Какъ бы ни былъ испорченъ Антонио, онъ долженъ же вспомнить, что этотъ ребенокъ ому сынъ».

– Слушайся, или я убью тебя, какъ собаку!

На лицѣ Антонио все еще была свирѣпая и циничная усмѣшка; и онъ все старался надѣть на себя спасательный поясь.

Но не успѣлъ. Братъ бросился на него; втеченіе нѣсколькихъ секундъ шла рукопашная на поломанной, дрожащей, безпрестанно заливаемой палубѣ. Антонио упалъ навзничъ съ распоротымъ бокомъ.

Паскуало, почти не сознавая, что дѣлаетъ, запаковалъ ребенка въ спасательный поясь; кинувъ его за бортъ, словно мѣшокъ балласта, онъ съ минуту смотрѣлъ на него и

увидѣлъ, какъ онъ исчезъ за гребнемъ волны.

Теперь Ректору оставалось только умереть, какъ умирали мужчины въ его семьѣ.

Между тѣмъ, толпа, собравшаяся у оконечности мола, видѣла, что «Цвѣтъ Мая» пляшетъ по волнамъ, точно ящикъ, безъ руля, что имъ играетъ буря. Никто не замѣтилъ борьбы на лодкѣ, но видѣли, что Ректоръ бросилъ какой-то большой узелъ, который поплылъ, гонимый волнами, и приближался къ парапету.

Спустя нѣсколько минутъ послѣдній крикъ страданія раздался на молѣ: «Цвѣтъ Мая», застигнутый сбоку огромной волной, опрокинулся, повернулся вверхъ килемъ и исчезъ.

Женщины перекрестились и окружили Долоресъ и Тону, удерживая ихъ, чтобы не дать имъ броситься въ море.

Рыбаки очень догадывались, что за узелъ плыветъ по направленію къ скаламъ: это, вѣроятно, ребенокъ. Скоро можно было даже рассмотреть его въ пробковой оболочкѣ. Но онъ сейчасъ разобьется о скалы! Мать и бабушка ревѣли отъ муки, молили о помощи, сами не зная кого. «Неужели нѣтъ ни одной доброй души, которая спасла бы ребенка?»

Какой-то смѣльчакъ-доброволецъ, привязавши къ поясу веревку, за которую держали его товарищи, бросился на подводные утесы, между камнями, полупогруженными въ воду, и, чудомъ силы и ловкости, ухитрился встать на ноги среди kloкочущихъ волнъ.

Много разъ несчастное тѣло наскакивало на выступы глы-

бъ, и снова волна уносила его при восклицаніяхъ ужаса. Наконецъ, спасатель сумѣлъ поймать его въ тотъ мигъ, когда оно готово было опять удариться о гигантскую стѣну.

Бѣдный маленькій Паскуало! Растянутый на тинистой площадкѣ мола, съ окровавленной головой, съ посинѣвшими членами, холодный и истерзанный краями камней, онъ въ этой объемистой оболочкѣ былъ, какъ черепаха въ своихъ щитахъ.

Бабушка пыталась отогрѣть своими руками это нѣжное лицо, на которомъ вѣки были закрыты навсегда. А Долоресъ, на колѣняхъ возлѣ мальчика, царапала себѣ щеки и рвала свои прекрасные растрепавшіеся волосы, дико водя во всѣ стороны своими золотистыми глазами.

Вопль отчаянія все время стоялъ въ воздухѣ:

– Дитя мое! Дитя мое!

Женщины рыдали. Росарія, покинутая и безплодная жена, была тронута этимъ безуміемъ пораженной горемъ матери и, съ искреннимъ состраданіемъ, она прощала своей соперницѣ.

А наверху, выше всѣхъ, стояла матушка Пикоресъ, прямая, гордая, какъ мечь, равнодушная ко всѣмъ скорбямъ; юбки, хлеставшія ее по ногамъ, развѣвались, какъ знамя. Она уже не грозила морю кулакомъ, а повернулась къ нему спиной. въ знакъ презрѣнія; она посылала свои проклятія землѣ, туда, въ городъ, къ башнѣ, которая вдали выдвигала свои могучія очертанія надъ множествомъ крышъ.

И кулакъ старой толстой вѣдьмы не переставаль грозить городу, между тѣмъ какъ изъ усть ея лились ругательства. «Пусть придуть всѣ жадныя хозяйки, что торгуются на рынкѣ! Рыба имъ слишкомъ дорога? Ахъ! Вотъ какъ? Да не дорого бы и по цѣлому дуру за фунтъ!»